Звездные судьбы. Исторические миниатюры

Светлана Игоревна Бестужева-Лада

SHOUT
SHARE
IT

- Светлана Бестужева-Лада
  - «Души печаль, очей очарованье…»
  - Зачумленный дворец
    -
  - Маргариты Наваррские
  - Мария Кровавая
    -
  - Ночная княгиня
    -
  - Русский принц Гамлет
  - Дважды обрученный
    -
  - Григорий Потемкин
    -
  - Победителей не судят
  - Царевна Ксения, или Вдовствующая невеста
  - Полу-царица, полу-девица
  - Великая Аврора
  - Две невестки Петра Великого
  - Таинственный старец, или Три жизни боярина Федора Никитовича Романова
    -
  - Неразгаданный кардинал, или Герцог де Ришелье
  - Тайна маркизы де Помпадур
  - Отдававшаяся, но не продававшаяся
  - Любовник короля и королевы
  - Принцесса из Дармштадта
  - Королева, уставшая быть королем
  - Княгиня Дашкова
    -
  - Из грязи — в князи
    - Алексей Григорьевич
    - Кирилл Григорьевич
    - Алексей Кириллович
    - Андрей Кириллович
  - Три судьбы одной женщины
  - Девка Гамильтон
  - Девица мужского пола
  - Проститутка, которая хотела стать президентом
  - Одинокий Гоголь
  - Мятежный Шамиль

Светлана Бестужева-Лада

ЗВЕЗДНЫЕ СУДЬБЫ
Исторические миниатюры

«Души печаль, очей очарованье…» АННА КЕРН

Эта женщина прожила свой век под негласным девизом: «Течение жизни нашей есть только скучный и унылый переход, если не дышишь в нем сладким воздухом любви». И никакие невзгоды не смогли изменить её кредо…

Анна Петровна Керн… Первое, что возникает в памяти в связи с этим именем, конечно же, бессмертные пушкинские строки:

«Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты».

Первое и… последнее. Практически ничего больше не известно об этой женщине, которая неоднократно не просто потрясала — шокировала своих современников поступками, и в наше время выглядевшими бы, мягко говоря экстравагантными.

А начиналось все — как у всех барышень прошлого века. Анна родилась в 1800 году, в усадьбе деда — орловского губернатора Полторацкого. Бабка Анны после смерти императрицы Екатерины Второй скупила все её сорочки и до своей кончины иных не нашивала. Любимую внучку она едва ли не ежемесячно спрашивала:

— Чего хочешь: куклу или деревню?

И девочка неизменно выбирала куклу. Под старость, мучаясь вечной нищетой, наверняка с тоскою вспоминала те, бабкины, предложения. Дюжины две деревенек ей ох как бы пригодились! А куклы — где они, куклы? Да Анна в них и не играла, потому что в пятилетнем возрасте научилась читать и с тех пор жила в сладостно-воображаемом мире российских и европейских романов, представляя себя попеременно их героиней. А ещё она любила стихи. Как предчувствовала.

Воспитывали Анну строго. Удивительная, рано проявившаяся прелесть девочки не столько радовала, сколько пугала её родню. «Ни один бал не проходил, чтобы мне батюшка не сделал сцены или на бале, или после бала. Я была в ужасе от него и не смела ему противоречить даже мысленно», — вспоминала много позже Анна Петровна.

Сцены сценами, но все офицеры Егерского полка, расквартированного в Лубнах, где жили тогда Полторацкие, были без ума от юной красавицы. Не составил исключения и сам командир дивизии, генерал Ермолай Федорович Керн — представительный мужчина с волевыми, крупными чертами лица. Суровый генерал, имевший — и вполне заслуженно! — семь боевых наград, пятидесятидвухлетний старый холостяк без ума влюбился в шестнадцатилетнюю девушку. Анна отвечала ему… острой неприязнью, она не могла даже заставить себя разговаривать с женихом (родители-то против такого брака не возражали). Но кто бы стал слушать «барышню на выданье», да ещё находящуюся под безусловным и безоговорочным влиянием отца? Кроме того, замужество давало ей шанс вырваться из-под мучительной родительской опеки. Анна наивно думала, что супружеские узы уничтожат неприязнь и посодействуют возникновению другого, куда более приятного чувства. Посему на умно поставленный вопрос генерала: «не противен ли я вам?» в ответ прозвучало чуть слышное: «Нет, не противны…».

Венчание состоялось в начале 1817 года. И вскоре после этого олоденькая генеральша Керн появилась на балу в Полтаве, которая после лубненского захолустья показалась ей чуть ли не европейским городом. Там же произошла её первая встреча с императором Александром Павловичем, воспоминания о которой долгое время скрашивали ей жизнь. А в конце года родилась девочка — Екатерина.

В 1819 году, когда Анна Петровна вместе с мужем приехала в Санкт-Петербург, произошла поистине судьбоносная встреча в её жизни, но она не заметила этого. На вечере в доме её родственников — Олениных — её внимание долго и безуспешно пытался привлечь некрасивый и невысокий молодой человек, никакими особыми достоинствами не обладавший. Молоденькая провинциалка наслаждалась тем, что находится в присутствии таких людей, как Карамзин, Крылов, Гнедич… Что ей был этот юнец, даже имени которого она не запомнила? Как его там звали? Кажется, Александром. А фамилия совсем простая: вроде бы Пушкин. А может быть, и нет.

Несчастный брак с генералом Керном заставил Анну Петровну с безразличием относиться и к дочери Катеньке. «Никогда, никогда не смогу я привязаться к ребенку, зачатому от Керна!» А тот, чтобы спасти хотя бы видимость теплых отношений с женой, чтобы сохранить хоть какое-то её расположение, не придумал ничего лучшего, как заняться сводничеством: сделать любовником молодой и красивой супруги собственного племянника. По принципу «все в семье останется». Но Анну такая

перспектива в восторг не привела: «Нет, право, жить с одним Керном трудно, но с двумя — это выше моих сил, я больше не могу».

За шесть лет жизни с ненавистным мужем Анна Петровна никому не дала малейшего повода сомневаться в своем благоразумии и в своей добродетели. Но затем терпение её истощилось. В 1823 году Анна Петровна вернулась к родителям. Это ещё не разрыв — лишь первая робкая попытка освободиться. Деликатно, с оглядкой на общественное мнение. Но относительно свободная жизнь вдали от супруга быстро изменила мироощущение молодой женщины и она нашла себе «предмет» в лице соседа по имению родителей, молодого и симпатичного Аркадия Гавриловича Родзянко. И не просто «завела» — переехала к нему жить, что повергло местную общественность в шоковое состояние. Влюбленная же пара была занята только своими чувствами и… поэзией, к которой оба были более чем неравнодушны. А на поэзии тогда уверенно восходила новая яркая звезда — Александр Пушкин. И не обратившая ни малейшего внимания на робкого юношу, который ухаживал за ней на вечере у Олениных шесть лет тому назад Анна Петровна, почти влюбляется в гений поэта.

Анна Петровна написала несколько писем своим дальним родственникам — Вульфам, имение которых находилась неподалеку от села Михайловского, где жил в то время ссыльный Пушкин. В каждом письме — комплименты поэту, а в некоторых даже приписки непосредственно ему адресованные. Но если у прекрасной генеральши имя Пушкина теперь вызывало трепетный восторг, то повзрослевший Александр Сергеевич заочно называл Анну Петровну «премиленькой вещью». Что, с моей сугубо личной точки зрения, гениального поэта характеризует, как мужчину, далеко не с лучшей стороны. Более того, в письмах к Родзянко, Пушкин позволяет себе писать о его подруге в выражениях, просто оскорбительных для женщины, хотя прекрасно знал, что Анна Петровна читала все его письма. Но знаменитая встреча поэта и «гения чистой красоты» неумолимо приближалась.

Анна Петровна приехала в Тригорское — имение Вульфов. И ернический, оскорбительный тон Пушкина исчез совершенно. Грустный и задумчивый гулял он с прекрасной генеральшей по парку, в элегическом тоне вспоминал их встречу у Олениных:

> «У вас был такой девичий облик… Не правда ли, что-то тогда вас угнетало, какой-нибудь крест?»

Анна Петровна разрешила Пушкину писать ей. Сама же она возвращалась к… Керну. Так решила родня, а молодая красавица

не была ещё настолько самостоятельна, чтобы долгое время противиться её натиску.

В Ригу, где находился в это время на службе генерал Керн, полетели письма из Михайловского, исполненные такой высокой поэзией, пронизанные такою страстною и почти безумною любовью, какую в реальной жизни можно встретить нечасто. Сохранилось семь писем Пушкина к Анне Керн. Легко представить себе, какой восторг должна была испытывать женщина, вызвавшая подобные чувства. Тем более на фоне того грубо-заземленного, утилитарного отношения, которое не уставал демонстрировать престарелый супруг-генерал. Женщина — какой бы молодой и прекрасной она ни была — оставалась для него лишь самкой — не более того. Немудрено, что в 1826 году Анна Петровна снова оставила мужа и на этот раз — навсегда. Не остановило её даже то, что вскоре должен был родиться её второй ребенок. Снова дочь, получившая при крещении имя Анна.

Два года спустя Анна Петровна пылко влюбилась в собственного кузена — Алексея Вульфа — и роман этот длился почти четыре года. Вульф оставил о своей возлюбленной весьма интересные воспоминания:

> «Ее страсть чрезвычайно замечательна не столько потому, что она уже не в летах пламенных восторгов (это о тридцатичетырехлетней женщине, между прочим! — *С. Б.*), сколько по многолетней её опытности и числу предметов её любви. Про сердце женщины после этого можно сказать, что оно свойства непромокаемого — опытность скользит по ним. Пятнадцать лет почти беспрерывных несчастий, уничижений, потери всего, что в обществе ценят женщины, не могли разочаровать это сердце или воображение — по сию пору оно как бы в первый раз вспыхнуло!.. Никого я не любил и, вероятно, не буду так любить, как её».

Что интересно, роман Анны Петровны с Алексеем Вульфом — близким другом Александра Пушкина — нисколько не помешал продолжению того, что возникло в Тригорском. В 1828 году, почти сразу после возвращения поэта из ссылки, случилось то, к чему он так пылко стремился, а она — не противилась. Но удивительная вещь, мужское чувство к женщине! Та, которая три года тому назад была «гением чистой красоты», после физической близости почти мгновенно стала «вавилонской блудницей». И действительно, не дождалась пылкого и знаменитого поклонника, сбежала от мужа, завела себе молодого любовника — какой уж там гений! Жила бы себе в тиши, перечитывала бы пожелтевшие

пушкинские письма, глядишь, удостоилась бы более мягкого определения. Но у Анны Петровны характер был на редкость мягким и добрым: она была благодарна поэту за романтическую любовь, не сетовала на физическое охлаждение и не шутя называла его за глаза «гением добра». Выводы делайте сами.

Помимо доброты, Анна Петровна обладала ещё и удивительной непрактичностью. При выходе замуж получила в приданное большое имение в Тверской области и значительную сумму денег. Имение некоторое время спустя попросил её заложить отец, который находился в стесненых обстоятельствах. Так, в залоге, оно и пропало. Денежную часть приданного прокутил бравый генерал Керн. В результате уже сравнительно немолодая красавица перебивалась кое-как литературными переводами и грошовыми подачками от друзей и знакомых. Грошовыми не потому, что знакомые и друзья были скупы, а потому, что сами в деньгах отнюдь не купались. Анна Петровна вращалась в Петербурге в блестящем обществе литераторов и композиторов, поэтов и живописцев. Блестящем, потому что только имена Дельвига и Глинки — её преданных поклонников — показывают, какой уровень культуры имело это общество. В великосветские же салоны жену-беглянку не приняли бы никогда.

Тем не менее, культурой сыт и одет не будешь. И Анна Петровна в 1836 году написала отчаянное письмо-мольбу «на высочайшее имя»:

> «Августейший монарх, всемилостивейший Государь!
>
> Отчаяние, безнадежное состояние и жесточайшая нужда повергают меня к стопам Вашего Императорского Величества. Кроме Вас, Государь, мне некому помочь! Совершенное разорение отца моего, равно отказ мужа генерал-лейтенанта Керна давать мне законное содержание лишают меня всех средств к существованию. Я уже покушалась работою поддерживать горестную жизнь, но силы мне изменили, болезнь истощила остальные средства, и мне остается одна надежда — милосердное воззрение Вашего Императорского Величества на мои страдания. Я не расточила своего достояния — это внушает мне смелость взывать к милосердию…»

Удивительно, но Анна Петровна получила в ответ на свое прошение единовременную материальную поддержку от двора, а её супруг — строжайший приказ впредь содержать жену так, как подобает. Императора не интересовали интимные проблемы супругов, он требовал соблюдения закона. Генерал попробовал

возмутиться, но с императором Николаем Павловичем спорить не приходилось и пришлось формальному супругу исправно содержать Анну Петровну, которой только что исполнилось тридцать девять лет и которая ждала своего третьего ребенка от человека, бывшего моложе неё почти на двадцать лет.

По существу её любовник — Александр Марков-Виноградский, воспитанник Кадетского корпуса в Санкт-Петербурге — приходился Анне Петровне троюродным племянником. На правах родственницы, она взяла над ним опеку, когда его, шестнадцатилетнего юношу, привезли в Северную Пальмиру. Первоначально искренние почти материнские чувства Анны Петровны к красивому мальчику постепенно сменились чувствами совершенно иными, а юный кадет без ума влюбился в свою прекрасную тетушку. Та была все так же романтична, восторженна и готова к любви, как и в юности. В результате в 1839 году у незаконной четы родился сын Александр.

Скандал разразился грандиозный. Молодому офицеру, выпускнику Кадетского корпуса, с этих пор не приходилось рассчитывать ни на материальную поддержку, ни на наследство. Ему пришлось стать строевым офицером, он получал мизерное жалование. Его связь с сорокалетней женщиной выглядела в глазах других офицеров, мягко говоря, странно, и в 22-летнем возрасте подававшему блестящие надежды Александру Васильевичу пришлось выйти в отставку в чине всего лишь подпоручика. Огорчило ли это его? Нимало! Он по-прежнему души не чаял в своей подруге и маленьком сыне.

Но если молодого человека, неопытного, поглощенного первой любовью ещё можно понять, то поведение Анны Петровны понятно и непонятно одновременно. В 1841 году её законный супруг, генерал Керн, скончался. Она могла бы оставаться вдовой генерала, получать приличную пенсию и спокойно жить в Петербурге с дочерью-невестой, Сашей-большим и Сашей-маленьким. Сплетни вокруг её поведения и имени давно уже её не волновали. Но она выбрала иную судьбу.

В 1842 году Анна Петровна обвенчалась с Александром Васильевичем, получив «в приданное» проклятие отца, который заявил, что не даст ей ни копейки, и потеряв право на генеральскую пенсию. Снова нищета… Зато с этого дня и до конца жизни она с гордостью подписывалась: Анна Виноградская. Ненавистная фамилия Керн осталась в прошлом. А в настоящем, помимо вечной бедности, было то, о чем она писала одной из своих подруг:

«Муж сегодня поехал по своей должности на неделю,

а может быть и дольше. Ты не можешь себе представить, как я тоскую, когда он уезжает! Вообрази и пожури меня за то, что я сделалась необычайно мнительной и суеверной: я боюсь — чего бы ты думала? никогда не угадаешь! — боюсь того, что мы оба никогда ещё не были, кажется, так нежны друг к другу, так счастливы, так согласны! На стороне только и слышно, что ставят в пример нас. Говорят молодые, новые супруги: „Нам только бы хотелось быть так счастливыми, как Анна Петровна и Александр Васильевич!“ И нам теперь так трудно расставаться, что Василич три дня откладывал поездку: сегодня насилу решился выехать — и то потому, что получил на это предписание от начальства…»

У них не было ничего, кроме их любви, и они были счастливы. Места службы Александра Васильевича были мелки, неинтересны, приносили крохотный доход, на который едва можно было свести концы с концами — уныния в семье не было. Супруги даже исхитрялись устраивать какое-то подобие приемов, на которых присутствовали не титулованные аристократы, а такие люди, как Тютчев, Анненков, Тургенев. Последний, кстати, вот что написал о встрече с четой Виноградских:

«Вечер провел у некой мадам Виноградской, в которую когда-то был влюблен Пушкин. Он написал в честь её много стихотворений, признанных одними из лучших в нашей литературе. В молодости, должно быть, она была очень хороша собой, и теперь ещё при всем своем добродушии (она не умна), сохранила повадки женщины, привыкшей нравиться. Письма, которые писал ей Пушкин, она хранит как святыню. Мне она показала полувыцветшую пастель, изображающую её в 28 лет — беленькая, белокурая, с кротким личиком, с наивной грацией, с удивительным простодушием во взгляде и улыбке… немного смахивает на русскую горничную вроде Варюши… На месте Пушкина я бы не писал ей стихов. Ей, по-видимому, очень хотелось познакомиться со мной, и, так как вчера был день её ангела, мои друзья преподнесли ей меня вместо букета. У неё есть муж на двадцать лет моложе нее: приятное семейство, немножко даже трогательное и в то же время комичное».

Интересно, правда, что «главная любовь» Тургенева — певица Полина Виардо — была просто на удивление некрасива. Так ведь известно: на вкус и цвет товарищей нет.

«Письма Пушкина она хранила как святыню…» И лишь жесточайшая нужда побудила Анну Петровну продать эти реликвии в журнал «Русская старина». Но и это не помогло: Александр Васильевич все чаще прихварывал, денег не было вовсе. Пришлось даже обратиться за помощью к давнему другу-любовнику Алексею Вульфу:

> «Не подосадуй, мой друг, на меня, что я при сей верной оказии прибегаю к тебе за помощью, мой верный друг и моя опора! Помоги мне ещё раз… Не откажи мне, вышли сто рублей в Петербург». Но Анна Петровна не была бы сама собой, если бы это письмо-вопль не завершала такая вот фраза: «Весна так хороша, что я и тебе подобной желаю…»

К концу жизни от прежней красоты ничего не осталось. Современники, время от времени проявлявшие любопытство к той, которой так восхищался Пушкин, видели:

> «…маленькую-маленькую, сморщенную как печеное яблочко древнюю старушку в черной кацавейке, и разве только пара больших, несколько моложавых для своих 80 лет глаз немного напоминало о былом, давно прошедшем».

Александр Васильевич был по-прежнему нежно привязан к ней и окружал всевозможными заботами. Воистину, это оказалось любовью до гроба. Он скончался в начале февраля 1879 года. она пережила его лишь на четыре месяца и умерла в мае — самом любимом своем месяце, когда можно слушать соловьев, любоваться луной и наслаждаться необъяснимой и вечной красотой этого мира.

Красота, конечно, дело вкуса и вообще понятие спорное. Для Александра Сергеевича Пушкина Анна Керн была «гением чистой красоты». Но можно было бы сказать и по-другому.

Зачумленный дворец

«Король умер — да здравствует король!» — такова была традиционная формула начала каждого нового царствования во Франции. Но восшествие на престол Людовика Пятнадцатого уместнее было бы предварить так: «Все умерли — да здравствует король!»

Людовик Четырнадцатый — будущий «Король-Солнце» — родился в 1638 году, когда у его родителей после почти двадцати пяти лет бесплодного брака не было уже никакой надежды обзавестись потомством и дать трону наследника. Младший брат короля, герцог Гастон Орлеанский (тоже, кстати, бездетный!) уже чувствовал на своем челе французскую корону, но… Почти сорокалетняя Анна Австрийская разрешилась от бремени первенцем — Людовиком, а два года спустя родила второго сына — Филиппа. И следующим королем, после того, как его отец, Людовик Тринадцатый, скончался, не дожив даже до сорока пяти лет, стал пятилетний Людовик, уже и в этом нежном возрасте понимавший, что он — выше всех остальных людей по своему происхождению.

Людовик Тринадцатый не был весельчаком, как его отец — легендарный «Анри Четвертый». Любимой фразой короля с несчастливым порядковым номером была: «Поскучаем, хорошенько поскучаем». И весь двор разделял это времяпрепровождение — а что ещё оставалось делать? Король не терпел танцев, ненавидел карточные игры, в жизни ни разу не был в театре. Даже женщины его мало интересовали, впрочем, мужчины тоже. Так что Анна Австрийская, овдовевшая в сорок два года, не слишком печалилась — разве что об утрате своей прежней прославленной красоты. Богиня, сводившая с ума герцога Бэкингема, кардинала Ришелье и многих других не столь известных и блестящих вельмож, превратилась в разжиревшую матрону, с отвисшим подбородком и крючковатым носом. Впрочем, и это её мало заботило: на пятом десятке лет она обрела пылкого и нежного возлюбленного (злые языки поговаривали, что и тайного мужа) в лице преемника кардинала Ришелье — кардинала Мазарини.

«Ясновельможный синьор Джулио Мазарини

обладает приятной наружностью и хорошо сложен, вежлив, ловок, бесстрастен, неутомим, сметлив, прозорлив, скрытен, умеет молчать, точно так же, как и говорить красно и убедительно, не теряется ни при каких обстоятельствах. Одним словом, он одарен всеми качествами, необходимыми искусному дипломату. Первый его дебют на этом поприще обличает мастера своего дела, в свете он, конечно, займет одну из первых ролей. Судя по его здоровой комплекции, он ещё долго будет пользоваться готовящимися ему почестями, путь к которым затруднен лишь ограниченным его состоянием», —

такую хоть и лестную, но достаточно точную характеристику дал кардиналу его современник-дипломат. Он забыл добавить, что Мазарини был чудовищно скуп, так что королю Людовику первые десять лет его формального царствования приходилось спать на грязных и рваных простынях, а камин в его спальне топили от силы раз в неделю.

Став регентшей при малолетнем сыне, Анна Австрийская прежде всего сделала Мазарини первым министром и председателем государственного совета. Их скандальная связь была тайной лишь формально — о последней любви Анны Австрийской знал каждый встречный и поперечный. Один из сподвижников её покойного мужа как-то с грустью заметил:

— Женщины — непостижимые создания. Устоять перед Бэкингемом, отвергнуть Ришелье и сдаться какому-то Мазарини!

Философ был сослан в его поместье и мог считать, что дешево отделался. Мазарини был очень злопамятен, но проливать кровь избегал. В считанные месяцы были сосланы или заточены в крепость бывшие друзья и сторонники Анны Австрийской, посмевшие нелестно отозваться о её новом кумире и повелителе. Лишь одного человека, не скрывавшего своей искренней ненависти к кардиналу, не могли ни сослать, ни заточить — малолетнего короля Людовика. Эта ненависть, правда, не распространялась на племянниц кардинала — Викторию, Олимпию, Марию и Лауру. Трех последних скандальная дворцовая хроника спустя пятнадцать лет зачислит в любовницы монарха. Но до этого было ещё далеко.

Первые десять лет формального правления Людовика Четырнадцатого были омрачены непрестанными распрями среди придворных, большинство из которых терпеть не могло выскочку-кардинала. К придворным присоединилась сначала французское дворянство, а затем — и весь народ. В Париже дело дошло до

открытого бунта и королева со своими сыновьями и любовником вынуждена была инкогнито бежать в провинцию и вызывать туда верные ей войска. А чтобы оградить Мазарини от гнева и нападок аристократии, гордая Анна Австрийская сочеталась с ним тайным браком. Поступок для Европы даже тех времен — беспрецедентный.

Бунт, то затихая, то вновь разгораясь, длился почти десять лет, но окончился практически ничем. Особенно если учесть, что именно в это время в Англии за гораздо меньшие преступления против морали и права лишился головы король Карл Стюарт, то можно считать, что Людовику и его матери несказанно повезло. Более того, уже пятнадцатилетний Людовик принял в Париже торжественную присягу от всех своих подданых, вызывая своей красотой всеобщее восхищение. Через два года был заключен его брачный договор с испанской инфантой Марией-Терезией. Мазарини же прожил ещё девять лет, оставаясь негласным и абсолютным властелином Франции, и уже на смертном одре дал своему королю один-единственный, но бесценный совет:

— Ваше величество, упраздните раз и навсегда должность первого министра.

Но ещё при своей жизни Мазарини, подавив непомерное тщеславие, воспрепятствовал нежным отношениям короля с двумя своими племянницами — Олимпией и Марией. Первая вышла замуж за графа де Суассон, вторая — за знатного итальянского вельможу. Людовик же сочетался узами законного брака со своей испанской кузиной, которая обладала всеми недостатками своей тетки-свекрови Анны Австрийской — гордостью, честолюбием, жестокостью и доходящей до фанатизма религиозностью, но была лишена её главного достоинства — красоты. Зато сам Людовик, бесспорно, был более чем хорош собой.

Внук флорентинки и сын испанки, он был одарен пылкой, страстной и неукротимой натурой. Другими отличительными чертами были чисто испанская гордость и чисто итальянское сластолюбие. Первый гарем он составил из фрейлин своей матери, причем возраст и внешность его мимолетных фавориток были ему совершенно безразличны. Затем он стал всерьез ухаживать за женой своего младшего брата Филиппа — Генриэттой Английской, и та, похоже, отвечала ему взаимностью И вдруг все переменилось: король, уже два года женатый, воспылал безумной страстью к фрейлине принцессы Генриэтты — Луизе де Лавальер. По свидетельству современника, «девица эта, роста посредственного, но очень худощава, походка у неё неровная, она прихрамывает. Белокура, лицом бела, рябовата,

глаза голубые, взгляд томный и по временам страстный, вообще же весьма выразительный. Рот довольно велик, уста румяные. Она умна, жива, имеет способность здраво судить о вещах, хорошо воспитана, знает историю и ко всем этим достоинствам одарена нежным, жалостливым сердцем».

Ничего такого, что могло бы возбудить бурное чувство, портрет Луизы де Лавальер не обнаруживает. Но спустя неделю весь двор, а затем и вся страна узнали о новой королевской фаворитке. Все прежние увлечения были забыты. Король осыпал свою возлюбленную драгоценностями и стихами, для неё был построен волшебный замок Версаль — памятник любви, любовная поэма, созданная из мрамора и украшенная статуями, фонтанами, террасами, цветниками и рощами. Если бы Людовик не любил Луизу, Версаля бы не было.

Этот роман длился девять лет, пройдя все фазы: от бурной страсти до абсолютной холодности, правда, и то, и другое было выражением чувств только короля. Луиза же просто любила его, родила ему троих детей, один из которых умер в младенчестве, а когда почувствовала, что уже нелюбима — ушла в монастырь кармелиток, устав которого отличался необычайной строгостью. Можно со всей уверенностью сказать, что это была единственная женщина в жизни Людовика, которая любила в нем не короля, а человека.

За это время королева родила одного-единственного ребенка, наследника престола, дофина. Она часто жаловалась своей свекрови, Анне Австрийской, пока та ещё была жива, на невероятную, необъяснимую холодность к ней супруга. На что вдовствующая королева как-то ей ответила:

— Дочь моя, стоит ли огорчаться из-за пустяков и тратить нервы из-за каких-то девок? У вас могут быть законные дети и без короля, но у короля без вас — только незаконнорожденные.

Говорят, что Мария-Терезия прислушалась к этому совету и через пять лет после первенца родила девочку. Беда заключалась в том, что ребенок оказался темнокожим, так как отцом его злые языки называли любимого мавра королевы, погибшего при весьма загадочных обстоятельствах. Сам Людовик, якобы, распорядился, чтобы новорожденная «принцесса» была немедленно пострижена в монахини. Но никаких документальных подтверждений этого скандального факта нет.

Зато абсолютно достоверно, что сменившая Луизу де Лавальер Атенаис де Монтеспан, не только родила ему четверых признанных им детей, но и вытянула из своего царственного любовника немалые суммы денег. Маркиза де Монтеспан была необыкновенно хороша собой, жгучая брюнетка, с острым,

язвительным языком, хохотавшая там, где её предшественница проливала слезы умиления. Этот роман в самом начале был омрачен внезапной смертью невестки короля — принцессы Генриэтты Английской, почти открыто отравленной по наущению маркизы. Прекрасная Атенаис не терпела даже потенциальных соперниц. Не уйди Луиза де Лавальер в монастырь, её наверняка ожидала бы та же участь. А через год после принцессы скончалась и вдовствующая королева, причем её смерть так же была окутана тайной. Официально одна умерла от злокачественной лихорадки, вторая — от опухоли в груди. Но симптомы были в обоих случаях схожими.

Детей маркизы и короля поручили заботам бедной вдовы Франсуазы Скаррон, причем происхождение малюток всячески скрывалось. Они сами долгое время не знали ни матери, ни, тем более, отца. Узаконены они были лишь несколько лет спустя. Франсуаза, женщина весьма образованная, сумела дать детям такое воспитание, что угодила королю и была допущена ко двору. Чему, кстати, немало способствовала и сама маркиза, не допуская и мысли о том, что возвеличивает свою будущую преемницу и соперницу: слишком ничтожной в её глазах была какая-то вдова не первой молодости (Франсуазе к тому времени было около тридцати пяти лет).

Впрочем, маркиза закрывала глаза на многочисленные мимолетные интрижки своего царственного любовника и принимала решительные меры только тогда, когда ей казалось, что легкое увлечение может перерасти во что-то более серьезное. Она фактически царствовала, затмевая законную королеву. Та, впрочем, уже давно смирилась со своей заброшенностью и в ответ на намек какого-то придворного о том, что король увлечен некоей красавицей, обронила:

— Это не мое дело, скажите об этом маркизе де Монтеспан.

Маркиза же проглядела начало нового — и последнего — романа короля. Она сама способствовала тому, чтобы Франсуазе Скаррон, гувернантке её детей, было пожаловано поместье Ментенон вместе с титулом маркизы. Она не препятствовала длительным беседам новоиспеченной маркизы со стареющим королем. Людовик же, перешагнув пятидесятилетний рубеж, стал задумываться о своей прежней жизни и испытывать страх перед неизбежным возмездием за грехи. Тут набожная и очень умная маркиза де Ментенон пришлась как нельзя кстати. И очень скоро её назначили придворной дамой к супруге дофина Клотильде, принцессе Баварской, что ещё больше сблизило маркизу с королем, а короля — с его законным сыном.

«Я уверен, — говорил Людовик, — что беседы маркизы с моей

невесткой будут иметь на последнюю самое благодетельное влияние».

Гордая Атенаис де Монтеспан была повержена — и выслана. Судьба явно улыбалась маркизе де Ментенон: вскоре после отставки официальной фаворитки умерла законная супруга короля, Мария-Терезия. Несчастная женщина скончалась в 1683 году, проведя в постылом браке почти тридцать лет, и смерть её исторгла из каменного в общем-то сердца Людовика вместе со слезами следующие слова:

— Вот первое горе, которое бедняжка причинила мне!

Маркиза де Ментенон неусыпно ухаживала за королевой до последней минуты, как бы готовясь к тому, что эту же роль ей придется впоследствии сыграть и при самом короле. Королева скончалась на её руках, дав тем самым маркизе право на особое расположение короля. Действительно, и на крестинах внука Людовика, сына дофина, и много позже, на его свадьбе с герцогиней Бургундской маркиза занимала почетное место рядом с королем, а новобрачная обращалась к ней не иначе как «тетенька». Все это дало повод утверждать, будто короля и маркизу связывали узы тайного брака, но документальных подтверждений этого нет. К тому же маркизе ко времени смерти королевы исполнился уже пятьдесят один год, а в этом возрасте уставом католической церкви женщине разрешено поступать в услужение к священнику и жить с ним под одной кровлей.

По-видимому, это действительно были дружеские отношения, поскольку ни о браке, ни даже о любви в их обширной переписке нет ни слова, ни намека, а в завещании короля она просто не упоминается.

А на королевскую семью посыпались неприятности. В 1690 году скончалась супруга дофина Виктория Баварская, так и не дождавшись заветной французской короны для своего мужа. Старший внук Людовика, его тезка — горбатый и некрасивый — отличался слабым здоровьем, ещё более пошатнувшимся после очень раннего брака (жениху едва исполнилось пятнадцать лет), и вся Франция молилась, чтобы прямая ветвь Бурбонов не пресеклась раньше времени. Второй — герцог Анжуйский, по завещанию бездетного испанского короля, стал наследником его трона, третий — герцог Беррийский — был ещё слишком мал, чтобы как-то распоряжаться его судьбой…

В мае 1707 года Людовик праздновал шестидесятипятилетний юбилей своего царствования и мог сказать при этом, что последние двадцать лет разрушили все, что было сделано для славы Франции за предыдущие сорок пять лет. Набожность и ханжество, воспринятые от маркизы де Ментенон,

дурно сказались и на внешней, и на внутренней политике. Финансы же государства не были в столь плачевном состоянии даже тогда, когда король швырял безумные деньги на прихоти своих фавориток.

Кстати, самая влиятельная из них, герцогиня де Монтеспан, (в качестве компенсации за отставку ей был дан герцогский титул) умерла ровно две недели спустя после юбилейных торжеств. Король, узнав об этом, соизволил сказать лишь:

— Герцогиня умерла? Странно! Была такая бодрая и свежая….

Он явно видел перед собой не свою ровесницу, а ту, прежнюю подругу его молодости.

В 1711 году на пятидесятом году жизни скончался дофин — вечный наследник французского престола — якобы от злокачественной оспы. История точь-в-точь напоминает историю российского императора Петра Второго, который во время охоты зашел в крестьянскую хижину выпить воды и заразился от больной девочки. Тело похоронили без вскрытия, как зачумленное. Наследником престола был объявлен его сын, герцог Бургундский, с женой которого, молодой герцогиней, престарелый Людовик, если верить придворным сплетням, поддерживал более чем родственные отношения. Но на следующий год и дофин, и его супруга скончались, причем принцесса была явно отравлена, а наследный принц скончался от якобы злокачественной лихорадки. Оба сына этой злосчастной супружеской пары в одночасье заболели скарлатиной: старший, герцог Бретонский, законный наследник французского престола, умер. Младшего — герцога Анжуйского — с огромным трудом удалось спасти, хотя и его кончины ожидали с часу на час.

Кто-то из придворных, подозревая (и, наверное, не без оснований), что младенца отравили, как и его родителей и старшего брата, вспомнил о так называемом «венецианском противоядии». Оказалось, что оно было у вдовы королевского брата, принцессы Орлеанской, и она не замедлила доставить его во дворец. Маленький герцог Анжуйский — будущий Людовик Пятнадцатый — был спасен, но принцесса вместо благодарности услышала от короля:

— Если бы вам было угодно, мадам, в моем семействе не было бы четырех покойников.

Четвертым был последний внук короля, герцог Беррийский. Его отравила его собственная супруга-итальянка. Она не пожелала безропотно сносить то, что сносила испанка Мария-Терезия и без затей подлила в любимое вино супруга несколько капель безвкусного и безуханного вещества. Овдовев, молодая и

бездетная герцогиня вернулась в Италию, отряхнув со своих ног прах ненавистной и вероломной Франции.

Так что к последним годам жизни Людовика Четырнадцатого из его многочисленного законного потомства остался только грудной младенец. Опекуном его, согласно завещанию, должен был стать сын короля от герцогини де Монтеспан, герцог де Мэн. Впрочем, Людовик прожил ещё три года и успел дать своему правнуку кое-какие устные наставления:

— Дитя мое, вы скоро будете повелителем великого королевства. Никогда не забывайте Бога, которому вы обязаны всеми вашими благами. Старайтесь сохранять мир с соседями. Я слишком любил войну, в этом, а также в расточительности, не подражайте мне, не избегайте добрых советов. Тягости подданных облегчайте неотлагательно и исправьте все, что я не имел счастья исправить.

Эти слова были выбиты на мраморной доске, которую затем вделали в стену у изголовья будущего короля… Ни одно из этих слов не врезалось ему в память и все его царствование было полной им противоположностью.

1 сентября 1730 года Людовик испустил последний вздох, успев сказать на прощание бессменно дежурившей у его ложа маркизе де Монтеспан:

— При предстоящей нашей разлуке меня утешает мысль, что она не будет продолжительна… Мы скоро свидимся!

Набожная маркиза не слишком обрадовалась такой перспективе.

Она пережила Людовика всего на три года. С её смертью во Франции не осталось никого, кто бы помнил «Короля-Солнце» во всей его пышности и великолепии. Через двадцать лет Людовик Пятнадцатый скажет пророческую фразу: «Государство — это я», фактически совершенно не занимаясь государственными делами.

А дворцы французских королей по-прежнему считались чуть ли не зачумленными — так много внезапных кончин происходило в их стенах. Правда, пра-правнук «Короля-Солнца» был обезглавлен, а не отравлен…

Но это — уже совсем другая история.

Маргариты Наваррские

В заголовке нет опечатки. История знает двух Маргарит Наваррских. Одна — получившая бессмертие из-за причастности к кровавым событиям Варфоломеевской ночи и благодаря роману Александра Дюма «Королева Марго». Вторая, которую называли «добрым гением французского Ренессанса», приходилась прекрасной Марго родной бабушкой и была не менее умна и красива. А поскольку была ещё и добродетельна, то потомки забыли её быстрее, нежели её жестокую и беспутную внучку. Более того — наделили младшую Маргариту всеми теми достоинствами, которыми обладала старшая: образованностью, умом, нежным сердцем.

Маргарита Валуа — младшая дочь короля Франции Генриха Второго и королевы Екатерины Медичи — родилась в 1556 году. Безупречно красивая девочка получила более чем превосходное образование: свободно говорила по-латыни и по-гречески, увлекалась философией и литературой, неплохо разбиралась в тайнах черной магии и ядах. Все это делало её истинной дочерью Екатерины — флорентийской герцогини из знаменитого рода интриганов и отравителей Медичи. А необузданную страстность Марго унаследовала от своего отца, который, если верить скандальным хроникам того времени, не пропускал ни одной мало-мальски хорошенькой женщины.

Первый любовник у принцессы Маргариты появился, когда девочке исполнилось… тринадцать лет. По одним источникам это был её родной старший брат Генрих. По другим — кузен, герцог де Гиз. Так или иначе, дело осталось сугубо внутрисемейным, а при свободных нравах, царивших тогда в придворных кругах Франции, ничего скандального и не произошло. Так — коловращение жизни, обычное её течение. Когда принцесса подрастет, её выдадут замуж по династическим соображениям, а прошлое — оно и есть прошлое и может волновать только мещан, но уж никак не особ королевской крови.

Старшая сестра Маргариты, Елизавета, уже была просватана за испанского инфанта, но планы её матери, фактической правительницы Франции после смерти короля Генриха, внезапно переменились и принцесса Елизавета стала женой испанского короля, а не его сына. Несчастная молодая женщина скончалась двадцати трех лет от роду, по слухам, отравленная собственным ревнивым мужем. Почти одновременно скончался и её бывший жених-пасынок, тоже не без помощи со стороны. Маргарита оплакивала сестру, раздражая этим невозмутимую королеву-мать:

сентиментальность не входила в число основных добродетелей Екатерины Медичи. Но когда она назвала младшей дочери имя её будущего мужа, Маргарита пришла в ужас. Ее грядущая судьба могла обернуться едва ли не большей трагедией, нежели судьба старшей сестры.

Екатерина задумала инсценировать примирение двух смертельно враждующих религий — католичества и протестантства — противостояние которых раздирало Францию. Для этого требовалось всего-навсего породниться с протестантским королевским домом Наварры (тогда ещё независимого государства) и сделать молодого короля Генриха родственником и вассалом французской короны. А когда протестанты успокоятся и решат, что религиозные распри отошли в прошлое, коль скоро жена-католичка и муж-протестант мирно делят супружеское ложе, — нанести решительный и безжалостный удар, вырезав протестантскую «ересь» под корень, в прямом и переносном смысле этого слова.

На счастье или несчастье дочери Екатерине было решительно наплевать. Помимо Маргариты, у неё было ещё три сына (точнее, осталось, поскольку старший, Франциск, скончался, не дожив и до шестнадцатилетнего возраста), династическое будущее Франции казалось надежно обеспеченным, а все хитроумные замыслы флорентийки до сих пор приносили ей только успех. Соблазнить юного наваррского короля ничего не стоило, поскольку перед женщинами он вообще не мог устоять, но вот его мать, вдовствующая королева Жанна Наваррская… Эту даму пришлось просто отравить, так как она решительно не желала вступать в родственные связи с католическим королевским двором. Юный король Генрих прекрасно знал, кто и почему отравил его мать, но тем не менее от мысли о браке с Маргаритой Валуа не отказался. В основном, по-видимому, потому, что был без ума от одной из фрейлин королевы и готов был на все, лишь бы не разлучаться со своей милой.

Пышная свадьба состоялась в Париже в августе 1672 года, всего лишь через два месяца после смерти королевы Жанны. Чуть ли не все знатные протестанты Франции съехались на это торжество, наивно предполагая, что теперь смогут занять подобающие им места при дворе и уравняться в правах с католиками. Увы, с этой иллюзией им пришлось расстаться слишком скоро. Не успели отзвонить свадебные колокола, как другой звон — набатный — известил Париж о начале Варфоломеевской ночи, той самой, в которую несколько десятков тысяч протестантов были безжалостно убито, а немногие чудом уцелевшие поспешили либо бежать в провинцию, либо принять

католичество. Среди последних был и молодой король Наваррский, спасшийся от гибели лишь благодаря прихоти своей супруги. Нет, королева Марго не воспылала безумной страстью к своему законному мужу, она спасла его назло слишком властной матери и неверному любовнику — герцогу де Гизу, который осмелился пренебречь приглашением на любовное свидание.

Спасла — и не пожалела. Политический брак, заключенный с обоюдным отвращением, постепенно преобразился во вполне пристойный супружеский союз, с некоторыми даже проблесками взаимного чувства. Главной причиной этого явилось удивительное сходство характеров супругов. Генрих Наваррский был чрезвычайно влюбчив — королева Марго ему в этом ничуть не уступала. Генрих за женскую ласку готов был отдать жизнь и честь — Маргарита поступала точно так же по отношению к своим бесчисленным любовникам. И муж, и жена одинаково терпимо относились к внебрачным забавам друг друга, а нередко даже и оказывали друг другу поддержку. Генриху ничего не стоило спрятать у себя в спальне одного из воздыхателей Маргариты, дабы тот не столкнулся в опочивальне королевы со своим соперником. Маргарита поддерживала самые теплые отношения со всеми — без исключения! — любовницами своего супруга, а одну из них, саму. молоденькую, даже называла доченькой. Впрочем, возможно, это объяснялось тем, что Маргарита была бесплодна, а побочное потомство Генриха умножалось с умопомрачительной скоростью. Поневоле станешь терпимой!

Кроме того, пока была жива Екатерина Медичи, а французский трон занимал третий её сын Генрих, чете Наваррской приходилось несладко. Для Екатерины брак Генриха и Марго уже не имел никакого смысла и она жаждала избавиться от зятя и заменить его кем-нибудь более выгодным для династии. Впрочем, она не возражала бы и против пострижения дочери в монахини — свою роль Марго уже выполнила, послужив приманкой для протестантов, другой нужды в ней не было. Достойная дочь своей маменьки, Маргарита прекрасно понимала всю шаткость и опасность своего положения и делала основную ставку на хоть и неверного, но «перспективного» мужа. У её брата, короля Франции Генриха Третьего, детей не было, наследник престола, младший брат короля, предпочитал мальчиков и не был женат даже номинально. К тому же, как и все мужчины рода Валуа, он не отличался крепким здоровьем и мог в любой день отдать Богу душу. И тогда прямым наследником престола становился Генрих Наваррский, а она, Марго — потенциальной королевой Франции…

Все это прекрасно понимал и сам Генрих. Ради этого он лебезил перед всемогущей тещей и братьями своей жены, ради этого перешел из протестантства в католичество, ради этого терпел более чем экстравагантные выходки супруги и мирился с её бездетностью. Заговоры в пользу младшего брата короля, периодически возникавшие при французском дворе, составлялись при неизменном участии Генриха Наваррского и Марго. Один из таких заговоров чуть было не разбил навсегда сердце красавицы-королевы: её возлюбленный, граф Лерак де Ла Моль, был обезглавлен, поскольку искренне поверил в серьезность намерений Генриха Наваррского немедленно занять трон и ринулся помогать своей королеве возложить на голову ещё одну корону, помимо наваррской. Разумеется, Генрих как всегда остался в стороне, а красавец де Ла Моль после чудовищных пыток расстался с жизнью. Его набальзамированную голову и сердце Маргарита до конца жизни возила с собой в специальном надушенном сафьяновом мешочке. Очень романтично, конечно, только эти реликвии стали началом чудовищной коллекции, собранной впоследствии королевой Марго: она коллекционировала сердца своих любовников в буквальном смысле этого слова.

Де Ла Моля сменил лихой красавец де Бюсси, один из ближайших придворных младшего брата короля. Разумеется, и он оказался вовлеченным в очередной заговор, но, в отличии от романтично-кроткого де Ла Моля, сумел дать достойный отпор тем, кто пришел его убить, и бежал вместе с Генрихом, Марго и младшим братом короля из Парижа. Увы, судьба недолго была к нему благосклонной: сердце де Бюсси заняло достойное место в очередном сафьяновом мешочке на поясе королевы Марго. Обычная куртуазная фраза влюбленных: «Я готов отдать за тебя жизнь», у фаворитов королевы наваррской оказывалась неизменно пророческой. Рано или поздно они действительно отдавали за неё свою жизнь. Жалели ли они об этом в последние минуты? Кто знает…

Истинную же причину уступчивости и снисходительности Генриха Наваррского по отношению к супруге достаточно точно сформулировал он сам в письме к одному из своих друзей-протестантов:

> «Чтобы меня не обвиняли в проповедовании безнравственных правил приручать ревнивых мужей и пользоваться их доверием, я объясню причины, побуждающие меня так странно вести себя. Я был королем без королевства и стоял во главе партии,

которую следовало поддерживать, чаще всего без войск и без денег для их найма. Видя приближающуюся грозу, я, для её отклонения, не имел иных средств, кроме покорности. В подобных случаях добрая жена приносила мне немалую пользу. Ее ходатайство всегда смягчало досаду на меня её матери или её братьев. С другой стороны, её красота постоянно привлекала ко мне множество удальцов, которых удерживала при мне легкость её поведения; суровостью она могла бы повредить успехам нашей партии. Судите после этого, должен ли был я щадить её, хотя она и доходила иногда в своем кокетстве до смешного. Бывали между её обожателями и такие, над которыми она сама смеялась, удостаивая меня доверенности и сообщая мне об их забавной страсти…»

В 1580 году, однако, это потворство прихотям королевы наваррской привело к настоящей войне между Генрихом и братом Марго — тоже Генрихом, королем французским. Маргарита обиделась на брата за то, что тот довел до сведения её мужа о связи с одновременно двумя придворными (будто бы сам супруг об этом не знал!) и добилась начала военных действий. Точнее, подсунула Генриху Наваррскому очередную молоденькую любовницу, которая и сподвигла его на ратные забавы. Война длилась семь месяцев, закончилась «почетной ничьей» и… беременностью новой фаворитки, которая забыла, кому обязана своим счастьем и решила, что вполне способна заменить Маргариту на наваррском престоле. Генрих не разубеждал любовницу, но и не давал ей излишне опрометчивых обещаний, поскольку твердо знал, что на Маргариту можно смело полагаться в трудную минуту.

Поскольку о беременности фаворитки знали только трое: она, король Наваррский и королева Марго, то как-то ночью король разбудил Маргариту и чрезвычайно ласково попросил ее:

— Милая моя, я знаю, что от вас нет ничего тайного. Будьте так добры, встаньте и помогите нашей девочке: она, кажется, рожает. Я уверен, что вы, увидя её в этом положении, простите ей все прошедшее. Вы ведь знаете, как я её люблю. Прошу вас, сделайте мне эту милость.

Маргарита, умевшая быть по-королевски величественна, ответила, что слишком уважает своего супруга, чтобы считать его дитя бесчестием для себя, что она немедленно позаботится и о роженице, и о младенце, а самому королю она настоятельно советует немедленно уехать со всем двором на охоту, дабы

ненужные слухи не расползлись слишком далеко.

Король так и поступил. В его отсутствие любовница родила мертвую девочку и в скором времени исчезла из круга наваррских придворных. А королева Марго, оставив супруга развлекаться в Наварре, вернулась в Париж, где закрутила очередной роковой роман, тесно связанный с хитроумным планом мести возлюбленному супругу. Страх, пережитый Маргаритой во время беременности очередной пассии Генриха, заставил её отрешиться от прежней снисходительности и попытаться хоть как-то отплатить чрезмерно любвеобильному супругу.

В 1584 году умер младший брат короля Франции. Генрих Наваррский стал законным наследником престола и ознаменовал это событие… официальным объявлением о том, что намерен развестись с женой и сочетаться законным браком с некоей графиней де Граммон, которая уже успела родить ему внебрачного сына. Маргарита перепугалась не на шутку, но вовремя сообразила, что без неё права Генриха на французский трон оказываются более чем призрачными, и быстро успокоилась. С некоторым опозданием то же самое сообразил и Генрих, так что брачный союз, круто замешанный на крови и прелюбодеяниях, остался нерушимым… до поры до времени.

В 1589 году Генрих взошел на французский трон. Его предшественник, брат королевы Марго, был зарезан в церкви фанатиком-монахом, Екатерина Медичи, грозная вдовствующая королева, скончалась за несколько лет до этого, с ужасным сознанием того, что престол все-таки займет ненавистный зять. За четыре года до этого Маргарита родила от своего очередного любовника сына, окрещенного Анжем (Ангелом), и отдала его на воспитание в скромную провинциальную дворянскую семью. Впоследствии этот ребенок станет монахом, вступит в орден капуцинов и примет самое деятельное участие в заговоре, приведшем к гибели короля Генриха Четвертого, законного мужа его матери. История любит подобные причудливые переплетения судеб.

Все эти четыре года Маргарита провела в провинции в ужасающей нищете, вынужденная отдаваться повару за кусок хлеба или лакею — за какие-то услуги. Наконец, её вызволил из этого унизительного состояния маркиз де Каннильяк, который привез Маргариту в свой замок и превратил там в… хозяйку настоящего разбойничьего притона. Пророческими оказались слова старшего брата Маргариты Карла, сказанные им во время свадьбы сестры:

— Пойдет теперь моя Марго по рукам гугенотов всего королевства!

В 1599 году брак Генриха и Маргариты был расторгнут по причине бездетности (!) супруги. После этого она прожила ещё шестнадцать лет, меняя любовников, щеголяя нарядами и подобострастно заискивая перед новой королевой Франции — Марией Медичи, своей троюродной племянницей. К концу жизни одна из самых красивых женщин Франции превратилась в вечно пьяную и густо накрашенную старуху, один взгляд на которую внушал нормальным людям омерзение. И если что-то и выделяло королеву Марго из ряда её сверстниц, то лишь внушительная коллекция мужских сердец, которую она пополняла едва ли не до своего последнего часа.

Но ни один из обожателей не пожелал сохранить её сердце для себя.

* *

*

В истории Франции была ещё одна женщина, носившая имя Маргарита и рожденная принцессой Валуа. Это была старшая сестра короля Франциска Первого, который вступил на престол в 1515 году, как раз тогда, когда культура Франции начала переживать возрождение — Ренессанс. Франция этой эпохи дала миру величайших философов, писателей, художников и ученых. И в этом блестящем ряду особое место принадлежит принцессе Маргарите.

Дочь графа Ангулемского, принца крови, и Луизы Савойской, красивой, честолюбивой и умной женщины, Маргарита получила блестящее по тому времени образование. С лучшими учителями девочка изучала латинский, греческий, итальянский, испанский и немецкий языки. Мать лично следила за воспитанием и образованием Маргариты, приучала её к чтению, поощряла все детские попытки литературного творчества. В этой области Маргарита рано начала проявлять свои силы и столь же рано пробудился её несомненный литературный талант.

В семнадцатилетнем возрасте Маргариту выдали замуж за графа Карла Алансонского — без любви, даже без склонности, а по чисто деловым соображениям. Таким образом просто решалась затянувшаяся земельная тяжба между графом и французским двором. Живая, остроумная, прекрасно образованная юная женщина оказалась в заточении в холодном и мрачном замке мужа, причем супруг гораздо больше времени проводил в военных походах, нежели в родном доме. Похоже, что и супружеских отношений, как таковых, не было, что, впрочем, пока не слишком тяготило Маргариту. Гораздо больше её угнетало одиночество — не столько физическое, сколько духовное.

Жизнь Маргариты резко изменилась после того, как на

престол взошел её младший брат Франциск. На некоторое время она стала первым человеком при дворе и со всем пылом бросилась участвовать в политической и культурной жизни Франции. Мужчины её не волновали, зато живо увлекали идеи гуманизма, первые успехи книгопечатания, философские произведения Эразма Роттердамского и романы Франсуа Рабле.

В 1524 году, после пятнадцати лет безрадостного супружества, Маргарита овдовела: граф Алансонский погиб в битве при Павии, во время которой попал в плен к испанцам и сам французский король, брат Маргариты. Ей пришлось стать дипломатом и отправиться к испанскому королю Карлу Пятому добиваться освобождения брата. Через год напряженных переговоров король Франциск обрел свободу. А его сестра — нового мужа, с которым обрела, наконец, семейное счастье. Вторым супругом Маргариты Валуа стал Генрих де Альбре, король Наварры. От этого брака родилась дочь Жанна — будущая королева Наваррская и мать французского короля Генриха Четвертого, мужа упоминавшейся выше королевы Марго. и сын Жан, не проживший и полугода.

Замужество Маргариты существенно отразилось на судьбе французского общества. Ее брак не позволял ей жить при французском дворе, а из далекой пограничной Наварры было очень трудно оказывать влияние на политические и культурные процессы во Франции. Всегдашняя заступница протестантов, Маргарита страдала, видя, как постепенно они теряют с таким трудом завоеванные позиции при дворе. Убежденная гуманистка, она не могла не видеть ожесточение и огрубление нравов. Вместе с Маргаритой из французского двора ушло Возрождение в его лучших формах, зато небывалая дотоле интеллектуальная жизнь забурлила в По — главном городе Наварры. Именно там королева Маргарита собрала свой кружок гуманистов, именно там впервые прозвучали стихи одного из величайших поэтов Франции Пьера де Ронсара. Там же увидел свет перевод на французский язык знаменитый «Декамерон» итальянского писателя Джованни Бокаччио. И там же пышно расцвел литературный талант самой Маргариты.

Она пробовала свои силы в различных жанрах, её творческое наследие пестро и неравноценно: стихи, аллегорические поэмы, пьесы. Но лучшим её произведением, несомненно, является «Гептамерон» — книга, содержащая семьдесят две новеллы одновременно фривольных и лирических. Долгое время книга считалась неприличным и непристойным сочинением, но в том нет вины автора. Маргарита писала так, как говорили при дворе её брата и в наваррском обществе. В то время иначе писать не

умели и не могли. Значение же этой живой и увлекательной книги состоит ещё и в том, что это — фактически первое прозаическое произведение на французском языке, который тогда только формировался, да к тому же ещё написанное женщиной.

Маргарита Наваррская — королева, писатель, меценат, добрый гений французских гуманистов и протестантов — скончалась в возрасте пятидесяти семи лет, в 1549 году. С её смертью кончилась целая эпоха в жизни Франции. Через пять лет после этого в Париже родилась Маргарита Валуа, дочь и сестра королей, будущая жена внука Маргариты Наваррской, королева Марго. Она не сделала для Франции ничего, но известна куда больше, чем её тезка, сделавшая для страны очень много.

Такова человеческая память, и ничего с этим не поделаешь.

Мария Кровавая

Англичан принято считать самыми невозмутительными и рассудительными людьми на свете. Господи, как плохо мы знаем историю человечества! Английские монархи подчас превосходили своей жестокостью и тиранством даже русских царей…

Дочь короля Генриха Восьмого и Екатерины Арагонской, принцесса Мария Уэлльская родилась в 1510 году от брака, который в те времена никому и в голову не пришло бы считать незаконным. Хотя первоначально её мать, испанская принцесса, была просватана вовсе не за Генриха, а за его старшего брата, принца Артура. Шестнадцатилетняя красавица-испанка, принесшая Англии огромное приданое в звонкой золотой монете, стала женой смертельно больного шестнадцатилетнего юноши. Вместо радостей супружеского ложа её ожидали утомительные обязанности сиделки, а аскетичность королевского двора Англии в те времена вошла в поговорку. Наконец, год спустя принц Артур умер и его вдову надлежало возвратить отцу, разумеется, вместе с приданым. Вот на это её свекор, король Генрих Седьмой был решительно неспособен.

От папы Римского было получено разрешение на обручение двенадцатилетнего наследника английской короны Генриха с восемнадцатилетней вдовой его родного брата. При этом любящий отец попробовал ещё и поторговаться об увеличении приданого, но в этом занятии не преуспел. Так что два месяца спустя после его смерти в 1509 году молодой король повел под венец королеву Екатерину и во всей Англии не было пары, счастливее их.

Беда заключалась в том, что, исправно принося любимому мужу детей, Екатерина сумела сохранить лишь одну из них — старшую дочь Марию. Остальные — долгожданные мальчики! — рождались слабыми и мертвыми. Сейчас бы наверняка догадались, что дело в самом обычном резус-факторе, который у кого-то из супругов был отрицательный. Но тогда все, естественно, списывали на гнев Божий, который карает этот «кровосмесительный» брак.

Таковым он, правда, не был: покойный принц Артур так и не смог хотя бы раз исполнить свои супружеские обязанности и

Екатерина вторично пошла к алтарю девственницей. Да и сам король Генрих в общем-то плевать хотел на религиозные рассуждения. Принцесса Мария была хороша собой, умна, по материнской линии происходила из одного из самых аристократических дворов Европы. Пока между её родителями существовала взаимная любовь или хотя бы приязнь — девушка росла так, как ей и подобало, окруженная всеобщей лестью и подобострастием. И вдруг, в один далеко не прекрасный день, все резко изменилось. Брак её родителей был признан незаконным, сама она — незаконнорожденной, лишена всех титулов, разлучена с матерью и с мизерным пенсионом сослана подальше от двора. Более того, ей вменялось в обязанность следить за бельем и платьем своей младшей сводной сестры Елизаветы (тоже, кстати, будущей императрицы) и категорически запрещалось общаться с кем-либо, кроме горстки трижды проверенных слуг.

Чем была вызвана такая перемена? Разумеется, любовью. Тридцативосьмилетний монарх встретил в свите своей сорокачетырехлетней супруги прехорошенькую молодую фрейлину, которую звали Анной Болейн, и пожедад сделать её своей наложницей. Каково же было изумление и гнев короля, когда красавица ему отказала. Она хотела либо короны, либо ничего. и шантажировала этим короля на протяжении ни много, ни мало — шести лет1 Черноволосая, прекрасно сложенная, пылкая и веселая Анна представляла собой разительный контраст чопорной и сдержанной Екатерине, лучшие годы которой остались позади. Немудрено, что вконец потерявший от страсти голову король направил прошение очередному папе Римскому об аннулировании брака с Екатериной Арагонской и вступлении в брак с Анной Болейн. И… получил решительный отказ. Слишком влиятельны были родственники Екатерины, чтобы портить с ними отношения из-за королевской прихоти.

Тогда король Генрих взял, да и аннулировал… папу Римского. Объявил, что подданные его державы отныне и не католики, и не протестанты, а англикане, и главой этой самой англиканской церкви является сам король. Естественно, дело о разводе пошло семимильными шагами, а заодно запылали костры, в которых сгорали католические монастыри, протестантские книги, а заодно и люди, исповедующие одну из этих разновидностей христианства. Многих, правда, «милосердно» обезглавливали или подвергали бессрочному тюремному заключению. Так, в частности, произошло с Екатериной Арагонской — с некоторых пор просто вдовствующей(!) принцессой и принцессой Марией — с тех же

самых пор просто леди Марией. А на английский трон в качестве законной жены и королевы наконец-то взошла Анна Болейн, родившая… увы, дочь Елизавету! Но королева была ещё так молода и полна сил, что в скором появлении наследников мужского пола сомневаться не приходилось.

Тем не менее, Генрих принял дополнительные меры. Специальные уполномоченные короля были разосланы во все концы королевства, чтобы каждый мужчина и каждая женщина дали письменное подтверждение того, что только его дети от брака с Анной Болейн будут признаны законными наследниками английского трона. Всем ослушавшимся королевского приказа грозила мучительная казнь.

Двое таких, тем не менее, нашлись. Это были бывшая королева Елизавета и её дочь Мария. Даже под страхом смерти они не желали ронять свое королевское достоинство признанием в том, что почти двадцать лет супружеской жизни были всего лишь кровосмесительным фарсом, а плод этого брака по любви — незаконнорожденным ублюдком. И все-таки Екатерина не желала, чтобы её дочь взошла на трон по залитым кровью ступенькам и отвергала даже малейшие намеки на заговор в пользу Марии против её отца. В результате обе мужественные женщины оказались в тюремном заточении, а не просто в ссылке.

Впоследствии Марию станут обвинять в излишних жестокости и фанатизме. Но могла ли девушка, наполовину испанка, выросшая в жестких догматах католической веры и с сознанием своего королевского величия стать иной? Ей и так впоследствии пришлось поступиться слишком многими своими принципами, так что было бы странно, если бы эти испытания не закалили, а смягчили её характер.

Вскоре Марию попытались отравить, но попытка по какой-то неизвестной причине сорвалась. Такого открытого скандала король Генрих, разумеется, не хотел, и режим для его дочери был несколько смягчен. Тем более, что перед самым Рождеством 1529 года он получил письмо от Екатерины, написанное ею буквально в последние часы жизни:

> «Мой дражайший властелин, король и супруг?
>
> Приближающийся час моей смерти заставляет меня написать Вам и напомнить о себе. Мне также хотелось бы напомнить Вам о чистоте и здоровьи Вашей души и сохранении её, что должно быть поставлено превыше всех мирских дел. Вы поставили меня перед лицом многих бедствий, а себя перед лицом многих проблем. Но я прощаю Вас за все страдания, причиненные мне, и

молюсь, чтобы Господь простил Вас тоже.

Сим заверяю Вас, что прежде всего мечтала о том, чтобы Вы всегда были перед моими очами.

Екатерина, королева Англии».

Она могла бы добавить «Божьим гневом королева Англии». Ибо только вера в Бога давала ей силы переносить нестерпимые унижения, и только Божьим промыслом объясняли англичане несчастья, обрушившиеся затем на королевский дом Тюдоров.

Смерть матери, которую она так больше и не увидела, сломила волю Марии. Испытывая отвращение к себе самой, она подписала признание о том, что брак её родителей был незаконным, что сама она — незаконнорожденная и посему не имеет никаких прав на английскую корону. Принцессе было в ту пору двадцать лет. Пять из них она провела в самом строгом заключении.

Пять месяцев спустя король Генрих был выбит из седла во время турнира и получил рану на ноге, которая никогда уже не заживала, причиняя ему невыносимые страдания. От испуга у королевы Анны случился выкидыш — мальчик. Гнев короля был ужаснее всего того, что доводилось до этого испытывать его подданным. Королева Анна, с её язвительным характером и злым язычком, не была популярна ни в народе, ни среди придворных, которые и постарались донести до сведения Его Величества, что не он один был обладателем красавицы. Врачи не давали никаких гарантий того, что королева снова сможет стать матерью. А взгляд короля все чаще и чаще останавливался на новой фрейлине королевы — шестнадцатилетней кроткой блондинке Джейн Сеймур, которую даже самые отъявленные недоброжелатели не осмелились бы обвинить хоть в едином брошенном на сторону взгляде.

— Нельзя заново испечь вчерашний хлеб, но всегда можно замесить новую квашню, — вспомнилась королю старинная английская пословица. И добрый старый Генрих поспешил ею воспользоваться.

Неделю спустя бывшая королева Анна, обвиненная в колдовстве, была заключена в Тауэр и обезглавлена. Говорят, её предсмертные вопли разносились по всему дворцу, но король не пожелал им внять и дожидался лишь конца жуткой церемонии, чтобы отправиться к своей новой невесте. Еще через неделю была сыграна новая, очень скромная, свадьба, и робкая, стремившаяся всем угодить Джейн Сеймур стала королевой Англии. Ее родня настойчиво твердила ей, что её первейший долг — обеспечить Англии наследника престола. Того же самого ждал от неё и

супруг. Мысль о любви даже не залетала в её хорошенькую головку. Посему спустя полгода после свадебной церемонии король мог с полной уверенностью сказать, что тот плод, который молодая королева носит под сердцем — его и только его. И уж точно — мальчик.

Джейн стала для своего мужа предметом культа. Чего бы ей ни хотелось — она немедленно это получала. А поскольку больше всего ей хотелось, чтобы все вокруг неё были счастливы и довольны, то она попросила своего венценосного супруга призвать ко двору его старшую дочь Марию и вернуть ей титул принцессы. Генрих так и поступил, но несколько часов спустя после приезда затащил Марию в отдаленную комнату и потребовал дважды собственноручно переписать отречение от католической веры, законности его брака с Екатериной Арагонской и её собственного рождения. Униженная и запуганная девушка подчинилась всему безропотно. Теперь и король был доволен и королева — счастлива.

Самое интересное заключалось в том, что по натуре своей Мария вовсе не была кровожадной. Она могла бы повести за собой в бой войска — как это делала её родная бабка Изабелла Арагонская или отдать свою жизнь в безрассудном порыве, но прямое, хладнокровное убийство со всеми отвратительными подробностями ей явно претило. Поэтому, даже став королевой, она лишь отдавала приказы, но никогда не упивалась жестоким зрелищем их исполнения. Поэтому первое, о чем она упросила новую королеву — это приблизить ко двору и её сводную сестру Елизавету, дочь несчастной Анны Болейн, поскольку девочка пребывала теперь в таком же унизительно-нищенском положении, в каком была ещё совсем недавно и Мария.

Месяц перед родами королевы Мария почти все время находилась рядом с ней. Она приняла на руки долгожданного наследника английской короны — принца Эдуарда. И она же приняла последнюю волю королевы Джейн, умершей десять дней спустя после родов:

— Береги своего брата получше, ибо он беззащитен…

Других сыновей у короля Генриха больше не появилось. Дочерей, впрочем, тоже. Зато Мария даже помолодела, отдавая все свое время новорожденному сводному брату и заметно повзрослевшей сводной сестре. Ей ещё и самой не поздно было выйти замуж и иметь свое потомство. Но король упрямо отказывал в этом праве своей двадцатишестилетней дочери: её будущий супруг мог оказаться авантюристом и искателем английского трона, а так рисковать будущим своего единственного ненаглядного принца монарх не желал.

Зато себе он в брачных утехах не отказывал. Вдруг ему пришло в голову жениться не на своей подданной, а на особе королевской крови, да ещё и иностранке. Выбор пал на принцессу Анну Клевскую, которая не достигла ещё тридцати лет и была чудо как хороша собой на миниатюре. В реальной же жизни принцесса оказалась тем, что король с первого взгляда метко окрестил «фламандской кобылой». К счастью, характер у Анны был более чем покладистый и она с восторгом согласилась числиться «сестрой короля» с солидным обеспечением, нежели его очередной супругой. Да и с Марией они быстро нашли общий язык, благо были почти ровесницами. Обеим нравилось заниматься домашним хозяйством, садоводством, детьми, лошадьми, собаками. Обе явно нуждались в нормальном муже — пусть и не знатного происхождения. И обеим — до смерти короля Генриха — все это было заказано.

Сам же Генрих решил ещё раз связать себя брачными узами и, несмотря на все уговоры окружающих, выбрал… кузину казненной им Анны Боллейн, двадцатилетнюю Катрин Говард. На сей раз развязка оказалась куда более стремительной: красавица и не думала скрывать свое достаточно бурное прошлое, а её почти пятидесятипятилетнему, невероятно разжиревшему, с отвратительной незаживающей язвой на ноге супругу требовалась только чистая лилия, вторая Джейн Сеймур. Катрин закончила свои дни на том же эшафоте, что и её кузина, а король погрузился в мрачные раздумья о своей неудавшейся личной жизни. всецело предоставив заботу о детях старшей дочери и «сестре» Анне. Вот тут-то на горизонте английской политики появилась Джейн Грей — предполагаемая невеста будущего короля Эдуарда и причина гражданской войны в Англии. Но об этом — чуть позже.

Наконец, Генрих внял голосу здравого смысла и женился не на юной красотке, а на женщине зрелых лет — вдове леди Парр. Новая королева обладала бесценным даром — умела так перевязывать больную ногу своего повелителя, что тот совершенно не испытывал страданий, а даже нечто вроде облегчения. К тому же королева прикладывала немалые усилия, чтобы Генрих проводил больше времени в кругу семьи, в том числе, и с дочерьми от первых браков. И добилась того, что перед смертью Генрих сказал старшей из них:

— Мария, я оставляю Эдуарда на твое попечение. Будь ему вместо матери. Он будет очень одинок. Защищай и оберегай его, как тогда, когда он родился и ты в первый раз держала его на руках.

— Вам нет нужды просить меня об этом, отец, — прошептала Мария. — Вы же знаете, что я люблю его… как собственного сына.

И Генрих скончался с улыбкой на устах. Мария никогда не нарушала своих обещаний. В том, что её сводный брат будет находиться под надежной опекой, можно было не сомневаться как и в том, что завтра рассветет. Это качество она унаследовала от своих испанских предков.

Король умер, но легче не стало. Дитя Эдуард учился грамоте, подписывая смертные приговоры — иногда своим ближайшим родственникам — и даже опека принцессы Марии мало что меняла. Более того, Эдуард желал бы видеть одной из своих преемниц на королевском троне либо леди Марию, либо леди Елизавету — своих сводных сестер. Советники внушили ему, что наилучшим выходом из положения было бы назначить преемницей лютеранку — леди Джейн Грей. троюродную сестру короля. Эдуард, слишком озабоченный состоянием своего здоровья, подписал этот акт о престолонаследии и через несколько дней скончался в возрасте всего лишь пятнадцати лет.

В стране воцарился кровавый хаос. Народ единственной законной наследницей престола признавал принцессу Марию, которую поддерживали достаточно мощные придворные круги из тайных католиков. Но дворяне-протестанты желали видеть на троне Джейн Грей, не запятнанную к тому же подозрением в незаконнорожденности. Сама Джейн всячески отбивалась от сомнительной чести стать английской королевой, но мнения шестнадцатилетней девушки никто не спрашивал. Марии же к тому времени было уже больше сорока лет, её обожаемый Эдуард умер и все свои незаурядные данные она перенесла на политические игры. Даже строптивая Елизавета поспешила для вида принять католичество, чтобы избежать позорной смерти на плахе. Увы, её не избежала ни в чем неповинная Джейн Грей, а вместе с ней и ещё несколько тысяч человек. Началось четырехлетнее царствование Марии Тюдор, почему-то прозванной Кровавой, хотя такое определение куда больше подошло бы её покойному отцу.

Правда, с протестантами Мария боролась более чем сурово: не могла забыть стертые с лица земли Англии монастыри и аббатства, а также казненных католических священников. В помощники и мужья себе избрала испанского инфанта Филиппа, поскольку молодой человек, не достигший ещё тридцати лет, лелеял надежду надеть на свою голову ещё и английскую корону, помимо наследной испанской. Мария же по-настоящему любила своего молодого мужа и весть о его военном поражении в очередной битве с Францией в буквальном смысле слова свела её в могилу. Она скончалась, не дожив до шестидесяти лет — и тогда на английском престоле во весь рост поднялась ещё более

одиозная фигура королевы Елизаветы — последней представительницы династии Тюдоров.

Но это — уже совсем другая история.

Ночная княгиня

Есть женщины, которые при рождении получают все: красоту, ум, богатство, знатное происхождение. И несмотря на это лишены самого главного: обыкновенного женского счастья…

Россия, как никакая другая страна богата не просто красивыми — необыкновенными женщинами. Но вспоминают о них почему-то лишь в связи с тем или иным мужчиной: мужем, отцом, братом, сыном, возлюбленным, наконец. Самый яркий пример — княгиня Мария Волконская, о которой и помнят-то лишь потому, что она разделила все тяготы ссылки с нелюбимым мужем, причем добровольно и с жертвенным восторгом. А ведь она была не просто красавицей — умницей, талантливым прозаиком, рассказывавшей своим детям удивительные сказки. А кто помнит не менее яркую личность — золовку Марии — княжну Зинаиду Волконскую? Хотя её литературно-художественный салон в Петербурге прошлого века был знаменит не менее Зимнего дворца. И так далее и тому подобное — примеры можно приводить до бесконечности.

Но об одной из женщин обязательно нужно вспомнить, хотя бы потому, что к ней — одной из немногих, кстати, представительниц прекрасного пола! — с колоссальным уважением относился Александр Сергеевич Пушкин, весьма невысокий чтитель женского ума, предпочитавший ценить в дамах иные достоинства. И не только Пушкин. Внимания этой женщины добивались Василий Жуковский и Петр Вяземский, Александр и Николай Тургеневы, Константин Батюшков. Интеллект этой женщины привлекал лучшие умы Петербурга и Европы в течение тридцати лет.

А начиналось все, как обычно. В 1780 году в одном из подмосковных имений у отставного кирасирского полковника Михаила Измайлова и его супруги Полины родилась дочь, получившая при крещении имя Евдокии. Так её и звали бы люди постарше, а молодежь называла бы на французский манер — Эудокси. Но девочка предпочла зваться Авдотьей. Первое, но далеко не последнее проявление её оригинальности.

Это было тем более оригинально, что имя не шло ей совершенно. Матовый цвет лица, густые черные волосы, обворожительные темные глаза, фигура и походка богини, руки,

ослеплявшие современников своей красотой и изяществом. Известный ценитель женской красоты князь Петр Вяземский так описывал Евдокию-Авдотью в письме к одному из своих друзей:

> «Вообще красота её отзывалась чем-то пластическим, напоминавшим древнегреческое изваяние. В ней ничто не обнаруживало обдуманной озабоченности, житейской женской изворотливости и суетливости. Напротив, в ней было что-то ясное, спокойное, дружелюбное…»

Родители Евдокии рано умерли и её взял на воспитание бездетный дядя — Михаил Михайлович Измайлов, который состоял при императоре Павле Первом московским главнокомандующим. Вообще фамилия Измайловых принадлежала к избранным кругам столичной аристократии и состояла в близком родстве с Юсуповыми, Нарышкиными, Гагариными. Знатная, красивая и богатая Евдокия получила к тому же основательное по тем временам образование. Помимо обычного набора: языки, изящная словесность, музыка, танцы, — девушка основательно познакомилась с точными науками, историей, географией, литературой.

В доме главнокомандующего собирался не просто цвет московского общества — там почти ежевечерне появлялись те, кто определял, как бы сейчас сказали, «общественное настроение» России. Евдокия рано пристрастилась к серьезным разговорам о политике, философии и даже экономии. Но самой большой страстью в её юной жизни была… математика. Да-да, когда её сверстницы-барышни обливались слезами над французскими сентиментальными романами, она изучала всевозможные квадратные корни, дуги и касательные. Позже, уже будучи замужней дамой, она напечатала в Париже целую книгу своих математических исследованиях, оставшуюся, увы, незамеченной.

Но не заметить веселившуюся на великосветских балах юную красавицу было невозможно. Московские старухи, большие любительницы сватовства, уже предрекали Дунечке Измайловой одну блестящую партию за другой, когда в судьбу девушки властно вмешался… император Павел. Дело в том, что оба брата Измайловы в свое время сохранили верность императору Петру Третьему, покойному мужу императрицы Екатерины, отказались от службы и удалились в свои поместья. Взойдя на престол, Павел сделал старшего брата главнокомандующим Москвы, как уже говорилось. Для младшего он уже ничего сделать не мог и решил осчастливить его сиротку-дочь. По высочайшему повелению ей в женихи был назначен князь Сергей Михайлович Голицын. Недалекий, чтобы не сказать — глупый, немолодой, чтобы не

сказать — старик, богатый, но с некими противоестественными наклонностями, о которых шушукались в обеих столицах — какое счастье он мог дать молодой, умной красавице? Но с монархом шутки были плохи: одну супружескую пару, осмелившуюся повенчаться без его ведома, он посадил в крепость на хлеб и воду. Как мог поступить Михаил Измайлов? Лишь поблагодарить Павла за милость.

> «Письмо Ваше, в коем Вы благодарите меня за племянницу Вашу, я получил, и очень рад, что через сие мог дать Вам знак моего к Вам благорасположения, с коим и пребуду к Вам навсегда благосклонным», —

написал Павел дядюшке Евдокии 5 декабря 1796 года.

Летом 1799 года (два с половиной года все-таки потянули!) Евдокия Измайлова стала княгиней Голицыной. На первых порах она думала, что обычная супружеская жизнь, а главное, дети, заменят ей отсутствие любви, кстати, взаимной. Но фактической женой князя она так и не стала. Зато князь увез свое главное в жизни приобретение во Францию, где красота и ум Авдотьи — теперь она себя только так и называла — расцвели в полной мере. Там же произошел странный случай, во многом определивший дальнейший образ жизни блистательной княгини. Некая гадалка предсказала ей, что умрет она ночью, во сне. «Смерть не застанет меня неприбранной». - надменно ответила молодая красавица и… превратила день в ночь. Ложилась спать на рассвете, приемы начинала заполночь. В Париже, а затем в и в Петербурге, куда после смерти императора Павла вернулись князь и княгиня Голицыны, Авдотью прозвали «Princesse Nocturn» — «Ночная княгиня». В её салон на Миллионной улице мог попасть только тот, кто мог увлечь ум красавицы — а не её сердце. И вот в один из вечеров порог этого пышного особняка переступил смуглый, кудрявый юноша, недавний выпускник Царскосельского лицея…

> «Пушкин влюбился в Голицыну смертельно, — *вспоминал впоследствии Андрей Карамзин,* — он проводит у неё вечера, лжет от любви, сердится от любви, только ещё не пишет от любви».

Ох, как ошибался в этом прославленный историк. Пушкин писал стихи Голицыной, но не как прекрасной женщине, а как человеку. Ибо она в силу своего ума и способности мыслить свободно достойна была более высокого титула, нежели «муза поэта». Ее предназначение и её влияние на мужчину было значительно больше.

«Но я вчера Голицыну увидел
И примирился вновь с отечеством моим», —

это больше, чем дежурный комплимент прекрасной даме. Более того, в 1818 году Пушкин послал Авдотье Голицыной оду «Вольность» со специальным посвящением. Не мадригал, не очередную забаву резвого пера, на кои он был столь щедр, а произведение серьезное, трудное, выстраданное. В нем — человеческое и гражданское кредо поэта. Такое посылают только друзьям, более того — единомышленникам. Так оно и было: «смертельная любовь» поэта довольно быстро прошла, дружба же между этими двумя незаурядными людьми сохранилась на всю жизнь.

А ведь Авдотья была по тем меркам совсем не молода — тридцати восьми лет от роду. Более того, её сердце давно окаменело, утратив единственную настоящую любовь. По иронии судьбы, любовь эта была взаимной. Более того, судьбе угодно было свести двух людей, одинаково мыслящих, одинаково чувствующих, одинаково одаренных во всем, включая… да-да, математику. Только счастья им дано не было.

Михаил Долгорукий. Гордость семьи и России. Полковник в двадцать лет — и совершенно заслуженно. В 1800 году, посетив Париж с дипломатической миссией, русский красавиц покорил сердце самой супруге Бонапарта — Жозефины. В салонах самых больших умниц Франции того времени — мадам де Сталь и мадам де Рекамье — князь долгорукий всегда был желанным гостем и самым увлекательным собеседником. В апреле 1801 года Михаил получил назначение флигель-адъютантом к только что взошедшему на престол императору Александру. Четыре года разъездов с дипломатическими миссиями: Германия, Англия, Италия, Испания, Греция…

В 1805 году на одном из светских раутов в Петербурге Михаил Долгорукий встретил Авдотью Голицыну…

> «Красавец князь Долгорукий был человеком необыкновенного душевного такта, отменного воспитания, сугубо сведующий в истории и в науке математической, ума быстрого, характера решительного и прямого, сердца добрейшего и души благороднейшей», —

так характеризовал этого человека один из его современников. И это не было преувеличением.

На двадцать шестом году жизни Авдотья Голицына, «Ночная

княгиня» полюбила со всем пылом юной, романтической, пылкой любви, тем более страстной, что надежда на её обретение была уже почти утрачена. Но Михаил любил её не первой страстью юнца, а всем существом умного, опытного, рано повзрослевшего человека. Более того, убежденный холостяк, князь Долгорукий задумал жениться. Светская жена-мотыле, пустоголовая прелестная бабочка привлекала его не больше, чем хлопотливая хозяйка дома, занятая только пересчетом ложек, да варкой варенья. И вдруг — Царь-Девица. Упустить такой шанс в своей жизни князь не мог. Но Авдотья была замужем…

Влюбленные наивно надеялись на то, что старый князь Голицын, никогда не проявлявший к своей жене ни малейшего интереса, не станет её удерживать. Не тут-то было! Голицын ответил категорическим отказом. Безутешный князь Михаил отправился на поля сражения в Восточную Пруссию и получил там за героизм русский орден Святого Георгия и прусский — Красного Орла. Он стал одним из самых молодых и лучших генералов русской армии. Современники позже сокрушались: «Если бы он был жив, то стал бы героем России…»

Увы, ни ордена, ни генеральские эполеты не принесли князю Михаилу личного счастья. Редкие встречи с возлюбленной лишь разжигали желание иметь одну фамилию и один дом — ради этого Голицына готова была пожертвовать всем, всключая свой экзотический титул и образ жизни. Но князь Голицын был неумолим. Современники утверждали, что на шведскую кампанию в 1808 году Михаил Долгорукий ушел «в поисках смерти». С его фантастической храбростью и необыкновенной добротой он быстро стал люимцем не только офицеров, но и солдат. Указывая на очередной мост, который необходимо было взять, он, стоя перед солдатами, весело крикнул:

— Кто первый возьмет, тому и награда, ребята!

Он не увидел, кому досталась награда. Единственная пуля, прилетевшая со стороны противника, попала точно в сердце, благо стоял князь в коротком сюртуке нараспашку, да ещё с трубкой в руке на отлете. Идеальная мишень…

Так кончилась единственная любовь «Ночной княгини». Ибо даже самые злые языки Петербурга не могли не отметить безупречности её поведения — как до встречи с князем Долгоруким, так и после его гибели. В неё влюблялись, её обожали — она оставалась… не безучастной, нет, доброжелательно-снисходительной. Все могли рассчитывать на её помощь, на её поддержку — растопить её сердце так никто больше и не сумел.

Современники постоянно подчеркивали, что имя княгини

Голицыным было незапятнанным. В её более чем сомнительном положении — не жены законного мужа и вдовы любовника, в доме которой все приемы происходят по ночам, которая друзей-мужчин предпочитает подругам, — в этом, повторюсь, деликатном положении она оставалась на такой высоте, куда не доставали даже сплетни. «Никогда ни малейшей тени подозрения насчет нее, даже злословие не отменяли чистой и светлой её свободы…» — писал позже Петр Вяземский. Дам она, правда, раздражала невероятно, но их можно понять. Большинство современниц Пушкина, например, утверждали, что знаменитая строфа из «Евгения Онегина»:

«Не дай мне Бог сойтись на бале
Иль при разъезде на крыльце
С семинаристом в желтой шали
Иль с академиком в чепце», —

строфа эта, безусловно, относится к княгине Голицыной. Но если «не дай Бог», то зачем наведываться в особняк на Миллионой в каждое свое пребывание в Петербурге по нескольку раз в неделю? Чтобы укрепиться в отвращении? Да полноте!

Единственная новость, за которую злорадно ухватились петербургские прелестницы, оказалась та, что у князя Голицына, оказывается, существовала побочная семья и даже дети. Значит, есть какая-то червоточина в этой умничающей и стареющей красотке, если в свое время князь отказался делить с ней ложе. Значит, совершенства-то и нет. Михаил Долгорукий, единственный мужчина, который мог опровергнуть эти сплетни, давно был мертв. Впрочем, сама княгиня мало обращала внимания на великосветские измышления и глупости.

В 1835 году во Франции вышла книга «Анализ силы». Этим трудом княгиня увенчала свои многолетние занятия математикой под руководством знаменитого профессора Остроградского. Так что рассказы о первой русской женщине-математике по имени Софья Ковалевская — не более, чем красивая легенда.

Мало кому известно также, что именно княгиня Голицина первая предложила создать мемориал в Москве в честь победы над Наполеоном. Она считала, что кремлевские стены — олицетворение силы и неприступности — должны быть увенчены бронзовыми досками с именами тех, кто «прославились воинскими подвигами или высокими добродетелями». Более того, она предлагала — в записке на высочайшее имя — чтобы увековечены были все, без различия сословий. «Здесь…все должны быть равны: никакие происки и богатства не должны

давать право быть первым среди героев… И поэтому последний из крестьян может этим правом воспользоваться». Кем, как и когда была воплощена эта идея, наверное, нет нужды напоминать.

А к своему сорокалетию княгиня сделала себе поистине царский подарок. Ее формальный супруг, князь Голицын, решил вдруг… вступить в брак с молодой и очаровательной фрейлиной Александрой Россет. Забыл, должно быть, что по собственной же воле до сих пор состоит в законном браке. Но когда попросил княгиню о разводе, услышал в ответ ледяное: «Нет». Долг-то оказался платежом красен, а князь Голицын на долгое время остался предметом насмешек Петербурга и Москвы.

Последние годы своей жизни Авдотья Голицына провела в Париже. Она слишком сочувствовала сосланным декабристам, чтобы оставаться в отторгнувшем их обществе. В Париже она продолжала писать книги: по философии и литературе. Ее труды выходили на французском языке, но с русскими эпиграфами и давно стали библиографической редкостью.

Умирать «Ночная княгиня» приехала обратно в Россию. Ее похоронили в январе 1850 года в Александро-Невской лавре: рядом с бронзовой, потемневшей от времени плитой над могилой Михаила Долгорукого. На её же могиле выбита собственноручно составленная княгиней надпись:

> «Прошу православных русских и приходящих здесь помолиться за рабу Божию, дабы услышал Господь мои теплые молитвы у престола Всевышнего для сохранения духа Русского».

А ещё незадолго перед смертью княгиня написала почти пророческие слова, непосредственно обращенные к нам:

> «Да сохранит нас Бог от внутренних неустройств, и тогда никакая иноземная власть не сможет поколебать нашего могущества».

Что она имела в виду? Идею? Государство? Любовь?
Ответов на эти вопросы не получить уже никогда.

Русский принц Гамлет

Сын неизвестного отца и знаменитой матери, почти полвека жаждавший взойти на престол, он за четыре года лет своего царствования сумел вызвать у подданных такую ненависть, какую не вызывали даже античные тираны. Император Павел I, больше чем кто-либо из его предшественников и последователей стремившийся вызывать к себе любовь близких и обожание подданных, достиг прямо противоположного результата — и все из-за некоторых странностей в психике.

Сумасшедший на троне — не такая уж редкость, как это может показаться. Монархи те же люди и ничто человеческое им, как говорится, не чуждо. Просто слегка (или не слегка) сдвинутый по фазе обыватель доставляет хлопоты своим близким, не более того. Коронованный безумец — проклятие целого народа, а иногда и резкий поворот в истории страны. Что позволено Юпитеру…

Личность Павла — загадочна и неоднозначна. Некоторые считают его патентованным сумасшедшим, с колыбели, якобы, проявлявшим все признаки агрессивного слабоумия. Другие — непризнанным гением, достойным внуком своего великого деда — Петра Первого. Впрочем, нормальность Петра Алексеевича не является аксиомой, а его жестокость временами граничила с патологией. Да, официальный отец Павла, император Петр Третий действительно был дурно воспитанным и малообразованным идиотом. Но дело в том, что никто не знает фактического отца. Знала Екатерина Великая, мать Павла Петровича. В запальчивости кинула как-то сыну:

— Мне стоит только открыть рот и ваши права на престол окажутся фикцией.

Но — не открыла. Промолчала, унесла тайну с собой в могилу. Страстно желала, чтобы престол в обход сына достался обожаемому внуку Александру. Не успела? Не смогла? Так или иначе, Екатерина стала косвенной причиной того, что её внук впоследствии стал отцеубийцей. Но это — позже.

Свадьба племянника и наследника императрицы Елизаветы Петра Федоровича и принцессы Ангальт-Цербской Софии-Августы-Фредерики (в православном крещении — «благоверной Екатерины Алексеевны») состоялась в августе 1744 года. Невесте было шестнадцать лет, жениху — семнадцать. По тем временам вполне зрелые люди. Да только придворные медики всеподданнейше доносили императрице: «Жених кондиций,

надобных для брака, не обрел, и свадьба сия зело преждевременна: года два ещё потребно, дабы все произошло согласно природе».

Императрица предупреждением пренебрегла. В результате, в первую брачную ночь молодые… играли в куклы. Не потому, что великая княгиня Екатерина так и не рассталась с детскими привычками, а потому, что именно такое времяпрепровождение более чем устраивало великого князя Петра. Если он не играл в куклы, то устраивал потешные баталии с полчищами игрушечных солдатиков на ковре в супружеской спальне. Или играл на скрипке. Или дрессировал собак. Юную же свою супругу, как бы сказали теперь, «в упор не видел», а находясь в добром расположении, развлекал её рассказами о своей неземной страсти к той или иной фрейлине.

Эта супружеская «идиллия» продолжалась два года. После чего Екатерина получила письмо, не оставляющее никаких сомнений относительно будущего великокняжеского семейства:

> «Мадам!
>
> Настоятельно прошу Вас не затруднять себя и не испытывать неудобств, деля со мной постель. Кровать слишком узка, а я не сторонник излишних хлопот, тем паче — неискренних.
>
> *Ваш очень несчастный супруг*
>
> *Петр».*

Простенько и со вкусом. Шесть лет после этого Екатерина вела почти монашеский образ жизни, что, кстати, было совсем неплохо: малообразованная немецкая принцесса посвятила все это время чтению и преуспела. Кто знает, выполняй Петр свои супружеские обязанности добросовестно, была ли бы вообще в российской истории императрица Екатерина, да ещё и Великая? Скорее всего, нарожала бы детей и смирно прожила жизнь в тени хоть и вздорного, но все-таки августейшего супруга. Не она первая, не она последняя…

Зато через шесть лет обеспокоилась венценосная тетка — императрица Елизавета. Года шли, судьба российского престола находилась в полной зависимости от их высочеств — великого князя и великой княгини — а долгожданного наследника все не появлялось. Более того, императрице донесли, что её племянник вообще был мужем, так сказать, де-юре, а де-факто так и не испытал супружеских радостей. На племянника-то, по большому счету, можно было наплевать, но невестка, сохранившая в

замужестве невинность до двадцати двух лет, становилась просто бельмом на глазу. И, Господи боже, что скажут в Европах?

Дабы пресечь зловредные слухи, Елизавета повелела невестке забеременеть немедленно — хоть от мужа, хоть от придворного истопника, мелочи её не заботили. Но прошло ещё долгих четыре года, пока великая княгиня не доложила своей августейшей тетке-свекрови об «интересном положении». Отцом будущего великого князя называли Сергея Салтыкова, но некоторые подозревали другого придворного — Льва Нарышкина, а откровенные недоброжелатели вообще советовали поискать виновника торжества в гвардейских казармах. Правда, к этому времени и сам великий князь «обрел брачные кондиции» и приступил к выполнению супружеских обязанностей. На сей счет имеется документальное свидетельство тогдашнего французского посла в России:

> «Между тем наступило время, когда великий князь смог вступить в общение с великой княгиней. Уязвленный словами императрицы (более чем прозрачным намеком насчет его мужских способностей и образа жизни его дражайшей половины — *С. Б.*), он решил удовлетворить её любознательность насчет подробностей, которые она желала знать, и наутро той ночи, когда брак был фактически осуществлен, он послал императрице в запечатанной собственноручно шкатулке то доказательство добродетели великой княгини, которое она желала иметь… Связь великой княгини с Салтыковым не нарушилась этим событием, и она продолжалась ещё восемь лет, отличаясь прежней пылкостью».

Бог с ним, с доказательством добродетели, и не то можно подделать, было бы желание, но важно другое: отцом Павла мог быть и его формальный отец. Самое интересное, что Павел Петрович скорее походил на Петра Федоровича, никогда не отличавшегося особой красотой, чем на писанного красавца Салтыкова или на обаятельнейшего Левушку Нарышкина. От матери в нем не было ничего, кроме… незаурядного ума. Но не было её немецкой педантичности и терпения.

Павел родился 20 сентября 1754 года — через десять лет после свадьбы его родителей. Младенца немедленно унесли на половину императрицы Елизаветы и родная мать не видела его целых сорок дней. Потом ей сына все-таки показали — издали! — и снова спрятали в дальних комнатах. Екатерина нашла ребенка «очень хорошеньким» — и фактически не виделась с ним целых

восемь лет: до смерти императрицы Елизаветы.

Императрица же — формально незамужняя и бездетная — находилась наверху блаженства. Рождение законного наследника романовского престола праздновалось почти год, причем не только при дворе, но и в домах богатых вельмож. Елизавета Петровна, которой только-только исполнилось сорок пять лет, воспитывала внука по-старинке: окружила его толпой нянюшек и мамок, кутала до того, что ребенок обливался потом и не сообразовывалась ни с каким расписанием. Спать ребенка укладывали то в восемь часов вечера, то далеко заполночь, кормили когда Бог на душу положит, но обязательно обильно. Ни к кому так хорошо не подходила поговорка «у семи нянек дитя без глазу», как к маленькому великому князю: в одно прекрасное утро мамки и няньки с ужасом обнаружили пустую колыбель. Оказалось, что ночью Павел упал на пол и преспокойно провел остаток времени под колыбелью, прямо на полу.

Окруженный с первого дня рождения мамками-няньками, Великий князь так до конца своих дней и не избавился от внушенных ими предрассудков. Они вечно рассказывали ему про ведьм и домовых, приучили бояться всего и всех: грозы, громких звуков, бабушки-императрицы, собственных родителей. К шестилетнему возрасту Павел был типичным «барчуком», отданным на попечение темной деревенской дворни. И лишь к этому времени Елизавета Петровна озаботилась приискать единственному внуку воспитателя. Им стал граф Никита Иванович Панин — человек незаурядного ума, но по складу характера — одновременно желчного и флегматичного — меньше всего подходящим на роль воспитателя Великого князя, как, впрочем, и любого ребенка.

Малоподвижный, сухой в обращении, Панин пренебрегал прогулками с ребенком и вообще общался с ним чрезвычайно неохотно. Отсутствие свежего воздуха и физических упражнений плохо сказалось на Павле, а вечный страх не угодить строгому воспитателю привели и без того расшатанные нервы цесаревича в практически неуправляемое состояние. Это, тем не менее, не помешало ему спустя некоторое время безоглядно привязаться к своему воспитателю, который, между прочим, исподволь внушил Павлу мысль о том, что он — единственный законный наследник российского престола, и что его царственная бабка подумывает о том, чтобы назначить его наследником в обход племянника — его родного отца. Но Елизавета скончалась, так ничего и не предприняв в отношении престолонаследия. А её племянник, став российским императором, в душе так и остался голштинским принцем, тратившим все свободное время на три излюбленных

занятия: муштру солдат, выпивку и курение. Впрочем, какое-то время он уделял и женщинам: его любовницей стала Елизавета Воронцова, восьмипудовая недалекая алкоголичка, на которой он мечтал жениться, запрятав законную ненавистную супругу в монастырь. Если так поступил Петр Первый, то почему бы Петру Третьему не последовать примеру своего великого предка?

За всеми этими делами император практически не видел единственного сына. В свое кратковременное, полугодичное царствование он видел Павла лишь дважды. Первый раз удостоил сына визитом, побеседовал с ним и сказал на прощание:

— Из него выйдет добрый малый. На первое время он может оставаться под прежним присмотром, но скоро я устрою его иначе и озабочусь лучшим его военным воспитанием вместо теперешнего женственного.

Нет ничего более постоянного, нежели временное! Вторая встреча отца и сына состоялась очень нескоро и лишь благодаря настояниям Панина. Император поприсутствовал при экзамене Павла и заявил своему окружению:

— Господа, говоря между нами, я думаю, этот плутишка знает эти предметы лучше нас. Жалую его в капралы своей гвардии!

Знать что-либо лучше Петра Федоровича было легче легкого, а звание капрала Павел так и не получил из-за забывчивости отца. Впрочем, ненавидевший свою мать, он в полном смысле слова боготворил отца и так и не простил его преждевременной смерти ни Екатерине, ни её сподвижникам. Для высокообразованного, необыкновенно начитанного и тонко чувствовавшего цесаревича образцом и идеалом навсегда остался полупьяный и необразованный человек, абсолютно, к тому же, безразличный к самому факту существования у него сына.

После своего восшествия на престол и чрезвычайно своевременной смерти супруга — свергнутого императора, Екатерина ничего не изменила в жизни своего сына. Придворные — и в первую очередь Панин — наивно полагали, что Семирамида Севера поцарствует лет восемь, до совершеннолетия Павла, а потом тихонечко уступит ему престол и исчезнет с политического горизонта. Как бы не так! Прежде всего, она озаботилась тем, чтобы каждое слово и каждое движение наследника становились тут же ей известны, а затем постаралась свести до минимума влияние на него графа Панина и окружить Павла малозначительными и неинтересными людьми. Переписываясь с лучшими умами Европы того времени, Екатерина откровенно не желала замечать, что её сын и наследник мог бы стать для неё достойным собеседником и преемником её идей. Она обращалась с сыном, как с дальним

докучливым родственником, и постепенно робкое обожание, которое Павел все-таки питал к матери, сменилось холодной озлобленностью и абсолютным равнодушием. Масла в огонь подлила и первая женитьба цесаревича.

В отличие от своего официального отца, «брачные кондиции» Павел обрел довольно рано. Во всяком случае, когда цесаревичу исполнилось шестнадцать лет, заботливая матушка приискала ему тридцатилетнюю вдову и повелела «образовать Великого князя в вопросах деликатного свойства». Вдова оказалась старательной, образование закончилось тем, что у неё родился сын, Семен Павлович Великий, который в возрасте двадцати двух лет погиб в чине капитан-лейтенанта российского флота. А Екатерина начала поиски невесты в европейских дворах. Ее выбор пал на Гессен-Дармштадских принцесс — трех сестер. Павлу же предстояло выбрать из трех красавиц одну. Разумеется, наследнику российской короны не пристало разъезжать по городам и весям, не царское это дело. Посему за невестами был послан ближайший друг цесаревича, граф Андрей Разумовский, к которому Павел питал совершенно слепое доверие.

> «Дружба ваша, — *писал он в Ревель, где Андрей командовал кораблем,* — произвела во мне чудо: я начинаю отрешаться от моей прежней подозрительности… Как мне было тяжело, дорогой друг, быть лишенным вас в течение всего этого времени».

Между тем графу Андрею не то что невесту — кошку доверить было бы неблагоразумно. Внук свинопаса, зато графский сын, он успел пожить в Версале, разделяя недетские увеселения французского двора, получил поистине европейское образование и чуть ли не с пеленок умел обольщать женщин. Из трех принцесс-невест его внимание немедленно привлекла Вильгельмина, ибо он знал, что именно её Екатерина наметила в невестки. Они стали любовниками прямо на корабле, едва ли не в открытую. Но ни у кого не хватило смелости доложить об этом прискорбном факте Екатерине. Павел же, ослепленный доверием к своему другу и опьяненный мыслью о том, что делает выбор свободно и сознательно, официально предложил руку и сердце немецкой принцессе, а затем подозвал к себе Разумовского и с пафосом произнес:

— Прошу, граф, по-прежнему быть настойчивым в исправлении моего характера и полюбите не только меня, но и ее…

Знал бы он, что граф уже выполнил это пожелание!

Вильгельмина была крещена под именем «благоверной

Натальи Алексеевны», но ничем это знаменитое в России имя не украсила. Единственной её страстью, если не считать красавца Разумовского, были всевозможные развлечения, деньги она транжирила ещё до того, как успевала получить. Ко всему прочему, великая княгиня оказалась неизлечимо больной: вследствии несчастного случая, происшедшего с ней в детстве, у неё были деформированы позвоночник и кости таза. Через три года после свадьбы великая княгиня скончалась от родов, причем ребенок погиб ещё в её чреве, так и не появившись на свет. Но за эти три года сумела основательно настроить супруга против свекрови вплоть до того, что был составлен небольшой заговор — сценарий очередного дворцового переворота. Но Екатерина настолько глубоко презирала и сына, и невестку, что даже не сочла нужным кого-то наказать, хотя список заговорщиков видела своими глазами.

Судьба обрекла Павла на вечные драмы, не составил исключения и первый опыт его супружеской жизни. Сразу после кончины обожаемой супруги матушка предъявила ему такие доказательства неверности Натальи Алексеевны — её переписку с любовником, — что цесаревич едва не помешался от горя и обиды, но враз излечился от скорби. Не прошло и трех месяцев, как вдовец согласился вступить в новый брак. На сей раз Екатерина сделала правильный выбор:

«Принцесса Вюртембергская в качестве великой княгини или императрицы будет только женщиной и больше ничем», — писал из Петербурга один из дипломатов. Да, близорукая, статная, высокая, очень свежая но склонная к полноте блондинка, София-Доротея являла собой идеальный, с точки зрения немцев, тип женщины. Едва прошло несколько недель после помолвки — заочной! — как она собственноручно написала Павлу письмо на русском языке, а близким подругам признавалась, что «любит великого князя до безумия».

Говорят, противоположности сходятся. Низкорослый, субтильный, нервно-желчный Павел был очарован этой спокойно-сентиментальной великаншей, каждый год исправно рожавшей детей. Но и при этом она старалась быть на высоте своего положения, не давая себе ни минуты передышки.

> «То, что утомляет других женщин, ей нипочем, — *писал один из современников.* — Даже во время беременности она не снимает парадного платья, а между обедом и балом, когда другие женщины надевают капот, она, неизменно затянутая в корсет, занимается перепиской, вышиванием или живописью».

Правда, принцесса София-Доротея, во святом крещении «благоверная Мария Федоровна», занималась не только вышеперечисленным. Она неустанно подогревала честолюбивые мечты супруга относительно престола. И для этого были более чем веские причины. Настрадавшаяся от вынужденной разлуки с сыном, Екатерина допустила неоправданный промах: отобрала у своей невестки и первенца Александра, и второго сына — Константина. Их воспитанием она занималась лично, рассчитывая на российский престол для первого и на константинопольский — для второго. Но и великим свойственно ошибаться. Тем более, что Мария Федоровна с излишней жестокостью подчеркивала безупречность своего поведения по сравнению с образом жизни свекрови. И без того уверенный в том, что мать, пусть и косвенно, но безусловно виновна в смерти отца, Павел выстроил сложную схему внутрисемейный отношений, где он играл роль идеалиста-страдальца, а Екатерина — роль злобной и развратной фурии, прислушивающейся только к зову своего неукротимого темперамента.

С Орловым, Васильчиковым, Потемкиным Павел ещё как-то ладил. Но когда блистательного князя Таврического сменила бесконечная череда любовников-однодневок, большинство из которых было моложе его самого, великий князь ожесточился. Молчаливое поощрение убийства законного супруга ради двух великих страстей — власти и любви — он ещё мог понять. Но чисто мужское отношение к плотским радостям, откровенное пренебрежение общественным мнением — нет, нет, и ещё раз нет. Разлад Павла с Екатериной становился все более глубоким и, к сожалению, отражался на его отношениях с женой и детьми. Там, где прежде царили гармония и любовь, прочно обосновались подозрения, неприязнь и даже… ненависть. Сыновья становились соперниками в борьбе за трон, жена — возможной предательницей. Павлу перевалило за сорок и законная супруга в несчастливые минуты иронично называла его «вечным наследником». Жестокая российская действительность оказалась сильнее врожденной немецкой сентиментальности. Впрочем, Мария Федоровна не чужда была и честолюбивым мечтам: похоронить свекровь, овдоветь — и царствовать, благо дети находились у неё в полном и безоговорочном подчинении.

Чашу терпения Великих князей переполнила поездка Павла с супругой в Европу. Под именем «князей Северных» они посетили Австрию, Испанию, Францию. Европейские монархи принимали Павла Петровича с Марией Федоровной со всеми мыслимыми и немыслимыми почестями. Император австрийский Иосиф в честь

высокого гостя низкого роста распорядился поставить трагедию бессмертного Шекспира «Гамлет» (на русской сцене, кстати сказать, почему-то запрещенного). Но знаменитый тогда в Вене актер Брокман отказался играть главную роль, произнеся при этом бессмертные слова:

— В театре будут два Гамлета — один на сцене, другой — в зале.

Возможно, именно тогда Павел окончательно поверил в то, что мать всегда желала ему только зла. И поторопился вернуться в Россию, где как бы заложниками оставались два маленьких сына, и где ему ещё почти десять лет предстояло ждать смерти матери. Если бы она вела себя по-другому! Если бы добровольно отказалась от престола в пользу сына! Но Семирамида Севера не собиралась делать ни того, ни другого. Она воспитывала внука Александра, как своего наизаконнейшего наследника. Она откровенно пренебрежительно относилась к «малому двору», его немецкой зажатой сентиментальности и страсти к муштре во всех видах. Она — чистокровная немка! — считала себя более русской, чем её сын, который, при любом раскладе, побивал её своей «русопятостью». Шекспировский Гамлет хотя бы любил свою мать. Российский принц Гамлет мать ненавидел…

В ожидании «счастливой минуты» Павел продолжал метаться между совершенно противоположными влияниями, не зная, к чему бы приложить свою энергию и недюжинный ум. Впрочем, для энергии он применение нашел довольно быстро. Достойный сын своей матери, Павел не пропускал ни одной мало-мальски симпатичной юбки, и довольно скоро около дюжины фрейлин могли предъявить более чем убедительные доказательства благосклонности к ним цесаревича. Мария Федоровна благоразумно закрывала глаза на «шалости» мужа, Екатерина — тем более. По принципу: чем бы дитя ни тешилось, лишь бы трона не просило. В результате, не дожив до сорока лет, Павел выглядел совершенным стариком: лысая голова, изрезанное морщинами лицо, дрожащие руки… Даже друзья отмечали, что «неожиданно, в минуты крайних решений, он становится сумрачен, буен и странен до сумасбродства». Немудрено, что придворные со страхом ждали неизбежной смены поколений на рестоле.

Сущность характера мимолетного российского императора заключалась в том, что… характера у него вовсе не было. Было сумасбродство, природная доброта, благоприобретенная подозрительность и совершенно расстроенные нервы. В результате после скоропостижной кончины Екатерины российский престол занял истеричный и неуправляемый человек,

который насилием старался подменить силу. Самодур в семье — драма, но самодур на престоле — трагедия всероссийского масштаба.

Верноподданые очень скоро почувствовали, что новый император — кара, ниспосланная за тяжкие грехи. Павел не щадил никого — ни прославленных полководцев, ни убеленных сединами дипломатов, ни женщин, ни младенцев. «Потемкинский дух вышибу!» — эту фразу можно было бы сделать эпиграфом ко всему недолгому царствованию правнука Петра Великого, хотя к этому времени князь Таврический давным-давно отошел в небытие, а последний фаворит Екатерины — Платон Зубов — сделал все возможное, чтобы уничтожить память о тайном супруге российской императрицы. Но Павлу и этого казалось мало.

Даже великолепный Зимний Дворец стал ему подозрительным — и в рекордно короткие сроки был выстроен Михайловский Замок — крепость среди города, куда, по мнению Павла, никто не мог проникнуть незамеченным. Мания преследования, мания величия… Обладавшая поистине ангельским терпением Мария Федоровна заметно отдалилась от своего августейшего супруга и, по свидетельству современников, ожидала для себя, в лучшем случае, ссылки, а в худшем — насильственного пострижения в монахини. Сыновьям же Павел не доверял вообще, так как был достаточно осведомлен о планах покойной матушки передать престол одному из них в обход единственного законного наследника.

В общем-то почти достоверно известно, что Великий князь Александр если и не дал впрямую своего согласия на устранение августейшего родителя, то и не сказал решительное «нет». Впрочем, заговор, в котором принимали участие не более полусотни «особо доверенных лиц» молниеносно оказался известным чуть ли не всему Санкт-Петербургу. Почему подозрительный и мстительный Павел не прореагировал на бесспорно достоверную информацию — неизвестно. Но в ночь с 11 на 12 марта правнук Петра Великого был задушен в собственной спальне собственным же шарфом. Исполнители были известны, вдохновители — тем более. Когда новоиспеченный император Александр попробовал изобразить муки совести и скорбь от отце, его довольно бесцеремонно возвратили с небес на грешную землю:

— Полно, Ваше величество, ребячиться. Ступайте царствовать!

Преданный матерью, детьми, женой, Павел сохранился в истории как деспот, сравнимый лишь с античными чудовищами.

Но и мы с вами вряд ли стали бы другими…
При прочих равных условиях.

Дважды обрученный

Второй русский император — Петр Алексеевич — внук Петра Великого и сын несчастного цесаревича Алексея скончался в возрасте четырнадцати лет, ничего не успев сделать для России, но успев дважды обручиться и сделать несчастными двух красавиц…

Когда скончался Петр Первый, его внуку — прямому наследнику и первому претенденту на российский престол — было всего лишь девять лет. Потерявший мать в трехлетнем возрасте, практически не знавший своего отца, который был умерщвлен чуть позже, Петр Алексеевич, будущий император Петр Второй, долгое время был фактически предоставлен самому себе и заботам случайных воспитателей. Его дед проявлял к внуку потрясающее равнодушие, рассчитывая, по-видимому, на то, что престол займет одна из его дочерей от второго брака. И успей он написать завещание, так бы и произошло. Но судьба распорядилась иначе.

Короткое двухлетнее царствование мачехи, малограмотной и необразованной то ли шведки, то ли финки Марты (императрицы Екатерины Первой) ничего не изменило в судьбе царевича. Ему минуло одиннадцать лет, и ничто не указывало на то, что в его жилах течет кровь Петра Великого. Больше всего он походил на свою мать — принцессу Шарлотту Вольфенбютельскую: кротко сносил все превратности жизни, послушно называл всесильного тогда Меньшикова «батюшкой» и прилежно занимался со своим новым наставником, вице-канцлером Андреем Остерманом. Но в марте 1727 года императрица Екатерина подписала завещание, согласно которому внук её покойного мужа становился её наследником и в будущем императором, если… женится на старшей дочери Меньшикова Марии.

Мария Александровна, семнадцатилетняя красавица, была невестой Петра Сапеги, знатного польского шляхтича. Но Екатерина рассудила по-своему и, разорвав помолвку, женила Сапегу на своей племяннице. Поговаривали, что императрица была неравнодуша к молодому поляку и желала, чтобы он как можно меньше внимания обращал на свою законную жену. Княжна Меньшикова в этом плане была куда более опасной соперницей, нежели родная племянница. Возмущенный

Меньшиков потребовал у государыни возмещения, как бы теперь сказали, «морального ущерба». И получил вышеупомянутое завещание. Мнения невесты, как водится, никто и не спрашивал.

В первых числах мая 1727 года императрица скончалась. На заседании Верховного Совета, полностью находившегося в руках Меньшикова, было решено считать императора Петра Второго несовершеннолетним до 16 лет, а регентом при этом назначался его будущий тесть — тот же Меньшиков. В Москву было отправлено любопытное послание, в котором Петр Второй является государем одновременно по завещанию, по избранию и по наследству: «По её величества тестаменту, учинено избрание на престол Российский новым императором наследственному государю, его высочеству великому князю Петру Алексеевичу». Зачем нужно было избирать законного императора, для чего понадобилось завещание — непонятно. Скорее всего, для того, чтобы как можно скорее женить одиннадцатилетнего мальчика на дочери временщика.

Чтобы упрочить свое положение, Александр Данилович Меньшиков отпраздновал помолвку княжны Марии с императором почти сразу после погребения императрицы. Невеста получила титул императорского высочества, двор и годовое содержание в тридцать четыре тысячи рублей — сумма колоссальная для России того времени, но чисто символическая для её отца, который владел миллионами, если не миллиардами. Старую знать он сумел переманить на свою сторону, щедро раздавая чины и должности. Опальный при Екатерине князь Алексей Долгорукий получил высокий пост при дворе сестры императора, царевны Натальи, а также был назначен заместителем воспитателя юного императора. Его сын, князь Иван Долгорукий, стал ближайшим товарищем Петра Второго, несмотря на внушительную разницу в возрасте — целых семь лет. Кстати сказать, князь Иван считался — и заслуженно! — одним из самых легкомысленных и распущенных молодых людей того времени, а посему влияние, которое он оказывал на своего младшего друга, вряд ли можно считать положительным.

Нашлись, кроме того, и другие люди, ненавидевшие Меньшикова и имевшие огромное влияние на юного императора. Прежде всего, это была его сестра, царевна Наталья Алексеевна. Все современники, как русские, так и иностранцы, единодушно воспевали если не её красоту, то неотразимую прелесть. Всего лишь годом старше своего брата, она была много умнее и образованнее, чем он, давала ему прекрасные советы больше работать и избегать дурного общества. И брат, похоже, был склонен к этим советам прислушиваться. Во всяком случае,

сохранилось письмо императора к его сестре, где на плохой латыни он излагает теорию просвещенной монархии в перемешку с нежными изъявлениями благодарности за помощь в деле воспитания из него хорошего государя. И её же он чуть ли не коленях умолял помочь разорвать помолвку с нелюбимой и немилой невестой — Марией Меньшиковой. Но регент и будущий тесть был ещё слишком силен, чтобы можно было пренебречь его дочерью.

Нашелся другой путь. Царевна Наталья стала появляться у императора в обществе их тетки — царевны Елизаветы, младшей дочери Петра Первого. Очаровательная и жизнерадостная, семнадцатилетняя Елизавета меньше всего помышляла о работе и добродетели. Влияние её вначале проявлялось в самых невинных сферах: она развивала в племяннике любовь к физическим упражнениям. Отличная наездница и страстная охотница, она на целые дни завладевала императором и завлекала его в подмосковные леса, причем злые языки утверждали, что занимались они там не только охотой.

И в этих сплетнях, возможно, была доля истины. Петр Второй рано достиг физического развития, а приятель-фаворит Иван Долгорукий постарался приобщить его к доступным и примитивным удовольствиям. Любимым занятием императора и его компаньона были налеты на городские усадьбы московских бояр, где их жертвами становились крепостные девки. Тетка Елизавета не видела в этих развлечениях ничего предосудительного, добродетельная царевна Наталья закрывала глаза на похождения братца, а официальная невеста молча страдала в пышном одиночестве родительского дома. Естественно, она не ревновала: княжна Меньшикова никогда не любила плохо воспитанного мальчишку, но положение её становилось просто невыносимым. Чашу переполнила внезапная тяжелая болезнь князя Меньшикова: через два месяца после пышного обручения его дочери с императором у Александра Даниловича открылось кровохарканье и врачи объявили его безнадежным. Несколько недель спустя железный организм князя справился с недугом, но и император, и Верховный совет уже почувствовали облегчение и возвращение опеки и диктата показались им нестерпимыми.

Правда, Петр все ещё был в какой-то степени ребенком, а в распоряжении Меньшикова все ещё находились все силы государства. Какой-нибудь решительный шаг мог ещё спасти Александра Даниловича, но он предпочел ничего не предпринимать, вернулся в Петербург и стал ожидать дальнейшего развития событий. И дождался. 7 сентября 1727 года

император приказал арестовать своего несостоявшегося тестя и сослать его вместе со всем семейством в его поместье Ранненбург, Рязанской губернии. Просьбы Меньшикова и его жены остались без ответа.

10 сентября Меньшиковы покинули Петербург. Бывший временщик удалялся все ещё по-княжески: четыре кареты с запряжкой по шесть лошадей, полтораста карет поменьше, одиннадцать до верху груженых фургонов и сто сорок семь слуг. Возможно, император и забыл бы об изгнанниках, дав им возможность тихо и мирно жить в глуши. Для него главное было — избавиться от постылой невесты и без оглядки броситься в объятия нежной тетушки. Но ни эта самая тетушка, ни родная сестра не были настроены так же миролюбиво. Обе горели желанием отомстить Меньшикову за его тиранию и мелочные придирки и в дальнейшей судьбе семейства Меньшиковых явственно прослеживается женское влияние. В Вышнем Волчке изгнанники получили приказ разоружить свою челядь, в Твери — отослать обратно почти все экипажи и слуг, в Клину — отобрать у бывшей невесты обручальное кольцо. Последнее было уж вовсе не по-царски: чего-чего, а драгоценностей у императора и его близких хватало.

Но и это было только началом падения «Великого Голиафа», как называли Меньшикова его современники. В ноябре была произведена опись всех его имений и только в петербургских домах было обнаружено на 200 тысяч рублей столового серебра, восемь миллионов червонцев, тридцать миллионов серебряной монетой, на три миллиона драгоценностей и драгоценных предметов. Еще свыше тонны серебряной посуды было обнаружено в тайнике в результате анонимного доноса. Разоренный Меньшиков был сослан в Березов — тогдашнюю крайнюю северную точку России. Он прибыл туда с двумя дочерьми и сыном — княгиня Дарья, его жена, скончалась по дороге в ссылку в Казани. Спустя год с небольшим Александр Данилович скончался в возрасте всего пятидесяти шести лет, а через месяц за ним последовала княжна Мария, невинная жертва чрезмерных амбиций своего отца.

Весть об этой кончине застала императора в самый разгар балов и прочих увеселений: у его старшей тетки, герцогини Голштинской, родился сын Петр, будущий император Петр Третий и незадачливый супруг Екатерины Великой. Юный император не соизволил даже вздохнуть, настолько мало его волновала судьба бывшей невесты. Гораздо больше его занимало то, что пошатнулось здоровье любимой сестры, царевны Натальи, которая все чаще пропускала придворные церемонии.

Поговаривали, что царевну сводит в могилу греховная любовь к брату и ревность к родной тетке. Не меньше волновало Петра и то, что его любимец, князь Иван Долгорукий стал оказывать той же тетке, царевне Елизавете, слишком откровенные знаки внимания. Впрочем, все обошлось без особых инцидентов и вскоре тетка с племянником отправились на многомесячную охоту в сопровождении Верховного совета и всего генералитета. Пятьсот экипажей тянулись из поместья в поместье, а иногда располагались на ночлег прямо под открытым небом. Охота сопровождалась бесконечными пиршествами в старомосковском духе. Роман Петра и Елизаветы протекал, таким образом, на глазах у нескольких тысяч человек и был настолько бурным, что император даже не соизволил приехать в Петербург на похороны герцогини Голштинской, скончавшейся несколько месяцев спустя после родов. Более того, государственные дела стали приходить в упадок, потому что Петр решительно не желал ими заниматься. Разумеется, верховным сановникам было крайне удобно иметь государя-марионетку, но эта марионетка должны была хотя бы ставить свою подпись на заранее приготовленных бумагах. Оставалось рассчитывать только на влияние царевны Натальи.

Но и этот расчет не оправдался. В ноябре 1728 года болезнь Натальи приняла опасный оборот. Пятнадцатилетняя царевна умирала от чахотки, унаследованной от матери. На сей раз император выбрал время, чтобы проститься с горячо любимой сестрой, и Наталья скончалась у него на руках, заклиная слушать советы вице-канцлера Остермана и удалить от себя князей Долгоруких.

Совет был хорошим, но запоздавшим. К тому же Остерман, плохо знакомый с русскими обычаями, начал усиленно склонять своего воспитанника к браку с Елизаветой — хоть и не совсем родной, но все-таки теткой. Политически это было единственно правильным решением: соединить потомство Петра Первого от двух браков и навсегда прекратить в России династические распри. В том, что Елизавета способна иметь здоровое потомство, никто не сомневался: она это подтвердила, хотя официально и считалась девицей. Петр Алексеевич тоже доказал свои способности воспроизвести род. Но… Елизавета не ограничивалась обществом племянника и очертя голову пускалась во всякие сомнительные приключения, а Петр все больше и больше подпадал под влияние Долгоруких, не стеснявшихся в средствах для ублажения всевозможных прихотей государя. Если бы Петр догадался, что все это делается ради одной-единственной цели — нового обручения, часы фавора Долгоруких нетрудно было бы сосчитать. Но он понял это

слишком поздно.

Князь Алексей Григорьевич Долгорукий, человек невеликого ума, но колоссальных амбиций, решил повторить опасный путь Меньшикова и стать императорским тестем. Рассчитывал он на то, что красота и отсутствие предрассудков у его старшей дочери, княжны Екатерины, заставят Петра потерять голову и сделать решительный шаг. А уж «покрыть грех» после можно будет только свадьбой. Как-никак Долгорукие по происхождению считали себя выше императора — Романова, да и старый обычай: жениться на русской боярышне, а не на «иноземке», ещё не был забыт. К тому же княжна Екатерина была не менее честолюбива, чем её батюшка, и ради царской короны готова была пожертвовать всем, включая любовь.

Красавица была почти официально обручена с австрийским посланником, графом Миллезимо, и по скандальной хронике того времени отношения между ними были куда ближе, нежели приличествовало жениху и невесте. Когда Екатерина стала почти все время проводить в обществе юного императора, австрийцу быстро указали на дверь, даже не объясняя причины. Последовал громкий скандал, Остерману пришлось улаживать отношения чуть ли не со всем дипломатическим корпусом в России. Тут и Петр начал понимать, что всего лишь сменил опекуна, и вместо одной нелюбимой невесты ему подсовывают другую такую же. Но было уже поздно.

Когда император стал проявлять явные признаки охлаждения к той, кого уже негласно считали будущей царицей, Долгорукие уже зашли слишком далеко, чтобы отступать. Пришлось заманить Петра в довольно примитивную ловушку: напоить и доставить прямиком в опочивальню к княжне. По свидетельству современников, даже молодой князь Иван, не отличавшийся чрезмерной щепетильностью и высокой моралью, был шокирован поведением своих родственников и в тот же вечер покинул родительскую усадьбу. Протрезвевший Петр хмуро подтвердил свое обязательство жениться на княжне Екатерине и… ускакал вслед за своим любимцем в Москву. Но в день своего рождения, который праздновался в Туле, император объявил о свадьбе и повелел начать все необходимые приготовления. Ни он, ни невеста не выглядели счастливыми, и многочисленным гостям невольно приходило в голову, что и вторая царская невеста может последовать за первой, благо березовские ссыльные уже доживали последние недели.

Обручение Петра Второго и Екатерины Долгорукой было отпраздновано в Москве 30 ноября 1729 года. Невеста уже получила титул Императорского Высочества, но, в отличие от

Марии Меньшиковой, равнодушно принимавшей лесть и почести, была просто опьянена сознанием своего нового величия. Первым её распоряжением было — изобразить царский герб на всем её белье, а иное носить она наотрез отказалась. Когда Екатерина ехала на церемонию обручения, её роскошные косы украшала крохотная бриллиантовая корона, а вторая — хрустальная — сверкала на крыше кареты. Именно эта корона зацепилась за перекладину триумфальной арки, воздвигнутой на пути царской невесты, и обратилась в пыль под копытами коней. Народ, толпившийся на пути шествия так и ахнул: примета была более чем зловещей. Но Екатерина сохранила абсолютное спокойствие и величественно вошла в парадную залу, где её уже ждал император и придворные.

Вторую ложку дегтя в бочку меда добавил один из Долгоруких — дядя невесты Василий Владимирович. Человек весьма прямолинейный и, в отличие от других своих родственников, здравомыслящий, он крайне неприязненно относился к предстоящему браку, предвидя от него сплошные неприятности «фамилии». Он пожелал сказать напутственную речь и его пожелания племяннице звучали следующим образом:

> «Вчера я был твоим дядей, нынче ты моя государыня, а я буду твоим верным слугой. Позволь дать тебе совет: смотри на своего августейшего супруга не как на супруга только, но как на государя, и занимайся только тем, что может быть ему приятно. Твоя фамилия многочисленна, но, благодаря Богу, не терпит недостатка ни в чем, и члены её занимают хорошие места, и так если тебя будут просить о милости кому-нибудь, хлопочи не в пользу имени, но в пользу заслуг и добродетели, это будет настоящее средство быть счастливою, чего тебе желаю».

Будущая царица ничего не ответила. Зато на следующий же день почти все Долгорукие получили, согласно царскому указу, высокие должности и немалые денежные подарки. Так что добрый совет дядюшки пропал втуне, зато московская аристократия зачесала в затылках: с таким трудом избавились от Меньшикова, теперь Долгорукие в силу входят. Да в какую! А боярские распри на Руси длились столетиями и у многих не менее знатных семейств накопились к нынешним счастливчикам обиды и претензии. Если бы ещё Екатерина вела себя, как приличествует старомосковской боярышне, глядишь, и обошлось бы. Но невеста уже вела себя как венчанная жена и царица, хотя самого Петра ещё не короновали — недосуг был за многочисленными развлечениями.

Некоронованный император день ото дня становился все мрачнее и мрачнее. Рядом с ним уже не было любимой сестры, а тетку Елизавету те же Долгорукие постарались держать как можно дальше от двора и от непостоянного племянника. Петр и Елизавета виделись украдкой, причем горько жаловались друг другу на самоуправство Долгоруких. Невеста от прежней неприличной развязности в обращении вдруг перешла к абсолютной холодности и неприступности, чем, конечно, не могла привлечь жениха. Единственное, что её заботило, это бриллианты покойной княжны Натальи, якобы обещанные ей Петром. Возможно, император и отдал бы постылой нареченной эти побрякушки, но неожиданно вмешался князь Иван, не слишком одобрявший интриги своей «фамилии», и наотрез отказал родной сестре. А поскольку Иван пользовался неизменной благосклонностью своего царственного друга, княжна Екатерина бриллиантов не получила, зато затаила против брата смертельную ненависть, которую утолила много позже — в ссылке.

6 января 1730 года происходило водосвятие. Вопреки своим привычкам, Петр показался на этом торжестве вместе с невестой. Несмотря на небывалые морозы, пара выехала в открытых санях и несколько часов провела на глазах у народа в абсолютной неподвижности. Вернувшись домой, император почувствовал озноб и на следующий день врачи объявили, что он болен оспой. В тот же день по Москве прошел слух, что государева невеста в тягости. С тех пор Екатерину за глаза иначе как «порушенной царицей» и не называли.

12 января болезнь государя приняла критический оборот и Долгорукие собрались на семейный совет, дабы решить: кого определить в наследники престола. Если после Петра Первого императрицей стала его жена, то почему бы после Петра Второго не отдать трон его невесте? Подразумевалось, что впоследствии на трон возведут то дитя, которое Екатерина носила под сердцем. Но и тут Долгорукие не могли прийти к общему мнению: одни считали это безумной авантюрой, другие — само собой разумеющимся шагом на пути к престолу. Следует сказать, что впоследствии и те, и другие были наказаны с одинаковой жестокостью.

Наконец, решили составить завещание, по которому император назначал Екатерину Долгорукую, свою обрученную невесту, наследницей престола. Оставалось только получить подпись умирающего Петра, но тут Долгоруких ожидало новое неожиданное препятствие. У постели своего воспитанника неотступно находился Остерман, который не мог допустить

триумфа своих давних врагов. Правда, князь Иван давно наловчился мастерски подделывать подпись императора, но в данном случае нужен был подлинный автограф. 18 января Петр пришел в сознание, но лишь для того, чтобы произнести странную фразу:

— Запрягайте сани, еду к сестрице.

Несколько минут спустя последний представитель дома Романовых по мужской линии скончался. Сомнительное завещание так и осталось неподписанным.

Есть глухие сведения о том, что «порушенная царица» спустя три месяца разрешилась от бремени девочкой. Судьба этого младенца неизвестна, но в ссылку Екатерина Долгорукая отправилась просто как «девка Катерина, Долгорукова дочь». Пройдя через все ужасы жизни в Березове, принудительного пострига в монастырь, она сохранила свою невероятную надменность и презрение к окружающим её людям. Когда у неё попытались отобрать обручальное кольцо, она вытянула вперед руку и бросила караульному офицеру:

— Руби с перстом!

Кольцо так и осталось при ней. Спустя десять лет перед смертью она приказала сжечь все свои платья, чтобы никто после неё не мог надеть то, что облекало несостоявшуюся русскую императрицу.

Никогда и никого в своей короткой жизни не любивший, внук Петра Первого, тем не менее, стал причиной преждевременной смерти двух своих невест: княжны Марии Александровны Меньшиковой и княжны Екатерины Григорьевны Долгорукой. Дважды обрученный, он умер, так и не вступив в законный брак…

Умер, не дожив до пятнадцати лет.

Григорий Потемкин

Современники называли его «Князем тьмы» и «Избранником Божьим». Женщины сходили с ума от любви к нему, мужчины — от зависти. Он считался одним из красивейших мужчин России, будучи калекой. Рожденный в деревенской бане, он стал фактическим правителем империи, но умер на проезжей дороге… О судьбы, судьбы людские, кто вас придумывает?

Родился в 1739 году в селе Чижеве Смоленской губернии. Отец его — Александр Васильевич, несмотря на пожилые лета, был человеком гордым и необузданным, женившимся при живой первой жене на молоденькой вдовушке Дарье Васильевне Скуратовой, а первую супругу, с которой детей нажить не успел, заставил постричься в монахини. Впоследствии Григорий Александрович не раз говаривал о том, что грех его батюшки лег на него самого, посему супружеская жизнь ему заказана. Лукавил, конечно, ибо под венцом побывал, но об этом — много позже.

Рано потеряв отца, отставного майора и мелкопоместного дворянина, мучившего свою жену безумной и беспричинной ревностью вплоть до того, что хотел утопить новорожденного Грица как «приблудного» и только счастливый случай спас будущего «светлейшего» от такой участи, Потемкин был воспитан матерью, женщиной малообразованной и насмерть запуганной самодуром-мужем. В семье было ещё пятеро дочерей, только только прокормиться с усадебки…

До пяти лет мальчик вообще не разговаривал, причинив этим немало беспокойства маменьке, а потом заговорил здраво и связно, но проявлял невероятную неохоту овладевать какими бы то ни было знаниями. Любимыми занятиями юного Грица было: лазить по деревьям, плескаться в реке, опустошать родительский погреб и… бодаться с козлятами и телятами.

В десятилетнем возрасте был отдан в Смоленскую семинарию, так как светских учебных заведений в городе тогда не было. Там пристрастился к церковным службам и пению, а в двенадцатилетнем возрасте был послан в Москву к богатым родственникам, где завершил начальное образование, а также начал увлекаться к женщинами — в число его жертв были даже

монахини. Поступил в Московский университет и в 1757 году — восемнадцатилетним! — в числе лучших двенадцати студентов был представлен императрице Елизавете, но затем был исключен «за леность и нехождение в классы». Потемкин же вдруг принялся усердно посещать монастыри, беседовать с духовными лицами и вообще — готовился к принятию монашеского сана.

— Хочу быть архиереем или министром! — такова была ещё в семинарские годы «программа-максимум» Потемкина.

Но для пострижения необходимо было получить благословение кого-нибудь из высшего духовенства — и будущий инок и подвижник явился к архиепископу Московскому и Калужскому Амвросию, который благословил его… на десятилетнюю службу в армии и уж потом, если желание надеть клобук не пройдет — на постриг в монахи Чудова монастыря. На дорогу и первое время Амвросий дал юному Потемкину пятьсот рублей — сумму по тем временам громадную, но только не для жизни при дворе, куда волею судьбы он очень скоро угодил.

Записанный в рейтары конной гвардии ещё в 1755 года (поздновато для дворянина), Потемкин в 1761 году, во время недолгого правления императора Петра III, был вахмистром. Сблизился с братьями Орловыми — исключительно на почве общих интересов в проведении досуга: и братья, и Потемкин отличались невероятной физической силой, выносливостью в потреблении горячительных напитков и стратью к азартным играм. Неожиданно для самого себя молодой вахмистр оказался втянутым в дворцовые интриги, принял довольно-таки деятельное участие в свержении императора Петра III и возведении на престол его супруги — Екатерины. Участие в дворцовом перевороте обратило на него внимание императрицы Екатерины II, которая и будучи Великой княгиней заглядывалась на красавца-кавалериста: в 1762 году Потемкин был пожалован чином камер-юнкера и 400 душ крестьян.

В 1763 году — помощник обер-прокурора Синода, не покидая военной службы. Дружба-соперничество с Орловыми продолжалась, в результате чего Потемкин был не просто допущен ко двору, но и получил приглашение на так называемые «малые приемы», где императрица поощряла простоту и непринужденность общения. Тут-то Григорий Александрович немного перестарался, пытаясь обратить на себя более пристальное внимание императрицы. Как-то Екатерина обратилась к нему с вопросом на французском языке, но камер-юнкер Потемкин рассудил за благо ответить ей по-русски. Один из присутствовавших при этом сановников, заметил:

— Сие есть неуважение к государыне, ибо подданный обязан

отвечать монархине на том языке, на коем был задан вопрос.

— А я, напротив, думаю, что подданный должен отвествовть своей государыне на том языке, на котором вернее может свои мысли объяснить: русский же язык я учу с малолетства, — не замедлил сдерзить в ответ Потемкин. Хотя с малолетства русский язык отнюдь не изучал, а до поступления в университет говорил на смоленском диалекте, сильно «замусоренном» украинскими и польскими словечками и выражениями.

Дерзость, впрочем, пришлась по вкусу Екатерине, тем более, что её очень забавляла ещё одна способность молодого придворного — умение мастерски подделываться под чужой голос. Этой способностью немало развлекался официальный фаворит Екатерины того времени, Григорий Орлов, он же придумал потешить этим государыню. Спрошенный ею о чем-то Потемкин ответил ей её же голосом, безукоризненно имитируя и выговор, и неистребимый немецкий акцент. Екатерина хохотала до слез, Потемкин радовался вместе с нею, но… хорошо смеется тот, кто смеется последним.

Когда атлетическая фигура Григория Александровича стала все чаще появляться подле императрицы во время карточных забав и игры на бильярде, Орловы забеспокоились. Их благополучие, казавшееся незыблемым, могло быть поколеблено очередной прихотью влюбчивой Екатерины. Та же подчеркивала, что молодой красавец ей нравится. В результате братья Орловы, не мудрствуя лукаво, затащили Григория Александровича в одно из пустующих дворцовых помещений и там впятером избили будущую гордость России до полусмерти. Забили бы и до смерти, да богатырский организм Потемкина выдюжил. Памятью об этом побоище остались приступы дикой головной боли, мучавшие Григория Александровича всю оставшуюся жизнь, да слепота в одном глазу — последствия не столько избиения, сколько неумелого лечения какого-то шарлатана.

На несколько лет после этого Потемкин отошел от светской жизни: читал священные книги сутками напролет, отрастил окладистую бороду, не стригся. Слепой глаз небрежно завязывал тряпицей, сам ходил чуть ли не в рубище. Екатерина, казалось, довольно быстро забыла его, тем более, что Орловы преподнели исчезновение Потемкина как очередную блажь «смоленского увальня» и черную неблагодарность с его стороны по отношению к матушке-государыне. Но не забыла красавца-великана подруга и наперсница Екатерины — графиня Прасковья Брюс — и как-то ночью добровольный затворник был разбужен жаркими женскими поцелуями и ласками, которые отнюдь не отверг.

«Брюсша» донесла обо всем Екатерине — «Като». Та послала

забывшему свои обязанности камер-юнкеру и поручику суровое письмо, с требованием вернуться ко двору и на службу. Ослушаться Потемкин не посмел, и Екатерина встретила его довольно-таки прохладно:

— Наконец-то я снова вижу вас. Из подпоручиков жалую в поручики гвардии. Кажется, ничего более не должна я вам.

В 1768 году Потемкин был отчислен от конной гвардии и пожалован в камергеры, как состоящий при дворе. Его переписка с Екатериной возобновилась и в одном из писем Григорий Александрович обратился к своей монархине с просьбой такого содержания:

> «Беспримерные вашего величества попечения о пользе общей учиняет отечество наше для нас любезным. Долг подданической обязанности требовал от каждого соответствования намерениям вашим. Я ваши милости видел, с признанием вникал в премудрые указания ваши и старался быть добрым гражданином. Но высочайшая милость, которою я особенно взыскан, наполняет меня отменным к персоне вашего величества усердием. Я обязан служить государыне и моей благодетельнице, и так благодарность моя тогда только изъявится во всей своей силе, когда мне, для славы вашего величества, удастся кровь пролить.
>
> Вы изволите увидеть, что усердие мое к службе вашей наградит недостатки моих способностей, и вы не будете иметь раскаяния в выборе вашем…»

В 1769 году из камергеров Потемкин был «переименован» в генерал-майоры и отправился «волонтиром» на турецкую войну, где отличился под Хотином, успешно участвовал в битвах при Фокшанах, Ларге и Кагуле. За распорядительность и личную храбрость получил чин генерал-поручика и ордена Святой Анны I степени и Святого Георгия III степени. В конце 1770 года именно его отправил главнокомандующий русской армией граф Румянцев-Задунайский с донесениями к императрице в Петербург, снабдив тридцатилетнего генерал-майора следующим рекомендательным письмом:

> «Сей чиновник, имеющий большие способности, может сделать о земле, где театр войны состоял, обширные и дальновидные замечания, которые по свойствам своим заслуживают быть удостоенными высочайшего внимания и уважения, а посему и вверены ему для донесения вам многие обстоятельства к пользе

службы и славе империи относящиеся…»

Потемкин появился при дворе, но его время ещё не наступило. Озабоченная не столько государственными делами, сколько неуклонным ухудшением отношений с Григорием Орловым, возымевшим безумную и тщеславную идею обвенчаться со своей царственной любовницей, Екатерина приняла его боевого тезку более чем прохладно. На большом придворном выходе, миновав вначале Потемкина, будто пустое место, Екатерина вдруг резко повернулась к нему:

— Генерал! Коли война идет, вам следует о подвигах помышлять, а вы без моего соизволения ко двору явились. Повелеваю вам вернуться к делам батальным!

— Отныне и навеки я в этом доме не слуга! — заявил Потемкин графине Брюс, вздумавшей его удерживать. И уехал снова в армию. Но там, в декабре 1773 года им было вдруг получено необычное послание от Екатерины:

> «Господин генерал-поручик и кавалер!
>
> Вы, я чаю, столь упражнены глазением на Силистрию, что вам некогда письма читать, и хотя по сию пору не знаю, преуспела ли ваша бомбардировка, но тем не менее я уверена, что все то, что вы сами приемлете, ничему иному приписать не должно, как горячему вашему усердию и ко мне персонально, и вообще к любезному отечеству, которое вы горячо любите. Но как, с моей стороны, я весьма желаю ревностных, храбрых, умных и искусных людей сохранить, то прошу вас по-пустому не вдаваться в опасности.
>
> Прочитав сие письмо, может статься, сделаете вопрос: к чему оно писано? На сие имею вам ответствовать: к тому, чтобы вы имели подтверждение моего образа мыслей о вас, ибо я всегда к вам доброжелательна».

Потемкин не знал, какие огромные перемены произошли при дворе. Григорий Орлов, спасший Москву от чумной эпидемии, был отставлен от государственных дел и выдворен из царской спальни. Его место — только в алькове! — ненадолго занял красивый, но робкий и недалекий Александр Васильчиков, первый из бесчисленных впоследствии молодых фаворитов Екатерины. Придворные глядели на неё так, словно она подхватила какую-то смертельную болезнь. Но императрицу меньше всего волновали плотские утехи, нового любовника она

завела исключительно для того, чтобы надежнее отгородиться от попыток Орлова вернуть утраченное положение. И отзыв о Васильчикове, который она дала подруге — графине Брюс — не оставлял места каким-то иллюзиям:

— Плохо, если много усердия и очень мало фантазии.

Какая уж там фантазия, если молодой корнет буквально каменел в присутствии своей повелительницы и без её разрешения шагу не смел ступить из раззолоченных дворцовых покоев! К выполнению обязанностей его призывали звонком — не тогда, когда он хотел, а когда ей было надобно. А императрицу между тем одолевали совсем иные заботы…

В России вспыхнул пугачевский бунт, и Екатерина как никогда нуждалась в сильной поддержке умного и энергичного человека. Глубокая личная симпатия к Потемкину решила вопрос окончательно: императрица недвусмысленно предложила Григорию Александровичу место подле себя и в своем сердце.

Зато хорошо знал придворную жизнь вообще и императрицу в частности главнокомандующий граф Румянцев, который, ознакомившись с посланием, громыхнул:

— Какое ж это письмо? Это, братец мой, подорожная до Петербурга!

1 февраля Потемкин прибыл в столицу, но ко двору — в Царское Село — не поехал, отсиживался у родственников. Боялся? Размышлял? Или… ревновал? Не хотел быть очередным «случаем»?

Наконец, Екатерине удалось залучить его в Царскосельский дворец. Там, на лестнице, встретился ему Григорий Орлов, у которого Потемкин простодушно спросил:

— Что нового, князь?

— Новость одна, — не без иронии хмыкнул отставной фаворит, — я спускаюсь, ты — поднимаешься.

Екатерина встретила Потемкина приветливо, но с какой-то неловкостью, попросила помочь с «маркизом Пугачевым» управиться — вроде бы только за этим и звала. Наконец, Григория Александровича прорвало: выплеснул все обиды — и за то, что был обойден наградою за военные действия, и за то, что поздно спохватилась:

> «У тебя, матушка, перебывало уже пятнадцать кобелей, — *написал дерзкий подданный своей государыне,* — а мне честь дороже, и шестнадцатым быть никак не желаю».

Невиданная дерзость и… невиданная на неё реакция. 1 марта 1774 года Потемкин назначен был генерал-адъютантом,

подполковником Преображенского полка (где полковниками традиционно были лишь императоры и императрицы), вице-президентом военной коллегии, кавалером орденов Святого Александра Невского, Святой Анны и Святого апостола Андрея, прусского ордена Черного Орла, датского ордена Слона и шведского Серафима, польских орденов Святого Станислава и Белого Орла, и стал, по отзывам иностранных послов, «самым влиятельным лицом в России». И ещё получил… «Чистосердечную исповедь» Екатерины, где она, жестко проанализировав все свои романы, извиняла себя лишь страстью, бороться с которой была не в силах, и женским одиночеством. Усиленно доказывала, что было у неё лишь пятеро мужчин, включая неспособного мужа. Сошлись на том, что Потемкин будет не шестым, а — раз уж никак не может быть первым — будет последним мужчиной Екатерины.

Сохранились письма императрицы к её «последнему», написанные совсем не по-царски: «Все пройдет в мире, кроме страсти к тебе… Сердце зовет: куда делся ты, зачем спишь? Бесценные минуты проходят… Ласками все свечки в комнатах загашу… Что хочешь делай, только не уйди от меня без этого!»

Он и без писем делал, что хотел. Сам не заметил, как в его руках сосредоточились все нити власти. Потемкино кружило днем в делах государственных, а по ночам укачивало в объятиях Екатерины. Только с его богатырским здоровьем можно было выдержать такую жизнь. Впрочем, и сама императрица казалась железной: спала мало, работала много, страсти предавалась безмерно.

К лету 1774 года всем стало ясно, что одноглазый великан, сутками не вылезающий из халата, это не случайный «прохожий» в царской спальне. Первый биограф Потемкина А. Н. Самойлов об этом времени написал так:

> «В предыдущих главах объяснено было, как Григорий Александрович, ещё достигая возмужалости, строил мысленно чертежи о возвышении своем через заслуги Отечеству и для того, чтобы некогда быть способным к делам государственным, прилагал великое прилежание… Судьба и счастье благоприятствовали его предначертаниям!»

У судьбы, впрочем, было конкретное имя. Она звалась Екатериной. В 1775 году у любовников родилась дочь, которую, дав ей фамилию Темкина, быстренько спихнули куда-то на воспитание — обычная судьба внебрачных детей коронованных особ. Старшему сыну Екатерины, наследнику престола Павлу

было уже тридцать, сыну, рожденному от Григория Орлова — тринадцать. Потемкина же она уверяла:

— Последнее мое дитя, от тебя — последнего…

И в то же время подарила перстень со своим шифром новому кабинет-секретарю Петру Завадовскому, молодому красавцу, которому Потемкин учинил строгий выговор:

— Беря подарки у матушки, ты спросил бы у батюшки…

Но влияние Григоря Александровича на императрицу оставалось незыблемым. По утверждению английского посла в Санкт-Петербурге, оно было даже «еще сильнее, чем когда-либо». Теперь фавор Потемкина во вногом зависел от реакции европейских дворов и она не замедлила проявиться. В 1776 году австрийский император Иосиф II, желая угодить Екатерине, возвел Потемкина в княжеское достоинство Священноримской империи. Маленькая, но интересная деталь: незадолго перед этим событием тот же император отказался дать этот титул двум собственным министрам, за которых, кроме того, просила его собственная мать — вдовствующая императрица Мария-Терезия. Одновременно Григорий Александрович был назначен новороссийским генерал-губернатором. И… венчанным мужем Екатерины. Тайное бракосочетание состоялось в Москве в самом начале 1775 года, причем об этом писали многие историки, как зарубежные, так и российские. Венчание происходило в храме Вознесения на Большой Никитской улице. В связи с этим понятны бесконечные хлопоты Потемкина, который с помощью архитектора Василия Баженова хотел перестроить церковь в величественный собор. Смерть светлейшего помешала этим планам — собор достраивался уже при императоре Николае I. Доказательства брака имелись в архиве Энгельгардтов — потомков любимых племянниц Потемкина — и до революции хранились в Казанском университете. Другие документы были уничтожены Елизаветой Ксаверьевной Воронцовой — дочерью Александры Энгельгардт, в замужестве — княгиней Браницкой.

Ровно через год после этого события Григорий Александрович, не без раздражения наблюдавший за восходившей звездой Завадовского, испросил у императрицы разрешения на неопределенное время покинуть двор. И почти немедленно получил его, причем Екатерина проявила великолепную выдержку:

— Ты уж надолго-то не покидай нас, — сказала при всех на прощание.

Потемкин уехал, а новый фаворит спешно стал обживать его дворцовые апартаменты и искать поддержку у многочисленных врагов светлейшего. Одним из немногих, отвергнувших эти

авансы, был… Григорий Орлов:

— Рано радуешься, — предупредил он Завадовского. — Думаешь, тебе замены не найдут? Ошибаешься: где взвод побывал, там и батальону место сыщется.

Обиженный Потемкин, отъехав от двора, сообразил, что от Екатерины-то он уйти может, но кто же без него задуманные дела совершать будет. И с ролдороги вернулся. С грохотом растворил двери в парадную залу во время «Большого приема» и появился перед императрицей и придворными во всем блеске своих регалий. Непобедимый. Незаменимый.

— Ты звала, матушка? — обратился к Екатерине. — Так вот я, приказывай.

Императрица молча сошла со ступенек трона и, подав Потемкину руку, удалилась с ним в свои покои. И там обняла:

— Вернулся, единственный мой…

Что правда, то правда: первым быть не мог, последним — не стал, единственным — остался. И, прервав интимные отношения с Екатериной, достиг таких высот, каких в истории немного примеров сыщется. Даже фаворитов императрица заводила с одобрения светлейшего, который отныне ревностно относился лишь к делам государственным, предоставив дела любовные молодым «охотникам». Только последний, Платон Зубов, был избран лично Екатериной. И вот это уже означало окончательное падение светлейшего. Но произошло это лишь пятнадцать лет спустя.

Сознавая свои заслуги, Потемкин понимал, что раболепствующая перед ним толпа придворных не имела даже отдаленного представления о его деятельности и низкопоклонничала лишь перед силой его блеска и богатства. Он для них был всего лишь «вельможей в случае», каковыми были и Васильчиков и Завадовский. Никого не интересовало, почему Потемкин «попал в случай», каждый судил об этом в меру своего воображения.

Потомки недалеко ушли от его современников, и большинство из них отмечало и отмечает лишь пятна, бывшие на этом солнце, тем более, что официальная историография, вплоть до событий 1917 года, всячески старалась обойти вопрос о фаворитах великой императрицы, как бы их вовсе и не было, и посему до небес превозносила заслуги всех, кто попадал к ней «в случай». С тем большим наслаждением историки и литераторы кинулись оповещать публику о «шалостях» матушки-Екатерины и о том, что все её фавориты — без исключения! — были лишь пустоголовыми призовыми жеребцами-производителями. Хотя известно, что, шарахаясь из крайности в крайность, правды не

получить, и все же…

Так вот, Потемкин был прирожденным государственным человеком и достаточно много сделал для блага России (не забывая, впрочем, и себя, и своих близких — так когда на Руси было иначе?). Как видно из его докладов императрице, его особенно занимал вопрос о южных границах России и в связи с этим — судьба Турции. В особой записке он начертал целый план, как овладеть Крымом: программа эта, начатая в 1776 году, была выполнена в действительности. Именно Потемкину принадлежал так называемый «греческий проект», предполагавший уничтожить Турцию вообще, разделив её между Россией и Австрией, и возложить корону нового византийского императора на одного из внуков Екатерины. Именно поэтому второй внук монархини был назван Константином и его кормилицей стала гречанка. Больше, увы, ничего осуществлено так и не было, но зато какой размах!

> «Это будет не простая война, — *писал Потемкин своей августейшей подруге,* — а новый российский крестовый поход, борьба креста и луны, Христа и Магомета. Чего не сделали, не довершили крестоносцы, должна сделать, довершить Россия с Великой Екатериной. Я здесь, в груди моей, ношу уже давно уверенность, что Россия должна совершить это великое и богоугодное дело — взять и перекинуть луну через Босфор, с одного берега на другой, в Азию».

Мечты так и остались мечтами, но даже попытки реализовать этот проект принесли России несомненную пользу: они расширили границы империи на западе и на юге, проложили дороги в Грецию и на Кавказ и позволили не только принять участие в разделе Польши, но даже извлечь при этом разделе максимальную для России выгоду. Это — не великодержавный шовинизм с моей стороны. Это — история.

В военном деле Потемкин провел некоторые рациональные реформы, особенно, когда стал фельдмаршалом в 1784 году. Он уничтожил пудру, косички и букли, ввел легкие полусапожки, шаровары и куртку, а также удобную и теплую шинель, и собственноручно перекроил нелепую шляпу немецкого образца в практичный и теплый треух, спасший немало солдатских ушей от обмораживания в суровые российские ночи. Ружья армии стали легче, её численность — увеличена. Сохранилась даже любопытная записка, собственноручно начертанная фельдмаршалом по части этих вопросов:

> «Завиваться, пудриться, плесть косы — солдатское

ль это дело? У них камердинеров нет, на что же им пукли? Всяк должен согласиться, что полезнее голову мыть и чесать, нежели обсыпать пудрой, салом, мукой и пришпиливать косы.

Туалет солдата должен быть таков —
Что встал, то и готов!»

Невозможно переоценить и значение действий Потемкина для скорейшего усмирения восстания Пугачева. Без его выдержки, хладнокровия и правильно избранной тактики, восстание ещё долго бы бушевало на российских просторах, унося огромное количество бессмысленных и бесполезных человеческих жертв с обеих сторон. Тем, кто будет упрекать автора в приверженности монархизму и поощрении расправы над народным лидером, напомню, что Емельян Пугачев объявил себя чудесно спасшимся императором Петром III, а не кем-нибудь иным, и вовсе не собирался менять в России государственный строй.

При активном содействии Потемкина был заключен очень выгодный для России Кучук-Кайнарджийский мир с турками, закреплявший отказ Турции от верховных прав на Крым и признававший его независимость, а также давший стране некоторую передышку в военных действиях и возможность собраться с новыми силами для решающего сражения с Оттоманской империей, поскольку турки вовсе не намерены были навсегда отказываться от такого лакомого кусочка, как Крым, и борьба за него могла возобновиться в любое время. По заключении этого мира императрица издала следующий высочайший именной указ:

«Генерал-поручик Потемкин, непосредственно способствовавший своими советами к заключению выгодного мира, производится в генерал-аншефы и всемилостивейше жалуется графом Российской империи. В уважение же его храбрости и всех верных и отличных заслуг, оказанных им в продолжении сей последней войны, всемилостейшиво награждаем мы его, Потемкина, золотой саблей, украшенной бриллиантами и нашим портретом, и повелеваем носить их, яко знак особого нашего благоволения».

Впрочем, и самому Потемкину страстно хотелось покончить с псевдо-независимостью Крыма и раз и навсегда присоединить его к России.

«Крым положением своим разрывает наши границы, — *писал он императрице,* — нужна ли осторожность с турками по Бугу или со стороны Кубанской — во всех случаях и Крым на руках. Тут ясно видно, для чего крымский хан нынешний туркам неприятен: для того, что он не допустит их через Крым входить к нам, так сказать, в сердце. Положите-ка теперь, что Крым наш, и что нет уже сей бородавки на носу — тогда вдруг положение границ будет прекрасное: по Бугу турки граничат с нами непосредственно, потому и дело должны иметь с нами прямо сами, а не под именем других. Всякий их шаг тут виден. Со стороны Кубанской, сверх частых крепостей, снабженных войсками, многочисленное войско Донское всегда тут готово. Доверенность жителей в Новороссийской губернии будет тогда неусумнительно, мореплавание по Черному морю свободно, а то извольте рассудить, что кораблям нашим и выходить трудно, а входить ещё труднее. Еще вдобавок избавимся от трудного содержания крепостей, кои теперь в Крыму на отдаленных пунктах.

Всемилостивейшая государыня! Неограниченное мое усердие к вам заставляет меня говорить: презирайте зависть, которая вам препятствовать не в силах. Вы обязаны возвысить славу России. Посмотрите, кого оспорили, кто что приобрел: Франция взяла Корсику. Цесарцы без войны у турок в Молдавии взяли больше, нежели мы. Нет державы в Европе, чтобы не поделили между собой Азии, Африки и Америки.

Приобретение Крыма ни усилить, ни обогатить вас не может, а только покой доставит. Удар сильный, но кому? Туркам: это вас ещё больше обязывает. Поверьте, что вы сим приобретением бессмертную славу получите, и такую, какой ни один ещё государь в России не имел. Сия слава проложит дорогу ещё к другой и большей славе: с Крымом достанется и господство на Черном море, от вас зависеть будет закрыть ход туркам и кормить их или морить голодом. Хану пожалуйте в Персии что хотите — он будет рад. Вам он Крым поднесет нынешнюю зиму, и жители охотно принесут и сами просьбу. Сколько славно приобретение, столько вам будет стыда и укоризны от потомства, которое при каждых хлопотах скажет: вот она могла, да не хотела или упустила…»

Знал бы Потемкин, какие штучки будет выкидывать потомство с этим самым Крымом, напрочь забыв о том, кем, когда и как был добыт для России этот полуостров!

В 1783 году последовал высочайший манифест, в котором Екатерина объявила, что Россия, желая положить конец беспорядкам и волнениям между крымскими татарами и сохранить мир с Турцией, присоединяет навсегда к своим владениям Крым, Тамань и всю Кубанскую сторону.

Турки стали спешно готовиться к новой войне, но вмешался австрийский император, который заявил, что в случае начала военных действий он соединит свои войска с русскими. Благоразумные действия дипломатов также принесли свои плоды. В самом конце 1783 года была подписана российско-турецкая конвенция, согласно которой статья Кучук-Кайнарджийского договора о независимости Крыма была уничтожена, и границей между обеими империями была назначена Кубань. За это светлейший князь Потемкин был произведен в фельдмаршалы, назначен президентом военной коллегии и генерал-губернатором Крыма, наименованного Таврической губернией. С того времени он уже официально звался Потемкиным-Таврическим.

Чрезвычайно важным делом Потемкина было сооружение флота на Черном море. создание его любимого детища — города-порта Севастополя, который почти сразу стал многолюдным и процветающим, закладка таких городов, как Херсон, Екатеринослав, Николаев. Можно сколько угодно смеяться над «потемкинскими деревнями», но они то ли были, то ли не были, а города — стоят и поныне. Вот с Крымом только не совсем складно получилось… Зато соборный храм в Екатеринославе должен был быть, по проекту Григория Александровича, «на аршинчик» выше знаменитого собора святого Петра в Риме. Этот «аршинчик», так характерный вообще для русской натуры, свидетельствует о грандиозности проектов Потемкина, увы, далеко не осуществленных. Ему не хватило каких-нибудь двадцати лет… и очень мешал последний екатерининский фаворит. Но об этом — позже.

Пока же светлейший разделил Таврическую губернию на семь уездов, открыл порты для свободной торговли дружественных с Россией народов и заключил выгодные для этой торговли трактаты с Францией и Италией. Между тем, Екатерина выразила желание посетить свои новоприобретенные земли и Потемкин, привыкший все делать с размахом, стал готовить Тавриду к приезду монархини. Времени у него оказалось достаточно: Екатерина осуществила свое намерение лишь два года спустя и нашла полуостров цветущим, а жителей — спокойными и

довольными. В том числе, и татар, которые преспокойно жили на прежних местах и по прежним обычаям, благославляя Аллаха за то, что на их земле больше никто не воюет между собой.

О поездке Екатерины в Крым в 1787 году известно почти все, поскольку её сопровождал не только двор, но и многочисленные иностранные посланники. Почти все они оставили воспоминания об этом удивительном путешествии. И они же, кстати, пустили в свет выражение «потемкинские деревни», уверенные в том, что за время ночлега блестящей экспедиции строения на пути разбирались и переносились далее по пути следования. В России, конечно, все возможно. Только Севастополь, монументальные строения которого Екатерина видела собственными глазами, и по сей день стоит на своем месте, причем несмотря на многочисленные войны кое-что уцелело и с тех времен. Только днепровские пороги были впервые не уничтожены — а хотя бы выровнены — для этой поездки. Да и Екатеринослав, если уж на то пошло, какое-то время, пусть и незначительное, был столицей России, если не по статусу, так по духу. И все это — показуха? Воля ваша, только считать так было бы, мягко говоря, несправедливо по отношению к Григорию Александровичу Потемкину. Как и к тем, безвестным, людям, которые заложили основы городов, дорог и укрепили южгые рубежи России.

После этого путешествия Потемкин получил титул «князя Таврического», тут же воздвигнув в честь этого события дворец в Санкт-Петербурге. Таврический дворец, один из многочисленных памятников блестящего царствования Екатерины, был построен сообразно вкусам «Князя Тавриды», как тогда называли Потемкина не только в России, но и в Европе. Одноэтажный, дворец тем не менее представляется величественным, благодаря высокому куполу и прямоугольному саду, окруженному крытой колоннадой из шести поддерживающих фронтон колонн. Словом, дворец столь же своеобразен, сколь был и его хозяин, если верить, например, такому описанию современника:

> «При великих свойствах Потемкина, нельзя не дивиться и противоположностям, кои имел знатный вельможе в нравственном своем поведении. Характер его с этой стороны был из самых странных, каковой едва ли можно в сравнении приискать в другом великом муже, поэтому нельзя почти верить, чтобы человек был в состоянии предаваться стольким непостоянным страстям, как Потемкин.
>
> Люди, возраставшие с ним в молодости, обнадеживали, что он прихоти сии усвоил уже в

совершенных летах, с приумножением его необычайного счастья, и что в молодости своей не оказывал он и следов такого нрава. Великое богатство, дозволявшее ему ежегодно издерживать свыше трех миллионов рублей, не в состоянии было доставить ему радость, чтобы он хотя один день в покое оным наслаждался. Он не щадил великих сумм для удовлетворения страстям своим, и прежде нежели что-либо доходило к его употреблению, он уже терял желание, побудившее его в первые мгновения сделать на то издержки.

Сколько странна была сия его перемена страстей, столько же быстро действовала и переменчивость его душевного состояния. Несколько раз в день можно было видеть его в полном веселии и удовольствии и столько же раз в совершенном унынии. Нередко случалось, что князь во время увеселений ясностью своего духа и радованием превосходил всех участвующих, но прежде нежели кто-либо мог вообразить, соделывался он столько унынен, как бы произошли с ним все несчастия в свете. Радость и огорчение с равномерной быстротой в нем действовать могли, и потому нельзя было воспринимать осторожности, чтобы заблаговременно избегать его гнева, поелику нрав его был вспыльчивый и действия оного следовали скорее, нежели можно себе представить.

Малость в состоянии была доставить ему несказанное удовольствие и опять малость могла на целый день повергнуть в несносную скуку. Он имел некоторые часы, в которые сердце его таяло, иногда от радости, иногда же от сострадания, ещё иные, в которые ему ничего не нравилось, не могло восстановить его понуренного духа. Он имел привычку непременно окусывать ногти, отчего всегда говорил сквозь пальцы и большею частью — наморщив лицо, а сие представляло в нем вид недовольный.

Чтобы не видеть уныние в лице других, Потемкин, особливо же в веселом духе, расточал свои сокровища, в другие же слезы невинности и бедности служили орудием к вящему раздражению его гнева. Но через несколько мгновений приходил он в состояние, в котором о поступке своем раскаивался. Вообще, кроме занятий по своей обязанности, ни к чему на свете примениться не мог».

Либо — все, либо — ничего. Либо место почти на троне, либо — монастырская келья. А поскольку в келью уже не слишком тянуло, а место возле трона приходилось все чаще делить с молодыми любимцами императрицы, светлейший и «чудил», наживая себе все новых и новых врагов и теряя тех немногих друзей, которые ещё у него были. Самым верным другом была Екатерина, но и она…

Почти сразу по возвращении императрицы в Санкт-Петербург началась вторая война с Турцией. Турки предъявили России достаточно унизительные требования, придав им, к тому же, ультимативную форму. Османская империя требовала выдачи молдованского господаря Маврокордато, нашедшего, как бы теперь сказали, политическое убежище в России, Отозвания из Ясс, Бухареста и Александрии русских консулов, но зато допущение турецких консулов во все русские гавани и торговые города, признание вассалом Турции грузинского царя Ираклия, откровенно препочитавшего опеку Санкт-Петербурга, хотя бы потому, что северные соседи не воровали для своих гаремов и армии грузинских девушек и юношей.

Война, как ни странно, застала Россию врасплох. Кроме того, Потемкин посчитал, что удача отвернулась от него: во время морской бури был практически истреблен севастопольский флот — гордость и надежда светлейшего. К счастью, турки начали войну довольно вяло и ограничились неудачным нападением на крепость Кинбурн, хоть и с потерями, но отраженным русскими солдатами. Екатерина требовала взятия Очакова — Потемкин медлил. Только в августе 1788 года — спустя год после объявления войны! — начались активные приготовления к осаде Очакова.

Готовились, впрочем, странно. Потемкин расположился в военном лагере, как античный полководец: в шатре, с музыкантами, поварами и даже… гаремом, составленным не столько из турецких полонянок, сколько из российских аристократок. Одна из красавиц пообещала ему свою благосклонность лишь после того, как получит ключи от Очакова — это на какое-то время вывело светлейшего из состояния апатии и хандры, но решительный штурм крепости был предпринят лишь в декабре, когда кровь, лившаяся из ран сражавшихся, тут же застывала на морозе. И крепость… пала. Одного-единственного наступления оказалось достаточно для того, чтобы считавшийся неприступным Очаков сдался. Поговаривали, что причиной такого чуда оказалась любимая жена очаковского паши, гречанка по происхождению, сестра которой была среди потемкинских красавец. Сестрички и решили дело

полюбовно, а мужчины сделали вид, что отчаянно сражаются. Сколько истины в этой легенде — сказать довольно трудно.

Зато чистая правда то, что за взятие Очакова Потемкин получил орден Святого великомученника и победоносца Георгия I степени и шпагу, украшенную алмазами. Красавица же, требовавшая за свою благосклонность взятия крепости, сдалась ещё раньше. К тому же из военной добычи на долю Потемкина достался великолепный изумруд, величиной с куриное яйцо, тут же посланный им в подарок государыне. А та устроила ему триумфальную встречу в Санкт-Петербурге, достойную любого античного героя. Празднества продолжались три месяца, после чего светлейший вновь отбыл к своей победоносной армии. Почти без боя была взята крепость Гаджи-бей (в недалеком будущем — Одесса), а крепость Аккерман вообще сдалась при довольно курьезных обстоятельствах.

Потемкин предложил паше Аккермана обойтись без кровопролития. Вскоре парламентарий принес ответное послание — написанное, естественно, по турецки. Переводчик что-то замешкался и светлейший рявкнул в нетерпении:

— Да говори же, сдаются они или нет?

— А как вашей светлости доложить? — довольно спокойно спросил переводчик. — Изволите видеть, в турецком языке есть слова, имеющие двойное значение: утвердительное и отрицательное, смотря по тому, поставлена над ними точка или нет. Так вот если в этом письме над одним словом поставлена точка, то крепость не сдается, но если эту точку насидела муха, то…

— Ну, конечно, муха! — не дослушал переводчика Потемкин и тут же соскоблил точку с бумаги столовым ножом. Крепость действительно сдалась, но лишь через двое суток, после того, как её паше были обещаны ценные подарки.

Через месяц практически без боя — турки былм слишком напуганы рассказами об осаде Очакова — сдалась крепость Бендеры. Оставалось взять Измаил — последнюю турецкую цитадель на русской земле — и войну можно было считать законченной. Но ни русские, ни турки не хотели воевать зимой, к тому же Россия ввязалась в войну со Швецией, а прежние союзники — австрийцы — после смерти императора Иосифа поспешили заключить с Турцией мир. Россия осталась одна, окруженная врагами. А Измаил — и не без оснований — считался одной из самых неприступных крепостей в Европе. Во всяком случае, его паша, которому было сделано предложение о мирном исходе дела, надменно ответил:

— Скорее небо упадет на землю и Дунай потечет обратно,

чем сдастся Измаил.

В ответ Потемкин послал… приказ Александру Васильевичу Суворову, вся армия которого составляла в то время около 30 тысяч человек:

«Взять Измаил во что бы то ни стало».

Солдат не рассуждает — Суворов стал готовиться к приступу, объявив своим подчиненным:

— Один день — Богу молиться, другой день — учиться, третий день — славная смерть или победа. Чудо-богатыри, крепость непременно должна быть взята. Этог повелевает матушка-царица, а воля её святой закон.

Суворов и его солдаты сделали невозможное — 11 декабря 1790 года Измаил был взят. Русские потеряли 10 тысяч убитыми и ранеными, турки — 15 тысяч убитыми и 10 тысяч — пленными. Екатерина получила краткое, как всегда, донесение Суворова:

«Знамена вашего величества развеваются на стенах Измаила».

Личная жизнь Потемкина также всегда была предметом для сплетен и пересудов. Устав считать любовниц светлейшего, окружающие решили, что нежная забота его о племянницах скрывает за собой нечто большее. Шушкались об интимных отношениях, которые связывали Потемкина с Александрой, Варварой и Екатериной Энгельгардт. Под это шушуканье светлейший сыскал племянницам богатых и титулованных мужей. Александра вышла замуж за графа Браницкого, украинского магната, Варвара — за князя Голицына, отпрыска древнейшей русской фамилии, Екатерина — за графа Скавронского, родственника императорского дома.

Но звезда светлейшего уже закатывалась. С окончанием турецкой войны закончился и его пятнадцатилетний фавор. Место любимца императрицы занял двадцатидвухлетний Платон Зубов, имевший на неё колоссальное влияние и, по слухам, отравивший «светлейшего» медленно действующим ядом. Хотя внешне Екатерина продолжала выражать своему старому другу чувства уважения и признательности за его заслуги, но уж кто-кто, а Потемкин, прекрасно знавший императрицу, понимал, что конец близок. И, верный себе, устроил 8 мая 1791 года праздник в Таврическом дворце, по роскоши затмевавший все придворные торжества вместе взятые. Три тысячи приглашенных съехались к назначенному часу и… два часа ждали Екатерину. Та появилась лишь на короткое время: в царском дворце её ждал молодой

фаворит, не желавший и слышать имени Потемкина.

Они виделись в предпоследний раз и расстались трогательно: Потемкин на коленях облобызал руку Екатерины, та поцеловала его в лоб. Оба плакали. И оба знали — почему.

После праздника на Потемкина напала его обычная болезнь — хандра, то, что сейчас назвали бы тяжелой депрессией. Из этого состояния его вывел лишь суровый личный приказ императрицы немедленно возвратиться в действующую армию. Встреча их была сухой и официальной, ни о каких слезах уже и речи не было. Она повелевала, он покорялся, Платон Зубов прыгал на одной ножке от радости, что опасный соперник уезжает далеко и надолго и бог весть, вернется ли…

Потемкин на сей раз действительно больше не вернулся. Он скончался 5 октября 1791 года, в степи, в 40 километрах от одного из своих любимых городов — Николаева, на руках у своей любимой племянницы Александры, при чрезвычайно загадочных обстоятельствах. Несколько дней подряд светлейший жаловался на невыносимые боли в желудке и на то, что заключенный в его отсутствие мир с Турцией лишает его заветной мечты: войти победителем в Константинополь. Прибить свой щит к вратам Царьграда…

Григорию Александровичу исполнилось всего лишь пятьдесят два года, и он почти никогда и ничем не болел, разве что страдал в результате постоянного и гомерического обжорства… Глаза ему закрыл безвестный казак из его охраны.

Светлейший князь потемкин-Таврический, президент государственной военной коллегии, генерал-фельдмаршал, великий гетман казацких, екатеринославских и черноморских войск, главнокомандуюший Екатеринославскою армией, легкой конницей, регулярной и нерегулярной конницей, флотом Черноморским и другими сухопутными и морскими военными силами, сенатор, екатеринославский, таврический и харьковский генерал-губернатор. её императорского величества генерал-адъютант, действительный камергер, войск генерал-инспектор, лейб-гвардии Преображенского полка подполковник, шеф корпуса кавалергардов и полков Екатеринославского кирасирского, Екатеринославского гренадерского и Смоленского драгунского, мастерской Оружейной палаты главный начальник и орденов российских: Святого апостола Андрея Первозванного, Святого Александра Невского, Святого великомученника и победоносцв Георгия и Святого равноапостольного князя Владимира больших крестов и Святой Анны, иностранных: прусского — Черного Орла, датского — Слона, шведского — Серафима, польского — Белого Орла и Станислава кавалер —

отошел в вечность.

Императрица велела похоронить Потемкина с почти царскими почестями и великолепием, но — в Херсоне и поставить ему там мраморный памятник. Тело выносили генералы, балдахин несли гвардейские офицеры, кисти поддерживали полковники. Траурное шествие происходило в следующем порядке:

Эскадрон конвойных гусар усопшего фельдмаршала.

Кирасирский полк князя Потемкина.

Сто двадцать человек солдат с факелами и в траурных одеяниях.

Двенадцать штаб-офицеров в трауре со свечами.

Бояре княжества Молдавского, князья и посланники черкесские.

Духовенство.

Знаки отличия: ордена, камергерский ключ, гетманская булава, золотая сабля, жалованная императрицей шпага, венец золотой с бриллиантами, бант от портрета императрицы, фельдмаршальский жезл, гетманское знамя, княжеская корона.

Гроб на черных дрогах, запряженных восьмью воронымиими лошадьми.

Родственники покойного.

Эскадрон конвойных гусар, казачий полк гетмана и донской казачий полк князя Потемкина.

23 ноября 1791 года тело Потемкина было положено в херсонской крепостной соборной церкви во имя Святой Екатерины в особом склепе. Императрица пережила своего друга-подданного на шесть лет. И все эти годы с ужасом ждала, что на юге страны появится самозванец под именем светлейшего. Но его так и не было, потому что выдавать себя за легендарного и неповторимого князя Таврического ни у кого бы не хватило ни сил, ни таланта, даже если бы сыскался некто, внешне схожий со светлейшим.

Прижизненные враги оплакивали смерть Потемкина. Никогда не ладивший с ним Суворов, впал в тяжкое уныние и сказал:

— Великий человек был! Велик умом и ростом велик…

Суровый и сдержанный адмирал Ушаков, никогда особо не любюивший Потемкина, прослезился:

— Словно в бурю сломались мачты, и не знаю теперь, на какой берег нас, сирот, выкинет.

Граф Румянцев-Задунайский, вечный соперник и гонитель Потемкина, при известии о его смерти встал с кресла и вытер глаза. Потом сказал присутствовавшим при сем:

— Не дивитесь слезам моим. Потемкин не врагом мне был,

лишь соперником. Но мать-Россия лишилась в нем великого мужа, а Отечество потряло усерднейшего сына своего…

Зато будущий император Александр I был краток:

— Сдох! Одним негодяем на Руси меньше стало.

В первый же год по воцарении его отца, императора Павла, херсонский губернатор получил приказ зарыть тело светлейшего в особую яму, а поверх засыпать землей и пригладить так, чтобы следов захоронения не осталось. Памятник — снести. Все, разумеется, было исполнено немедленно и беспрекословно.

Впрочем, сам Потемкин при жизни о памятниках себе отзывался так:

— Лучше уж пусть люди гадают, отчего нет памятника Потемкину, нежели станут на всех углах судачить о том, за какие заслуги Потемкину памятники ставят…

Что ж, его желание исполнилось.

Победителей не судят

Величайший русский военачальник Александр Васильевич Суворов (впоследствии князь Италийский, граф Рымникский и Священной Римской империи, генералиссимус русской армии и генерал-фельдмаршал армии австрийской) родился в 1730 году в аристократической семье генерал-аншефа и сенатора Василия Ивановича Суворова, начинавшего свою службу денщиком у Петра I. «Фамилия Суворовых, — отмечала Екатерина Великая в своих „Записках“, — давным-давно дворянская, спокон веков русская… Его отец был человеком неподкупной честности, весьма образованным…»

Екатерина, возможно, запамятовала, что «весьма образованный человек неподкупной честности» в царствование императрицы Анны Иоанновны, будучи прокурором полевых войск, был командирован вместе с капитаном Ушаковым («великим российским инквизитором», — по отзывам современников) в Сибирь для производства следствия над находившимся в березовской ссылке семейством Долгоруких. Следствие привело к тому, что князь Иван Долгорукий был четвертован, его младшие братья — заточены в крепость, а сестра Екатерина, «порушенная государыня», обрученная в свое время с императором Петром II, — насильственно пострижена в монахини. Василий Иванович Суворов за служебное рвение был удостоен повышения: назначен сенатором и генерал-губернатором завоеванной к тому времени части Пруссии.

Когда на трон взошел племянник императрицы Елизаветы, Петр III, Василий Иванович получил назначение в Сибирь губернатором. По каким-то одному ему известным причинам он туда не поехал, а принял самое активное участие в свержении Петра и возведении на трон Екатерины. А она, как известно, не забывала тех, кому была хоть чем-то обязана.

Хилое телосложение единственного сына и наследника несколько огорчило Василия Ивановича, и он уже приготовился отправить Александра служить «по гражданской части». Но мальчика неотвратимо влекло к себе военное поприще. Для того чтобы его заветная мечта — стать солдатом — исполнилась, Александр придумал и неукоснительно выполнял целую систему тяжелейших физических упражнений, а также старался закалить свое тело, сделать его невосприимчивым ко всякого рода воздействиям. Ему это удалось, хотя ни высокого роста, ни атлетического телосложения будущий великий полководец не обрел. Зато мог сутки напролет шагать с тяжелым ранцем,

забираться чуть ли не на отвесные стены, спать на голой земле и питаться самой простой пищей. Впоследствии это стало поводом для анекдотов, но так было на самом деле.

Самое удивительное заключалось в том, что Александр к тому же стал человеком не просто образованным — высококультурным. Сам он обмолвился однажды, что ежели бы не был военным, то стал бы писателем — настолько хорошо владел он пером. Писал в основном на великолепном русском языке, хотя в совершенстве знал латынь, польский, турецкий, свободно объяснялся по-французски и по-немецки. Сохранилось более двух тысяч его писем, и считается, что примерно столько же утрачено.

Вот, например, его суждение о том, каков должен быть военачальник: «Смел без запальчивости, быстр без опрометчивости, деятелен без суетности, подчиняется без низости, начальствует без фанфаронства, побеждает без гордости». Полная программа — и почти вся воплощена в жизнь самим её автором.

Двенадцати лет от роду Александр был зачислен солдатом в лейб-гвардии Семеновский полк. Жить продолжал дома — таковы были дворянские традиции тех времен. Через пять лет, ещё до явки в полк, получил звание капрала — и после этого началась его действительная служба. Ему исполнилось двадцать четыре года, когда он получил свои первый офицерский чин: по меркам того времени — очень поздно. Возможно, это объяснялось тем, что Суворов слишком отличался от остальных офицеров: не околачивался без толку при дворе, не искал покровителей, не цеплялся за женские юбки. Зато солдаты его любили: никаких несправедливостей, а тем более унижении он не допускал, и если чего-то требовал, то сам же и подавал пример исполнительности.

В 1762 году, после нескольких побед над прусской армией Суворов был назначен командиром Астраханского пехотного полка. На следующий год — командиром Суздальского пехотного полка, который блестяще использовал опыт, накопленный Суворовым в боях против Фридриха Великого, и внес немалый вклад в разгром и первый раздел Польши.

По возвращении в Санкт-Петербург в 1773 году Суворов был произведен в генерал-майоры и отправлен на войну с турками в армию фельдмаршала Румянцева. Именно там произошли первые встречи будущего генералиссимуса с Григорием Потемкиным — будущим князем Таврическим. Два великих человека не испытали взаимной симпатии.

Роскошно-ленивый великан Потемкин и юркий, сухощавый, насмешливый Суворов могли прекрасно дополнять друг друга, но сблизиться никак не могли. Эта невозможность впоследствии

стоила России нескольких лишних месяцев осады турецкой крепости Очаков: Потемкин, тогда уже всемогущий фаворит Екатерины, просто-напросто удалил Суворова с поля боевых действий, а сам добиться быстрой победы не смог. Этого, кстати, он тоже Суворову не простил и не забыл.

Вообще у Суворова был необычайный талант — допекать вышестоящее начальство. Когда он считал приказы сверху глупыми, то преспокойно пренебрегал ими и доводил начатое до конца, причем всегда успешно. На гневный вопрос того же Потемкина, чем он изволит заниматься, насмешливо ответил: «Я на камушке сижу, на Очаков я гляжу». Однако жалобы на Суворова императрица, не слишком любя его сама, ни от кого не принимала. «Победителей не судят», — начертала она на одном из донесений об очередной выходке строптивого генерал-майора, и на том дело было закрыто.

Опоздал он к победе только один-единственный раз, но и это опоздание оказалось весьма кстати. После окончания первой турецкой кампании Суворов был направлен на Волгу, для усмирения пугачевского бунта, но поспел, что называется, «к шапочному разбору»: Пугачева уже схватили и отправили в Москву, мятеж дотлевал. После этого Суворов не без гордости говорил, что нигде, кроме как на войне, не пролил ни капли человеческой крови. При подавлении отголосков пугачевского бунта «не чинил ни малейшей казни, кроме гражданской, но усмирял „человеколюбивой ласковостью…“».

Ослушаться он не смел только своего отца и, когда тот приказал сорокалетней уже сыну жениться и озаботиться наследниками, безропотно обвенчался с избранной родителями невестой — княжной Варварой Ивановной Прозоровскои, «Варютой». Жену, в общем, даже любил, потому что… «жена человеку Богом дается как не любить?». Та, правда, придерживалась несколько иных взглядов на семейную жизнь. После пяти лет относительного мира и согласия, за которые жена подарила ему сына Аркадия и дочь Наталью — любимицу, в супружеской жизни стали появляться трещины. По-видимому. Варвара Ивановна иначе представляла себе жизнь генеральши и богатой помещицы: сопровождать мужа в походах и делить с ним все «прелести» бивуачной жизни ей никак не улыбалось.

Суворов мог понять нелюбовь супруги к бытовым неудобствам, но измены дражайшей половины его, человека невероятно вспыльчивого, настолько вывели из себя, что он даже обратился в консисторию с прошением о разводе. Развода ему не дали, наоборот, стали нанизывать примирение. Императрица не слишком стремилась поощрять супружеские добродетели, ибо

сама в ту пору меняла фаворитом чуть ли не ежегодно. Через несколько лет Суворов вновь подал прошение уже непосредственно в Синод, обвиняя жену в недозволенной связи с секунд-майором Сырохнеевым, причем обещал предоставить соответствующие доказательства. И снова ему было отказано, причем ни он, ни Варвара Ивановна оттого счастливы не были. Она — женщина безусловно светская — совершенно не подходила к роли жены «вечного солдата». Он плохо представлял себе супружескую жизнь врозь, а о его нахождении при дворе и речи быть не могло.

Разрыв Александр Васильевич переживал тяжело и после расставания с женой вообще не глядел на женщин. Хотя, по другой версии, он добивался развода потому, что хотел жениться на дочери одного из своих полковых командиров, которая сопровождала отца во всех походах, переодевшись в мужской костюм. Никаких подтверждений этого, правда, не существует — слухи и только. Зато доподлинно известно, что Александр Васильевич обожал свою дочь — «Суворочку», которую устроил в Смольный институт пансионеркой и безмерно о ней тосковал. Большую часть своего немалого состояния он завещал именно ей, остальное — сыну Аркадию, рано и трагически погибшему в одной из военных кампании. Жена по завещанию не получала ничего, хотя всю жизнь Суворов содержал её достаточно щедро.

А завещать было что. Суворовы считались богатыми помещиками, причем не выжимали из своих крепостных все соки, а. наоборот, всячески им покровительствовали. Сохранились письма, рассказывающие о его отношениях с крестьянами. В одном из них Суворов пишет: «У крестьянина Михаила Иванова одна корова! Следовало бы старосту и весь мир оштрафовать за то, что допустили они Михайлу Иванову дожить до одной коровы! Купить Иванову другую корову из оброчных моих денег… Богатых и исправных крестьян и крестьян скудных различать и первым пособлять в податях и работах беднякам. Особливо почитать таких неимущих, у которых много малолетних детей. Того ради Михаиле Иванову сверх коровы купить ещё из моих денег шапку в рубль».

Богатый человек, Суворов, тем не менее, презирал излишества в быту и не умел жить в роскоши и праздности. Не умел он жить и вне боевых действий. Оказавшись при императоре Павле в изгнании, сильно томился духом, искал утешения в молитвах, но милости просить не желал ни при каких обстоятельствах. Вспыльчивый по характеру, Александр Васильевич тем не менее умел себя сдерживать, когда надо, и по пустякам, как сейчас сказали бы, «не заводился». Но если

задевали его принципы — пощады никому не было. Так, будучи главнокомандующим, Суворов вопреки всем правилам дипломатии сделал строгое внушение командующему австрийскими войсками:

> «До сведения моего доходят жалобы на то, что пехота промочила ноги… Большой говорун, который жалуется на службу, будет отрешен от должности… Ни в какой армии нельзя терпеть таких!»

Суворов никогда не жалел о своем выборе жизненного пути, считая военную службу святым и естественным долгом дворянства. Уже в преклонном возрасте и больших чинах он осуждал закон, освобождавший дворян от обязательной службы. считая, что замещение офицерских вакансий иностранцами снижает боевые качества и моральный дух русской армии. Для него самого забота о благе Отечества и боеспособности армии была главной.

> «Я заключал доброе имя мое в славе моего отечества, и все деяния мои клонились к его благоденствию. Никогда самолюбие, часто послушное порывам скороперехoдящих страстей, не управляло моими деяниями. Я забывал себя там, где надлежало мыслить о пользе общей», —

писал он одному из своих друзей незадолго до смерти.

Суворов провел более шестидесяти боев и сражений и ни одного не проиграл. Когда завистники пытались это объяснить просто везением, Александр Васильевич беззлобно и благодушно отмахивался:

— Раз — везение, два — везение, на третий-то раз, помилуй Бог, может, и умение?

До 1779 года Суворов командовал войсками на Кубани и в Крыму, превосходно организовав оборону Таврического полуострова (Крыма). После присоединения Крыма к России в 1783 году ему было приказано привести к покорности ногайских татар, что и было исполнено, несмотря на немалые трудности. В 1786 году Суворов получил звание генерала-аншефа, а с началом новой турецкой кампании в 1788 году командовал обороной Черноморскою побережья от устья Буга ло Перекопа. В 1789 году, командуя дивизией в армии князя Репнина, Суворов наголову разбил турок при Фокшанах и Рымнике, за что получил орден святого Георгия 1 степени и титул графа Рымникского, а от австрийского императора — титул графа Священной Римской

империи. И это, пожалуй, был единственный случай, когда Суворову послали по его заслугам: за блестяще проведенное им взятие Измаила он — не без интриг светлейшего князя Потемкина — вместо ожидаемого фельдмаршальского жезла получил лишь звание подполковника лейб-гвардии Преображенского полка. Правда, полковником в этом полку числилась сама императрица Екатерина, но тем не менее…

Чин генерала-фельдмаршала Суворов все-таки получил, но лишь в 1794 году, после взятия Праги. Два года спустя его назначили начальником российских военных сил в южных и юго-западных губерниях, и здесь он довел до совершенства свою систему обучения и воспитания войск, а также дал окончательную редакцию своему блистательному военному катехизису «Наука побеждать». Казалось, что для Суворова наступило время пожинать лавры, но… Скоропостижно скончалась императрица Екатерина, на престол взошел её сын Павел, ярый поклонник всего прусского, и Александр Васильевич со свойственной ему резкостью выступил против нелепых нововведений и «усовершенствований» в столь любимой им русской армии.

Реакция последовала мгновенно: в 1797 году Суворов высочайшим повелением был отставлен от службы и сослан в свое имение под надзор полиции. Ссылка эта продолжалась около двух лет и могла бы длиться до самой смерти великого полководца, но авторитет и слава Суворова были столь велики, что даже император Павел оказался перед ними бессилен. По требованию коалиции европейских держав император был вынужден отозвать Суворова из ссылки и возложить на него командование союзными войсками в Северной Италии. В итальянском, а затем и швейцарском походах Суворов немало добавил к славе своего отечества. Его швейцарский поход считается самым выдающимся из всех совершенных до этого альпийских переходов (вспомните знаменитую картину «Переход Суворова через Альпы»!), хотя неутомимому полководцу было в то время без малого семьдесят лет. За этот поход император Павел пожаловал ему титул князя Италийского и звание генералиссимуса, а также приказал поставить памятник в Санкт-Петербурге, что, к сожалению, так и не было исполнено.

Как ни странно, Павел оказался куда более справедливым к Суворову, нежели его мать, императрица Екатерина, хотя Александр Васильевич выкидывал иной раз штучки, крайне обидные для императора. Как-то с визитом к Суворову приехал любимец Павла, бывший его брадобрей Кутаисов, только что получивший графское достоинство. Суворов выбежал ему

навстречу, кланялся в пояс и суетился:

— Куда мне посадить такого великого, такого знатного человека? Прошка, стул, другой, третий!

И при помощи лакея Прошки Суворов ставил стулья один на другой, кланяясь и прося садиться выше:

— Туда, туда, батюшка… а уж свалишься — не моя вина.

В другой раз, приехав в Санкт-Петербург, Суворов хотел видеть самого императора, но так как сил ехать во дворец уже не было, он попросил, чтобы Павел удостоил его посещением. Павел, однако, послал вместо себя все того же графа Кутайсова. Когда тот вошел в комнату в красном мальгинском мундире с голубой лентой через плечо, Суворов приподнялся в постели и закричал все тому же Прошке:

— Ступай сюда, мерзавец! Вот посмотри иа этого господина в красном кафтане. Он был такой же холоп, как и ты, да видишь, куда залетел! И к Суворову его посылают. А ты, скотина, вечно пьян и толку из тебя не будет.

Забыл, видно, Александр Васильевич, что ею собственный батюшка начинал карьеру денщиком у императора. Или не забыл, а искренне считал, что дворянское происхождение автоматически ставит его выше любого, рожденного в ином сословии. Вольнодумство Суворова имело свои пределы.

Сказались эти пределы и тогда, когда друзья попытались склонить его к участию в заговоре против императора Павла. Суворов аж подпрыгнул и в ужасе перекрестил говорящему рот:

— Молчи, молчи, не могу! Кровь сограждан — помилуй Бог!

Ни опала, ни ссылка не оправдывали в его глазах участия в смуте, способной привести к кровопролитию.

Любимая дочь Александра Васильевича, «Суворочка», вышла замуж за очень богатого и доброго человека — Дмитрия Хвостова, который имел только одну слабость: мнил себя поэтом. Суворов полушутя, полусерьёзно жаловался друзьям, что зятю удастся то, что не удалось турецким ядрам: до времени свести его в могилу:

— Бубнит и бубнит, и все в рифму, и рифму… Помилуй Бог, с ума спятить недолго! Знаю, что не по злому умыслу, а то еи-ейі, пришиб бы.

Насчет турецких ядер Александр Васильевич несколько преувеличивал, ибо сам любил говорить, что за всю жизнь им было получено семь ран: две — на войне, а пять — при дворе. И уж совершенно точно, что эти пять ран были куда более боле болезненны и опасны для здоровья. нежели первые две. Несмотря на то, что Суворов никогда не терял присутствия духа и чувства юмора, да и вообще был большим жизнелюбом, придворные нравы больно задевали даже его. Не случайно он всю жизнь

предпочитал держаться от двора подальше и появлялся там лишь в случае крайней необходимости.

О жизнелюбии Суворова говорит и тот факт, что когда он был уже безнадежно болен и дни его — сочтены, Дмитрий Хвостов, желая подбодрить тестя, сказал, что лекари, мол, живо поставят его на ноги.

— Это хорошо, — усмехнулся Суворов, — только, ежели останусь жив, долго ли проживу?

Хвостов щедро пообещал ему как минимум пятнадцать лет. Суворов нахмурился, плюнул:

— Злодеи! Отчего не сказал — тридцать?

Было это за неделю до его кончины… Суворов умер 6 мая 1800 года и был похоронен в Александро-Невской Лавре. А ещё накануне в письме к другу заклинал:

> «Только не Отнимайте у меня возможности до конца дней моих печься о пользе Отечества…»

Да можно ли было отнять то, что было предначертано свыше? Остановить генералиссимуса смогла только смерть. Отечеству же он верой и правдой служил пятьдесят три года.

Листая страницы российской истории, легко убедиться в том, что полководцев, равных Александру Васильевичу Суворову, в ней не было. А уж таких личностей в ранге генералиссимуса — тем более.

Царевна Ксения, или Вдовствующая невеста

После смерти Ивана Грозного трон унаследовал его младший сын, Федор, — человек, о котором сам его отец отзывался так:

> «Постник и молчальник, быть бы ему монахом, а не царем».

И действительно, за четырнадцать лет, проведенных на троне, и даже в последние дни своей жизни царь Федор Иоаннович ни на минуту не задумался о том, что происходило в России и кто будет самодержцем после его смерти. В результате царем стал Борис Годунов, боярин худородный, но брат овдовевшей царицы Ирины.

В какой-то степени это было справедливо: Борис фактически правил Россией именем Федора все эти годы, и правил неплохо: в стране было относительно спокойно. Более того, его как бы «выбрал» царем сам народ — случай беспрецедентный. Но ни явные способности к управлению, ни «глас народа» не могли перевесить одного: загадочной смерти (или убийства?) в Угличе младшего сына Ивана Грозного — царевича Дмитрия. Сам Борис, вступая на престол, окружил себя таким избытком предосторожностей, что лишь укрепил окружающих в уверенности: убийца и узурпатор.

О том, как народ «избирал» на царствие Бориса, лучше и правдивее всего написал Александр Сергеевич Пушкин. Он, правда, не знал, что задолго до этого какие-то «звездочеты» (т. е. астрологи) предсказали Годунову, что он станет царем, но царствовать будет только семь лет.

— Хотя бы семь дней, — воскликнул в ответ он, — лишь бы царствовать!

Так что все отговорки при избрании на царство были лишь ломанием и кокетством: Борис стремился надеть шапку Мономаха, как юная девица — подвенечную вуаль: любой ценой, а там видно будет. Более того, он мечтал быть основателем новой династии — Годуновых. У Бориса было двое детей — дочь Ксения и сын Федор. Оба заплатили непомерно высокую цену за отцовские амбиции.

Но в день его коронации, 1 сентября 1598 года, никто не предполагал, насколько трагичны для России будут последствия этой церемонии. А меньше всего об этом думала шестнадцатилетняя Ксения Годунова — с этого момента ставшая

царевной. Ей собственное будущее рисовалось в самых радужных красках, и поводов для такого оптимизма было предостаточно.

Прежде всего Ксения Борисовна представляла собой классический образец русской красавицы тех времен. Современники в один голос превозносили прелести этой стройной, яркой брюнетки с «союзными», то есть сросшимися на переносице бровями, пышными косами, огненными глазами и «телом, словно сделанным из сливок». Последнее наблюдение, впрочем, придется оставить на совести летописцев: кто из посторонних мог видеть русскую боярышню — тем более царевну! — тех времен без непременных пышных одеяний от шеи до пят?

Впрочем, Ксения «типичной» боярышней не была: отец постарался дать ей европейское образование и воспитание, желая упрочить свой трон союзом с каким-нибудь европейским монархом. А посему не спешил выдавать дочь замуж за кого-либо из русских бояр, хотя Ксения могла рассчитывать на самых знатных и богатых женихов.

Царевна умела не только читать и писать, но знала латынь, могла объясниться по-польски, ездила верхом, прелестно пела, умела танцевать. Сам не слишком грамотный, Борис Годунов пригасил к своим детям иностранных учитгелей, хотя это и вызвало недовольство русского духовенства. Более того, он тослал обучаться в Европу около десяти боярских сыновей… но ни один из них не пожелал впоследствии вернуться на родину.

В общем, Борис, похоже, опередил свое время. Многие его династические планы сумел осуществить лишь сто лет спустя Петр Первый. Матримониальные же прожекты Годунова так и не воплотились в жизнь.

Первым женихом царевны Ксении был сын шведского короля, принц Густав, изгнанный из страны мятежными подданными. В 1599 году он принял приглашение Годунова и прибыл в Россию. Бедного изгнанника приняли с королевскими почестями. Умный, образованный, с приятной внешностью принц вскоре сделался любимцем Годунова, который и предложил ему руку царевны и титул властителя Ливонии, которая в то время находилась в оккупации шведов. Непременным условием был переход принца в православную веру. Нустав отказался — и был выслан в Углич, где и скончался некоторое время спустя, причем не исключено, что ему в этом помогли.

Вторая попытка Годунова породниться с одним из западных королевских дворов была куда более успешной, во всяком случае вначале. Выбор царя Бориса пал на брата датского короля принца Иоанна, который согласился принять православие, а вместе с

ним — руку царевны Ксении и княжеский удел на Руси. Принц торжественно въехал в Москву в сентябре 1602 года (то есть со времени первого неудачного сватовства Ксении минуло более трех лет!) и был принят со сказочной пышностью. Во время первого обеда царевна, оставаясь невидимой для пирующих, смогла вдосталь наглядеться на своего жениха и послушать его умные речи.

Ксения влюбилась в Иоанна с первого взгляда, а для него личное знакомство с царевной тоже оказалось приятым сюрпризом. В «нагрузку» к княжескому венцу ему вполне могли подсунуть рябую или хромую уродину, да ещё и малообразованную дурочку — вещь обычная в европейских царствующих домах. А тут — красавица, почти как в сказке. Свадьбу назначили на начало зимы. Но уже месяц спустя, на обратном пути из Троице-Сергиевой лавры, куда царская семья ездила на богомолье, принц Иоанн заболел жестокой горячкой и несколько дней спустя, несмотря на все усилия врачей, скончался…

«Царь отравил королевича!» — тут же ползла молва в народе. Никому не приходило в голову, что Годунову это было невыгодно, все лишь усмехались про себя: «С него станется!» После таинственной гибели царевича Дмитрия любая смерть в окружении царя Бориса приписывалась его злому умыслу. По иронии судьбы сам Годунов, по-видимому, тоже был отравлен — ход чрезвычайно ловкий, так как народ решил: что посеял, то и пожал.

До конца своей жизни Борис Годунов пытался найти для дочери супруга королевского происхождения. Однако возобновление брачных переговоров с Данией ни к чему не привело, там решили, что одной попытки вполне достаточно. Не увенчались успехом и поиски жениха в Австрии, Англии и даже Грузии. Трагическая участь обоих принцев отпугнула от царевны искателей её руки. К тому же, по понятиям того времени, Ксения уже была старой девой, ибо к моменту своего второго обручения достигла двадцатилетнего возраста. Но главной причиной краха всех брачных замыслов Годунова было то, что его собственное положение на троне становилось все более шатким.

Через пару лет после смерти принца Иоанна по Руси пополз слух, смертельно опасный для Бориса:

— Царевич Дмитрий жив!

Но, кроме слухов о чудесном спасении младшего сына Ивана Грозного, у царя были куда более серьезные проблемы. Россия страдала от голода и моровой язвы — то есть чумы, повсеместно появлялись разбойничьи шайки, грабившие и сжигавшие все

подряд: от холопских изб до боярских палат. В довершение ко всему в 1604 году появилась комета, и вслед за нею начались бури, ураганы, опрокидывавшие дома и даже колокольни. Народ счел все это гневом Божьим, а виновником всего назвал, разумеется, царя Бориса, который, кстати, был отнюдь не злодеем и достаточно мудрым правителем.

Народная ненависть, однако, не коснулась Ксении. «В невестах уж печальная вдовица», по-видимому, вызывала лишь сочувствие. Во всяком случае, когда после смерти Бориса бояре убили его вдову и до смерти забили сына Федора, Ксению не тронули, что, впрочем, не сделало её участь менее печальной.

Почему Ксения не постриглась в монахини после смерти своего второго жениха, которому она как будто бы пообещала хранить вечную верность? Наверное, потому, что вовсе этого не хотела. «Кроткая голубица» была не только достойной дочерью своего отца, но и родной внучкой Малюты Скуратова, одного из самых жестоких людей того времени. Так что вряд ли она мечтала о монашеском покрывале: царский венец представлялся ей куда более заманчивым.

Самая двусмысленная страница биографии царевны Ксении — это её связь с Лжедмитрием. Буквально на следующий день после вступления самозванца в Москву Ксения Борисовна стала его любовницей. Правда, жертвами Лжедмитрия оказались ещё десятки боярских жен, дочерей и даже молоденьких монахинь. Но негодование историков почему-то обрушилось на одну лишь Ксению.

> «В защиту Ксении Годуновой мы не находим ни слова, — *пишет один из них уже в конце XIX века.* — Жертвою грубого, зверского насилия честнейшая девушка или женщина может быть раз в жизни, но чтобы в течение нескольких месяцев переносить ласки человека ненавистного, убийцы её отца, матери, брата… и покоряться этому жребию, не имея духу убить злодея или собственной, добровольной смертью избавиться от позора и срама, — для этого надобно иметь в характере особый запас трусости и подлости…»

А почему, собственно, Ксения должна была убить Лжедмитрия или покончить с собой от позора? Целый народ принял самозванца за подлинного, природного царя, гордая аристократка Марина Мнишек согласилась стать его женой, а Ксения, приученная своим отцом к мысли о том, что будет королевой, сразу распознала «подлог»? Да быть того не может! И

не исключено, что какое-то время самозванец колебался: то ли ему жениться на полячке, то ли на русской царевне. Брак с дочерью Годунова мог сильно упрочить позиции Лжедмитрия, и наверняка он это прекрасно понимал.

Наверняка это понимала и Ксения. Тем более что брак с царем, пусть и самозваным, был последним шансом гордой и властной красавицы найти себе достойного мужа. К тому же если бы «чистая голубка» стала не «жертвою» царя, а царицей, она по-прежнему бы осталась кумиром толпы и… историков. Победителей не судят. К несчастью для нее, судьба распорядилась иначе.

Кстати, к несчастью не только для нее, но и для Марины Мнишек. Своенравная полячка ещё колебалась: ехать ли ей в смутную и чужую Московию, чтобы занять там опасный, шаткий престол, или остаться на родине и найти менее блестящую, зато безопасную партию. И тут ей донесли, что жених отнюдь не изнывает в разлуке с нею, а приблизил к себе красавицу-царевну и чуть ли не собирается обвенчаться с нею.

Марина помчалась отбивать неверного суженого у соперницы. А поскольку в её запасе были очень внушительные аргументы — несколько тысяч вооруженных поляков, то выбор самозванец сделал очень быстро. Марина надела брачный венец, Ксения — монашеский клобук. Царевна превратилась в смиренную инокиню Ольгу и дожила в монастыре почти до сорока лет: возраст по тем временам вполне почтенный.

У связи царевны с Лжедмитрием может быть ещё одно очень простое и логичное обоснование. Выросшая на ступенях трона, воспитанная в ощущении своей избранности и достаточно искушенная в придворных интригах, дочь Бориса Годунова могла рассчитывать на то, что, став даже не царицею, а хотя бы фавориткою самозванца, она сумеет отомстить боярам, которые погубили её семью. Ведь Лжедмитрия не было в Москве ни в момент скоропостижной кончины Бориса, ни во время расправы с его семьей. Царицу и царевича убили свои, русские, в том числе князья Голицын и Мосальский. Убили на глазах у Ксении, а по чьему приказу — какое ей было дело! И не самозванец силком затащил царевну в свои покои: её привел туда все тот же князь Мосальский.

Ничего невыполнимого в замыслах Ксении не было: о подобных случаях она наверняка читала в европейских исторических хрониках. Обворожить нового государя, сделать его покорным орудием в своих руках и через него расправиться с врагами… Ради этого можно было снести «утрату чести» — штуку, в представлении внучки Малюты Скуратова, весьма

спорную. И если бы за спиной её соперницы Марины Мнишек не маячили польские сабли… кто знает, как бы обернулась история России. Не исключено, что союз Ксении и Дмитрия дал бы вполне законное продолжение царской династии, и сама приставка «лже» никогда бы не пристала к имени царя. Впрочем, история не приемлет сослагательного наклонения.

Ддобровольное самопожертвование Ксении подтверждает ещё одна малораспространенная версия о том, что произошло между кончиной Бориса Годунова и «падением» его дочери. Один из князей Белосельских, родственник царевны, предложил ей тайно обвенчаться с ним и бежать в Англию под защиту короля Иакова. Ксения ответила категорическим отказом.

— Рожденная царствовать, — якобы сказала она, — лучше посвящу себя Богу, чем стану нищей попрошайкой на чужбине.

Трудно сказать, насколько это соответствует действительности, но характеру царевны полностью отвечает. Умевшая прикидываться и «кроткой голубицей», и «безутешной невестой», и «пленительной красавицей-принцессой», Ксения на самом деле обладала недюжинной силой воли и властным нравом, а от отца унаследовала, по-видимому, фанатичное стремление к царскому венцу. Кое-что добавилось и от матери — урожденной Скуратовой. Такой «коктейль» никоим образом не способствовал христианскому смирению: даже стоя на краю гибели, рискуя всем, Ксения Борисовна не смогла отказаться от последнего шанса стать царицей. Она проиграла. Но ведь могла и выиграть.

Как бы то ни было, Ксения Годунова — последняя русская царевна, которую намеревались выдать замуж, да ещё и за иностранца. Целый век после этого царские дочери из девичьей светелки отправлялись прямиком в монастырь, обреченные на вечное девство. Понадобилось воцарение Петра Великого, чтобы этот обычай был, наконец, отменен.

Свою старшую дочь, Анну, Петр выдал за герцога Голштинского, претендовавшего к тому же на датскую корону. Ту самую корону, которой домогался в свое время первый жених Ксении — принц Густав.

История — большая мастерица на такие повторы и совпадения.

Полу-царица, полу-девица
ЦАРЕВНА СОФЬЯ

Рискну пойти против укоренившегося мнения о том, что первым царем-реформатором на Руси был Петр Великий, и предложить несколько иную точку зрения на события трехсотлетней давности. Да, «герр Питер» железной рукой, за волосы поволок Россию к западному прогрессу. Но до него, причем гораздо более гуманными методами, это пыталась сделать его старшая сводная сестра царевна Софья Алексеевна, столь незаслуженно забытая и историками, и потомками.

Софья была одной из шести дочерей царя Алексея Михайловича, получившего в истории прозвище Тишайший, от брака с Марией Милославской, которая родила царю ещё и двух сыновей — Федора и Ивана. Но если с потомством женского пола все обстояло нормально: царевны были здоровыми и достаточно сообразительными, то с сыновьями Алексею Михайловичу не повезло. Старший был чрезвычайно болезненным и не слишком смышленым, младший — откровенно слабоумным.

Так что рождение сына Петра от второй жены — Натальи Нарышкиной — было воспринято царем с восторгом. Проживи Алексей Михайлович подольше, займись он сам воспитанием младшего сына, глядишь, реформы в России прошли бы более плавно и без крови. Но Тишайший скончался, когда Петруше едва исполнилось четыре года. И шапку Мономаха пришлось надеть Федору Алексеевичу.

У него, кстати, хватило ума всеми силами этому сопротивляться. Но сил отказаться от коронации, а потом править державой практически не было. И то, и другое неизлечимо больной Федор делал лежа в постели. Впрочем, «правил» — слишком сильно сказано. Фактически он лишь одобрял то, что предлагали его ближайшие советчики. А ближе всех была старшая любимая сестра Софья, совершившая после смерти отца настоящий переворот в дворцовой жизни.

До тех пор женщины царского рода были обречены на полное и абсолютное затворничество. Они шагу не могли сделать не только за пределы дворца, но и в самом дворце. На каждый выход из своих покоев — в церковь ли, в сад — они должны были получить разрешение самого царя, а его по пустякам не беспокоили. Сама царица не могла проехать по Москве в открытом возке: только в закрытой повозке с опущенными занавесками. А уж царские дочери и вовсе были пленницами.

Помимо царя и царицы, за ними зорко следили тетки — незамужние сестры царя. И строже всех царевна Ирина Михайловна, которую в молодости сватали то ли за датского, ю ли за шведского королевича, но до свадьбы дело не дошло. Жених не захотел жениться, ни разу не увидев невесту Так и осталась царевна Ирина в девках а заодно и всем другим царевнам при шлось забыть мечты о супружестве Либо терем, либо монастырь.

Вторая жена Алексея Михайловича — Наталья Кирилловна — была воспитана не столь строго. И увидел-то её царь не на традиционных смотринах (только царк и разрешалось видеть невесту до свадьбы, да ещё и выбирать самую красивую), а в доме своего приближенного боярина Матвеева, где молодая воспитанница пользовалась большой свободой Вольнолюбивый дух она принесла и в дворцовые покои: при ней падчерицам жилось вольготнее, чем при родной матери. Пятеро из них воспользовались этим, чтобы вволю сплетничать, наряжаться и по праздникам кататься по Москве. Самая старшая — Софья — распорядилась своей свободой иначе.

По характеру и замашкам точная копия своего младшего сводного брата Петра, Софья почти все свое время уделяле чтению и учебе. Делала она это вместе со своими родными братьями, но если Федор и Иван в науках, мягко говоря, не преуспевали, то их сестра почерпнула от своих наставников все, что они могли ей дагь. Софья знала латынь, польский, разбиралась в богословских вопросах, увлекалась историей. И это при том, что абсолютное большинство женщин в те время были просто неграмотны!

Сразу после смерти отца Софья буквально вынудила своего брата Федора принять знаки царской власти, обещая ему всяческую помощь и содействие в управлении Россией. Прекрасно разбираясь в людях, Софья окружила своего брата умными и достаточно прогрессивными советниками, первым из которых был князь Василий Голицын — по скандальней дворцовой хронике «цесаревнш полюбовник». Конечно, при царе Алексее Михайловиче его умная и властная дочь определенных границ приличия не переходила: отец хоть и был Тишайшим, но мог бесстыжую строптивицу запросто постричь в монахини. При вечно больном и слабовольном Федоре, на которого она имела совершенно неограниченное влияние, Софья «забросила чепец за мельницу» и повела себя так, что возмутились не только её богомольные тетки-вековухи, но и более чем терпимая мачеха.

И было чем возмущаться! Высокородная девица, царская дочь, появлялась перед совершенно посторонними мужчинами с открытым лицом. Вела с ними долгие и продолжительные беседы

на темы, которые девушке и знать-то не полагалось: внутренняя и внешняя политика, финансы, военные вопросы… Впрочем, все это, как оказалось, были только цветочки. Ягодки появились, когда подобные беседы с князем Голицыным стали происходить с глазу на глаз. А потом — и не только беседы.

До поры до времени Софье все сходило с рук, потому что царь-братец души в ней не чаял. Но когда он, процарствовав с горем пополам несколько лет, скончался, над царевной вполне реально нависла тень монашеского клобука. В обход следующего законного наследника — Ивана — родственники вдовствующей царицы Натальи Кирилловны провели девятилетнего Петра. Для всех это означало лишь замену одной правившей боярской партии — Милославских — другой партией — Нарышкиных. Но лично Софье это грозило просто уходом в небытие, не говоря уж о неизбежном расставании с возлюбленным князем.

Царевна, которой не исполнилось к тому времени и двадцати пяти лет, решилась на крайний шаг: при содействии своих родственников Милославских подбила стрельцов на вооруженный бунт. Сделать это было нетрудно, поскольку стрельцы жили в нищете, нуждались в самом необходимом, да к тому же недолюбливали Нарышкиных и Матвеевых, главную опору юного Петра. Стрельцы ворвались в Кремль и вырезали особо ненавистных им бояр.

Произошло это на глазах у Петра, который с тех пор страдал нервным расстройством и безумной ненавистью к «старобоярщине», а уж стрельцов и вовсе на дух не переносил. Историки не перестают удивляться тому, что впоследствии царь-плотник собственноручно рубил головы стрельцам-мятежникам, получая от этого занятия явное наслаждение. Но он не наслаждался — мстил, вспоминая события многолетней давности. Впрочем, я забежала вперед.

Стрельцы прокричали на царство младшего брата Софьи, 16-летнего Ивана, скорбного головой. Номинально царем оставался и Петр. Но фактической правительницей с реальной властью стала царевна Софья.

Царевна Софья не зря имела репутацию умной женщины. Прежде всего она обуздала слишком амбициозных бояр, возомнивших себя истинными правителями России. Самый главный среди них — князь Иван Хованский, назначенный Софьей главой Стрелецкого приказа, со своим старшим сыном Андреем — главой Судного приказа, повели себя излишне независимо, вплоть до прямой дерзости. Да ещё на свою беду князь Иван решил женить князя Андрея на одной из сестер Софьи — Екатерине, которая питала к молодому Хованскому

явную слабость.

Правительница отлично разбиралась во всех пружинах дворцовых интриг и видела, что брак с царевной позволит Хованским претендовать на престол, в то время достаточно шаткий. Знатный род, громкая фамилия, богатство, «ключевые», как теперь бы сказали, должности да ещё предполагаемое родство с царской фамилией! Вполне достаточно для осуществления самых смелых замыслов. Софья не зря изучала историю, она помнила, что во времена Смуты князю Шуйскому понадобилось куда меньше оснований, чтобы захватить, пусть и ненадолго, российский престол. Она не желала рисковать.

По Москве поползли слухи о том, что Хованские-де «злоумышляют на царскую фамилию». Проще говоря, готовят покушение во время ежегодного паломничества в Донской монастырь. Софья постаралась придать этим слухам максимальную огласку. Царское семейство покинуло Москву, а царевна вскоре получила официальный донос двух посадских людей и одного стрельца на «Ивашку Хованского».

Правительница повелела арестовать обоих князей Хованских и отрубить им головы, что и было исполнено в день ангела царевны. Царь Петр в это время безмятежно резвился в подмосковном селе Преображенском, не знал о существовании Немецкой слободы, которая впоследствии стала ему очень мила, и если чем и отличался от своих сверстников, то только необузданным характером и чрезмерной живостью.

Не будь его старшая сестра столь прозорлива, решительна и жестока, династия Романовых могла пресечься ещё тогда, в 1682 году, и не было бы никакого Петра Великого. Он же отплатил Софье черной неблагодарностью, а вслед за ним и все историки, дружно обругавшие царевну-правительницу за кровожадность и за то, что «властолюбию пожертвовала совестью». Когда же шестнадцать лет спустя её единокровный братец после подавления стрелецкого мятежа собственноручно зарубил двадцать человек, не прерывая при этом дружеской попойки, его столь же дружно пожурили за излишнюю «крутизну». Ни логики, ни справедливости…

А ведь Софья задолго до Петра разобралась в опасности, которую представляло для царской власти стрелецкое воинство. Она бы заменила его на регулярное войско, да некому было поручить проведение этой сложной и чрезвычайно опасной акции. Князь Голицын был скорее теоретиком, чем практиком, остальные бояре были не слишком заинтересованы в том, чтобы потерять свою главную опору во время всяческих смут — вечно нищих и озлобленных стрельцов, которых умелой агитацией можно было

подбить на что угодно. Сама Софья честно признавалась, что не считает себя специалистом в военных вопросах — в отличие от многих мужчин. Так что военную реформу осуществил Петр методами, весьма далекими от гуманных, зато радикальными.

Принято считать Софью распутной интриганкой, которая всеми силами старалась использовать свое временное могущество для того лишь, чтобы удовлетворять свои самые низменные инстинкты и одновременно строить козни против будущего преобразователя России. Первое — откровенный поклеп, поскольку доказательств нет ни единого, второе — правда. Но ведь было совершенно ясно, что брат и сестра слишком похожи друг на друга, чтобы мирно ужиться в будущем: если победит Петр, то Софья отправится в монастырь. Если же победит Софья…

Однако, помимо интриг и козней, Софья активно занималась государственными делами. При ней были ужесточены меры против бродяжничества, бывшего тогда подлинным бичом России. По её требованию впервые была произведена всероссийская перепись населения. По её указу было упразднено местничество, которое позволяло боярам и другим знатным людям получать высокие и доходные места не по личным заслугам, а исключительно в силу происхождения и родственных связей.

Примечателен ещё один факт. Во время правления Софьи во Франции были объявлены гонения на протестантов. Россия первой выразила готовность приютить изгнанников, и многие из них поселились в Москве, в Немецкой слободе. Никакой благодарности к Софье они тем не менее не испытывали и дружно поддержали Петра в его борьбе с сестрой. Людская память может быть удивительно короткой. Тем не менее подчеркну: именно Софье принадлежала идея пригласить в Россию иностранцев в большом количестве, а её братец впоследствии воспользовался уже готовеньким.

Да и к своим собственным «протестантам» — раскольникам — Софья относилась более чем терпимо. Именно она разрешила установить памятник на могиле казненной в царствование Алексея Михайловича видной раскольницы боярыни Морозовой.

Софья уничтожила существовавшие до того времени таможенные барьеры между Россией и Украиной, что немало способствовало экономическому развитию этих двух частей российского государства. Тоже забыто.

И, наконец, Софья собиралась освободить крепостных крестьян, обязав их выплачивать казне ежегодный налог. То есть начало реформам Петра Великого было положено его ненавистной сестрой. Подтверждение этому можно найти в

характеристике, которую дал царевне-правительнице один из ближайших сподвижникое Петра, князь Борис Куракин:

> «Правление царевны Софьи началось со всякою прилежностью и правосудием всем и к удовольствию народному, так что никогда такого мудрого правления в Российском государстве не было и все государство пришло во время её правпения через семь пет во цвет великого богатства… И торжествовала тогда довольность народная!»

Петровского соратника довольно трудно заподозрить в особом пристрастии к царевне-правительнице. Значит, заслужила…

Главная же «вина» Софьи — два трагических крымских похода против татар — на самом деле её неудача. Талантливых военачальников в России тогда не было, даже и Петру, вспомним, пришлось первоначально прибегать к услугам иностранных консультантов. Софья позволить себе такую экстравагантную выходку не могла. Местные же военные кадры следовало искать не среди ожиревшего, тугодумного боярства, а в дворянских низах и казачьих станицах, что и сделал впоследствии Петр, вызвав гнев современников. Но это было потом, а пока Петр подрастал. И Софья решилась на отчаянный шаг: подбила стрельцов совершить покушение на молодого царя.

Замысел, однако, провалился: нашлись желающие предупредить Петра. Тот укрылся в Троице-Сергиевой лавре и повел оттуда борьбу с сестрой-злодейкой. И стрельцы, и весь народ предпочли видеть на троне царя, а не царевну. «Полно государыне народ-то мутить, пора и в монастырь».

Осенью 1689 года, за несколько дней до именин, Софью привезли в Новодевичий монастырь, где она провела почти десять лет, не принимая пострига. У неё было двенадцать человея прислуги, кормилась она с царского стола и свободно передвигалась по монастырю. Но за его стены она уже никогдг не выходила. Соратники царевны, все до единого, поплатились жизнью за то, что осмелились принять когда-то её сторону Но это, как оказалось, было только началом кровавой драмы.

Семь лет спустя скончался болезненный и слабоумный царь Иван, успевший, однако, оставить трех дочерей и заложить тем самым под трон сводного брата мину замедленного действия (Анна Иоанновна заняла престол после рано умершего внука Петра, Петра Второго, и его наследникам удалось вернуться к власти только благодаря череде дворцовых переворотов).

Кончилось двоецарствие. Петр покорил Азов, довершив так

неудачно начатое князем Голицыным дело, и уехал в Европу — учиться. Стрельцы воспользовались этим, чтобы учинить новый бунт, прикрывшись именем Софьи. Однако никто и никогда не мог представить подлинных доказательств того, что она участвовала в этом заговоре. А ведь главных виновников жестоко пытали перед казнью, но никто — никто! — не подтвердил личного участия царевны, хотя все в один голос говорили, что желали посадить на царство именно её. Пытали и прислужниц Софьи — тоже безрезультатно.

Более тысячи стрельцов были казнены, сто девяносто пять из них Петр приказал повесить перед окнами сестры в Новодевичьем монастыре. Зачем? А для острастки. Тела казненных провисели всю зиму. Даже в ту далеко не милосердную эпоху понять и оправдать такую жестокость мало кто мог. Разве что вечно хмельное окружение великого реформатора.

Софья вскоре была пострижена в монахини под именем Сусанны и прожила в монастыре ещё пять лет под строжайшим надзором. Умерла она в 1705 году, не дожив до сорока шести лет. И была забыта почти сразу после погребения. Если же впоследствии о ней и вспоминали историки, то лишь как об «интриганке», едва не загубившей благородное дело Петра, поскольку «властолюбию пожертвовала совестью, а темпераменту — стыдом». Так, например, считал Ключевский. Но когда политика сочеталась с нравственностью и кто из власть имущих жертвовал темпераментом во имя стыда? Я не жду ответа на этот абсолютно риторический вопрос.

Не только исторические факты, даже внешность Софьи потомки исказили до неузнаваемости. На портрете, написанном Ильей Репиным, изображена тучная, коренастая женщина с искаженным от ярости лицом. Правда, смотрит она на трупы стрельцов, висящие за окнами её кельи, а такое зрелище, согласитесь, не способствует милому и кроткому выражению. Но даже современники художника критиковали портрет, как абсолютно не соответствовавший действительности. Сохранился прижизненный портрет Софьи — женщины с круглым, несколько простоватым лицом, с нашей точки зрения даже миловидным.

Для современников Софьи её внешность далека от идеала. Красавица должна была быть белолица, румяна, черноброва. Посему на все лицо в несколько слоев накладывались белила, щеки красили ярко-красной краской, брови выводили сажей. Ничего похожего на портрете Софьи нет.

Замечу, что одно согласие царевны позировать живописцу (наверняка иностранцу) свидетельствует о её незаурядном характере и силе воли, поскольку шло вразрез с принятыми тогда

нормами женского поведения. Нет, доброй памяти потомков она не удостоилась. Уж коли на Руси берутся что-нибудь крушить, то вдребезги, без малейшего снисхождения. Так и с Софьей — уничтожили, оклеветали и забыли, но получилось, что Петр боролся за власть не с достойной его умной и сильной противницей, а просто с глупой и развратной злодейкой. Спрашивается, что же так долго возился? Признать за Софьей, за женщиной, её подлинные достоинства — никогда. Получится, что они, женщины, способны управлять государством, да ещё действительно русские женщины, а не «пришлые немки».

Софья была старшей дочерью царя Алексея Михайловича, его первенцем. Родись она мальчиком, вопроса бы не возникло о том, кому наследовать трон и власть И реформы в России, глядишь, пошли бы менее коротким, но не таким кровавым путем…

Впрочем, история не терпит сослагательного наклонения.

Великая Аврора

Имя свое она унаследовала от прапрабабки — блистательной и прекрасной Авроры фон Кёнигсмарк, возлюбленной короля Польши Фридриха-Августа. Темперамент — от своего прадеда, незаконного сына этой четы, маршала Мориса Саксонского, разбившего бесчисленное количество женских сердец по всей Европе. Житейскую мудрость — от своей бабушки, которую даже самые злые языки тех лет не могли упрекнуть ни в едином легкомысленном поступке.

Отец Авроры, Морис де Франкенёй, адъютант наполеоновского генерала, женился на бродячей актрисе Софи-Виктории, имевшей и до, и после брака бессчетное число любовников.

«Кровь — великая сила», как известно, а такой коктейль не мог не сказаться на характере его обладательницы. Никто не мог дать ему точной оценки. Одни считали её распутницей, другие — святошей, кто-то упрекал в нимфомании, кто-то — в патологической холодности. Женщины ставили ей в укор пренебрежение светскими условностями и неприязнь к чисто дамскому обществу. Мужчины попрекали пристрастием к сигарам и…лесбиянством. Потомки дошли до того, что стали обвинять её даже в кровосмешении.

И все это по одной-единственной причине: талант писательницы был слишком очевиден, чтобы в нем можно было усомниться. Мужчине такое ещё можно простить и снисходительно, сквозь пальцы смотреть на его личную жизнь. Бальзака, например, никто не попрекал ни излишним сладострастием (хотя число его любовниц было поистине астрономическим), ни гомосексуализмом (хотя в его доме подолгу жили молодые писатели, которым он покровительствовал), ни какими-либо другими извращениями. Женщину, Аврору Дюдеван, обвиняли во всех смертных грехах, и даже сейчас, спустя сто двадцать лет после смерти, личность Жорж Санд продолжает будоражить воображение не меньше, чем её романы. Возможно, это и есть бессмертие.

Она родилась 1 июля 1804 года, спустя месяц после свадьбы своих родителей. Бабушка Авроры, мать её отца, почти четыре года не желала признавать «неравный» брак и родившуюся от него внучку. Смягчилась лишь тогда, когда малышку удалось обманом положить к ней на колени. Тут она узнала прекрасные бархатные глаза своего сына и была покорена. Примирение состоялось.

К сожалению, семейная идиллия длилась недолго. Когда Авроре исполнилось четыре года, её отец, к тому времени уже полковник, погиб, упав с необъезженной лошади. А его вдова, оставив маленькую дочь на попечение бабушки, уехала в Париж, заявив при этом с откровенностью простолюдинки: «Ноги моей не будет в семейном поместье Ноане, пока свекровь жива». Аврора одинаково любила и мать, и бабушку, и разрыв между ними причинил ей первую серьезную боль.

Ко всему прочему, обе женщины совершенно по-разному представляли себе, как нужно воспитывать девочку. «По понятиям бабушки, — писала в своих мемуарах Аврора, — ребенку нужно было прививать с самого раннего возраста изящество во всем. Моя мать находила все это очень смешным, и мне кажется, что она была права…» В конце концов победила бабушка: гувернером для своей внучки она выбрала воспитателя своего сына — несостоявшегося аббата Дешартра, человека в высшей степени образованного, но невыносимого педанта. Он обучал девочку естественным наукам и латыни, то есть тому, что светской девице было совершенно не нужно. Бабушка же сделала из неё превосходную музыкантшу и привила любовь к литературе. Всего этого, однако, оказалось недостаточно, и в 14-летнем возрасте Аврору отдали в женский Августинский монастырь английского религиозного братства. Разумеется, не как монахиню: при монастыре был пансион, где воспитывались девицы из самых знатных семей Франции. Все монахини, а значит, и воспитательницы были англичанками. На всю оставшуюся жизнь Аврора сохранила привычку пить чай, говорить и даже иногда думать по-английски. Из монастыря же она вынесла и мистицизм и — непосредственную связь с божественной волей.

Из монастыря в Ноан вернулась прекрасно образованной, умной, глубоко верующей и красивой девушкой. К тому же богатой наследницей. К сожалению (для её бабушки), простолюдинка-мать не давала Авроре шансов сделать блестящую партию. Но самой девушке мысль о браке была, мягко говоря, неприятна. Сердце в ней ещё не проснулось. К тому же в отличие от большинства своих сверстниц Аврора пользовалась почти неограниченной свободой. Она ходила на охоту и ездила верхом в мужском костюме, училась у своего воспитателя тайнам управления поместьем, свободно встречалась с молодыми людьми.

Удивительная по тем временам свобода Авроры стала одной из причин её громадной уверенности в себе впоследствии. Старая госпожа Дюпен скончалась, когда её внучке было всего 17 лет. Последние слова старой аристократки были обращены к Авроре:

«Ты теряешь своего лучшего друга». Бабушка заблуждалась: Аврора, богатая невеста, сирота, теряла ещё и единственную защиту от корыстных и алчных людей.

Через год после смерти бабушки, гостя у своих друзей в Париже, юная наследница Ноана познакомилась с бароном Дюдеваном. Казимир был старше Авроры на десять лет, не отличался особой красотой, но был, что называется, «добрым малым» и, главное, не докучал девушке своими ухаживаниями, а старался развлечь её. Аврора влюбилась в него как в воплощение мужественности. К тому же он был немного богаче своей невесты и, следовательно, не имел особой корысти в этом браке. В сентябре 1822 года мадемуазель Дюпен де Франкенёй стала баронессой Дюдеван. А через месяц после свадьбы ощутила признаки беременности.

Свое первое впечатление от супружеской жизни Аврора выразила гораздо позднее, когда звалась уже Жорж Санд: «Мы воспитываем своих дочерей как святых, а затем случаем их как молодых кобылок». Сравнение циничное, зато точное. Добрый малый Казимир к женщинам относился очень, просто, тем более что привык иметь дело с горничными и модистками. Удовольствие партнерши его мало занимало. А для молодой баронессы уже через полгода после свадьбы перестало иметь значение что бы то ни было, кроме будущего ребенка.

В девятнадцать лет Аврора родила сына Мориса. А оправившись после родов, с изумлением поняла, что в замужестве вряд ли найдет то спокойствие и душевный мир, на которые рассчитывала. О «духовной любви», ради которой, собственно, она и заставляла себя терпеть физическую близость с мужем, не могло быть и речи: барон Дюдеван просто не мог понять, чего от него хочет молодая супруга. Он пытался в угоду ей читать книги, восхищавшие Аврору. Но на второй странице обычно засыпал или отправлялся на охоту. В какой-то момент терпение Казимира лопнуло, и он дал супруге пощечину. В результате барон уехал в Ноан, а баронесса осталась в Париже.

Когда же и она приехала в родовое поместье, стало ясно, что счастливая жизнь, продлившись всего четыре года, кончилась. Аврора жаловалась окружающим на сердцебиение, головные боли, кашель, уверяла, что у неё чахотка. Казимир вел себя как всякий нормальный муж, то есть был свято убежден в том, что все недомогания жены — только предлог уклониться от выполнения супружеского долга. Не будучи семи пядей во лбу, барон попал, что называется, «в десятку». Его умозаключения подтвердил бы любой современный сексопатолог.

Девять женщин из десяти в таком случае либо поставили бы

на себе крест, как на полноценной любовнице, либо… нашли бы себе любовника из соседей. Если бы Аврора пошла по одному из этих путей, не было бы во всемирной литературе имени Жорж Санд, а рога на голове барона Дюдевана не интересовали бы решительно никого. Но Аврора все ещё лелеяла мечту об идеальной, гармоничной любви, не омраченной никакими физическими последствиями. Когда молодая женщина с прекрасными глазами ищет родственную душу, она её находит.

У двадцатишестилетнего Орельена де Сеза была привлекательная внешность, благородная душа и… красавица-невеста, с семьей которой он приехал в Пиренеи. Туда же отправился поохотиться Казимир Дюдеван в сопровождении своей жены. Аврора одержала победу с первого взгляда, но не пожелала воспользоваться её плодами. Она предложила Орельену нежную дружбу.

В девятнадцать лет Аврора родила сына Мориса. А оправившись после родов, с изумлением поняла, что в замужестве вряд ли найдет то спокойствие и душевный мир, на которые рассчитывала. О «духовной любви», ради которой, собственно, она и заставляла себя терпеть физическую близость с мужем, не могло быть и речи: барон Дюдеван просто не мог понять, чего от него хочет молодая супруга. Он пытался в угоду ей читать книги, восхищавшие Аврору. Но на второй странице обычно засыпал или отправлялся на охоту. В какой-то момент терпение Казимира лопнуло, и он дал супруге пощечину. В результате барон уехал в Ноан, а баронесса осталась в Париже.

Когда же и она приехала в родовое поместье, стало ясно, что счастливая жизнь, продлившись всего четыре года, кончилась. Аврора жаловалась окружающим на сердцебиение, головные боли, кашель, уверяла, что у неё чахотка. Казимир вел себя как всякий нормальный муж, то есть был свято убежден в том, что все недомогания жены — Только предлог уклониться от выполнения супружеского долга. Не будучи семи пядей во лбу, барон попал, что называется, «в десятку». Его умозаключения подтвердил бы любой современный сексопатолог.

Девять женщин из десяти в таком случае либо поставили бы на себе крест, как на полноценной любовнице, либо… нашли бы себе любовника из соседей. Если бы Аврора пошла по одному из этих путей, не было бы во всемирной литературе имени Жорж Санд, а рога на голове барона Дюдевана не интересовали бы решительно никого. Но Аврора все ещё лелеяла мечту об идеальной, гармоничной любви, не омраченной никакими физическими последствиями. Когда молодая женщина с

прекрасными глазами ищет родственную душу, она её находит.

У двадцатишестилетнего Орельена де Сеза была привлекательная внешность, благородная душа и… красавица-невеста, с семьей которой он приехал в Пиренеи. Туда же отправился поохотиться Казимир Дюдеван в сопровождении своей жены. Аврора одержала победу с первого взгляда, но не пожелала воспользоваться её плодами. Она предложила Орельену нежную дружбу.

К тому времени за баронессой Дюдеван в Ноане прочно закрепилась слава необычайно умной женщины, и она могла позволить себе это маленькое развлечение. Совесть её была чиста: физически она супругу не изменяла. Развязка наступила со второй беременностью. Отцовство описывали некоему Стефану де Грансань: человеку наполовину чахоточному, наполовину безумному. Супруг Авроры предпочел признать родившуюся дочь своей. Обиднее же всего было Орельену де Сезу: ведь он лишь регулярно получал Авроры письма о красоте лунного света и прелестях философии Монтескье. И не более того. «Нежная дружба» мгновеННО рухнула. Мужья иногда предпочитают ничего не знать, отвергнутые же любовники не прощают ничего и никогда. Именно Орельен де Сез первым заговорил о безумном распутстве баронессы, поскольку был лишен возможности похвастать своим блаженством.

Тем не менее все это лишь гипотезы. Факты появились позже, когда на одном из пикников Аврора встретила очаровательного, хрупкого девятнадцатилетнего блондина Жюля Сандо, до безумия влюбившегося в прекрасную владелицу Ноана. Покорила его, правда, не столько женская красота, сколько мощный интеллект и сильный характер Авроры. А сама она была захвачена скорее материнским, нежели иным чувством: «малыш Сандо» полностью олицетворял собой её мечты о Прекрасном Принце — ребенке и возлюбленном одновременно.

Провинция посмотрела сквозь пальцы на связь своей «тигрицы» с юным парижанином. Но то, что осенью владелица Ноана бросилась вслед за своим любовником в Париж, было неслыханно! Но будущая Жорж Санд плевать хотела на провинциальных кумушек: в ней проснулась кровь прадеда — неукротимого маршала Мориса Саксонского. Она оставила мужа, детей, доброе имя и отправилась в Париж. Как она думала, к Жюлю Сандо. Как оказалось, к бессмертию.

В своем багаже Аврора привезла роман «Эме», написанный ещё в Ноане. Любовники нуждались в деньгах. Но роман был отвергнут. Тем не менее Авроре удалось проникнуть в журналистский мир Парижа и начать зарабатывать какие-то

гроши. Чуть позже она протащила за собой Жюля — и её, и его сгатьи подписывались любовниками: Ж. Сандо. Так был подписан и первый роман «Роз и Бланш», который удалось «пристроить». Затем Аврора уехала в Ноан, к детям. В Париж она вернулась с дочерью Соланж и очередным романом под названием «Индиана».

Жюль был потрясен: любовница явно превосходила его в том, что касалось литературного дара. Как честный человек, он отказался подписывать произведение, к созданию которого не имел никакого отношения. Аврора упорно отказывалась подписываться женским именем, будучи маниакально уверенной в том, что это обречет роман на провал. Наконец, нашелся компромисс: Жорж Санд. С этого дня она ставила в мужской род все прилагательные, которые относились к ней.

Роман имел головокружительный успех. А у Жорж Санд был уже готов ещё один — «Валентина» — и несколько прелестных повестей. «Малыш Сандо» почувствовал себя униженным как писатель:

> «Ты хочешь, чтобы я работал, мне тоже хотелось бы, но я не могу! У меня нет, как у тебя, стальной пружины в голове! Ведь тебе стоит только нажать кнопку, как сейчас же действует воля…»

Запомните эти пророческие слова. Именно в этом будут упрекать Жорж Санд все её мужчины без исключения. Не в неверности, не в холодности — в чрезмерной работоспособности! Не ищите логику, это бесполезно. Но факт остается фактом: мужчины появлялись в её жизни и исчезали, а неизменными оставались двадцать страниц «ежедневного урока». И так — до последних дней жизни. Какой мужчина способен простить такое? Или хотя бы понять?

Связь с Сандо продолжалась, хотя явно тяготила уже обоих. Прежде всего, Санд, которую начал раздражать постоянно утомленный, хнычущий, болезненный Жюль. И тут вмешалось Провидение, которым критики вечно попрекали Жорж Санд: на одном из званых вечеров она познакомилась со знаменитой актрисой того времени Мари Дорваль и её другом Альфредом де Виньи, открывшими для вчерашней провинциалки новый мир богемных кругов Парижа. И Жюль оказался лишним. Аврора, апатичная в повседневной жизни, могла быть по-мужски беспощадной, принимая окончательное решение.

Сама же она нашла утешение… нет, не в объятиях очередного мужчины: написала роман «Лелия», практически автопортрет. О женщине, пытавшейся найти счастье в физической любви и потерпевшей полное фиаско. В романе содержится поразительное

наблюдение: Дон Жуан шел от женщины к женщине, потому что ни одна из тысячи и трех не дала ему счастья. Лелия шла от мужчины к мужчине, потому что ни один них не доставил ей даже удовольствия.

Книга вызвала бурю негодования. Столько шума было из-за того, что героиня романа не способна испытывать блаженство в мужских объятиях! А все дело в том, что Жорж нарушила правила игры: женщина обязана его испытывать, по крайней мере, с любимым мужчиной. А тут — полное безразличие.

В жизни Жорж Санд все было непросто. За нею около двух лет ухаживал Проспер Мериме — писатель большого таланта и не меньшего цинизма. Однако все его маневры были безуспешны, пока он не догадался сделать очень смелый шаг: показался всему светскому Парижу на лестнице Оперы с маленькой Соланж, дочерью Жорж, на руках. Девочка уснула на последнем акте. Для такого поступка в то время требовалось немало мужества. И Санд оценила этот жест. А кроме того, Мериме удалось пробудить в душе Жорж Санд надежду на то, что для неё ещё может существовать чувственная любовь, удовлетворяющая тело и опьяняющая душу. Аврора колебалась. Лелия — уступила.

Провал был абсолютным с обеих сторон. Впоследствии Пропер утверждал, что отсутствие стыдливости у Жорж убило в нем всякое желание. Она же после его ухода плакала — от горя, отвращения, безнадежности. Она могла писать в любых условиях, но стать чувственной женщиной при помощи одного лишь волевого усилия никому не дано.

Жорж работала, как всегда, но сердце её молчало. И туг в её жизнь вошел человек, равный ей по одаренности — юный, стройный, красивый поэт Альфред де Мюссе. Ребенок, избалованный женщинами и славой, мужчина, пресытившийся шампанским, опием и проститутками.

Вначале он просто развлекал остроумными разговорами и блестящими эпиграммами женщину, в жизни которой не было ничего, кроме работы. К тому же она мечтала о верной и вечной побви, а слухи о распутстве «мальчугана Альфреда» её пугали. Тогда де Мюссе написал ей письмо, гениальное в своей простоте:

> «Любите тех, кто умеет любить: я умею только страдать… Про-цайте, Жорж, я люблю вас, как ребенок…»

Вернее пути к её сердцу просто не было. Перед ребенком она была беззащитна. Материнский инстинкт в Авроре всегда доминировал над женскими рефлексами. Она сдалась.

Увы, первые восторги быстро улеглись. Жорж, по-немецки

обязательная, считала делом чести сдать работу в установленный (ею же!) срок. Никакие ласки, никакие соблазны не могли её изменить. Она способна была, освободившись от объятий любовника, направиться к письменному столу и провести за ним остаток ночи.

Сперва все выглядело милой шуткой: «Я работал целый день: выпил бутылку водки и написал стихотворение. Она выпила литр молока и написала половину тома». Но потом де Мюссе уже было не до смеха. Любовники отправились в романтическое путешествие по Италии, но…режим работы Санд оставался прежним: восемь часов в день. Если дневное задание бывало невыполненным, вечером её дверь оказывалась запертой. Ее измученный и униженный любовник становился грубым. «Мечтательница, дура, монахиня» — это самые невинные его выпады в адрес подруги. Санд переносила уколы с ангельским терпением, полагая, что её «мальчуган» просто капризничает. «Мальчуган» же нашел более уязвимую точку и обвинил Санд в том, что она не способна доставлять любовное наслаждение. Это было началом конца.

Существует легенда о венецианском любовнике Санд, враче Паджелло, лечившем её сначала от лихорадки, потом от дизентерии. Желание и болезнь плохо уживаются вместе, и в один прекрасный день Жорж услышала от своего «мальчугана»: «Я ошибался, я прошу у тебя прощения, но я не люблю тебя». Она бы уехала в ту же секунду, но болезнь не позволила. К тому же Паджелло пришлось одновременно лечить де Мюссе от чего-то вроде воспаления головного мозга: припадков, сопровождавшихся галлюцинациями и бредом. В больном мозгу возникала картина: его любовница (замечу, уже отвергнутая им) отдается его врачу прямо у изголовья кровати больного. И эта сказочка пошла гулять по всей Европе, приобретя, наконец, статус непреложного факта. Самое интересное, что злополучный припадок начался у де Мюссе в венецианском доме терпимости, откуда его, избитого и окровавленного, принесли в гостиницу к Жорж. Даже если в легенде о Паджелло есть хоть толика правды, можно сказать одно: квиты. История, однако, благосклоннее оказалась к поэту, нежели к писательнице.

Как бы то ни было, де Мюссе уехал в Париж, а Санд осталась в Венеции с Паджелло. Достоверно известно, что из Италии Жорж привезла с собой роман «Жак», прекрасные впечатления от Венеции и… влюбленного в неё доктора.

Зачем? А чтобы вернуть де Мюссе! Хотя бы на время: бросить самой, а не быть брошенной. Очень похоже на типично мужское желание. Ловушка «сработала» безупречно — «мальчуган»

вернулся. И три месяца спустя Санд сбежала от него в Ноан, обставив это с такой ловкостью, что Альфред все понял слишком поздно. Но в любом случае именно Жорж Санд он обязан тем, что написал блистательную пьесу «С любовью не шутят», по сей день не сходящую с французской сцены. Гениальный плод любви гениев!

Что же касается Санд, то она днем или ночью непременно исписывала своим крупным, спокойным почерком двадцать положенных листков, вне зависимости от хода своих романов в жизни. О примирении с мужем и речи быть не могло. «Даже сама мысль о сближении без любви гнусна! Женщина не может отдаваться, как вещь!»

Значит, нужно было развестись. Друзья познакомили её с адвокатом Луи Мишелем, уже тогда известным под именем «Мишеля из Буржа». Впервые в жизни Жорж Санд имела дело с человеком, более волевым, чем она. Это были новые для неё ощущения, и они вызвали сначала любопытство, переродившееся впоследствии в страсть. Однако до решения суда следовало вести себя благоразумно, и Аврора больше месяца вела уединенную жизнь в Ноане: плодом этого стал великолепный роман плаща и шпаги «Мопра».

Жорж Санд оставалась верна себе. Она писала сыну в пансион нежные письма, воспевая в них добродетель, и… тайком встречалась с Мишелем под самым носом у мужа. И по-прежнему неустанно работала. Однако после четырнадцати часов, проведенных за письменным столом, у неё хватало сил отправиться верхом на любовное свидание. Но когда Мишель добился благоприятного для Авроры исхода бракоразводного процесса, отношения между любовниками стали стремительно охладевать. Жорж Самд восхищалась Мишелем-оратором. Мишель-человек её подавлял и унижал. О каждом свидании Жорж должна была умолять. Наконец, её терпение кончилось.

Спустя полгода Жорж Санд впервые встретилась с Оноре де Бальзаком. Великий романист совершил, по его словам, «паломничество в Ноан», испросив предварительно разрешения у хозяйки и музы поместья. Она приняла его самым дружеским образом.

Наконец-то исполнилась мечта Санд: она нашла собеседника — именно собеседника, а не возлюбленного и даже не друга! — под стать себе. Самое интересное заключалось в том, что их убеждения были диаметрально противоположны. Она была республиканкой, он — монархистом. Она проповедовала эмансипацию женщин и брак по любви, он — ограничение свободы замужней женщины и брак по расчету… Тем не менее

они прекрасно проводили время в беседах и, не разделяя убеждений друг друга, уважали их. Какой праздник души для Авроры! Любопытно, что после личного знакомства с Жорж Санд и Бальзак написал один из своих лучших романов «Беатриса, или Вынужденная любовь».

О последней большой любви Жорж Санд написаны, наверное, сотни томов. И не потому, что она совершала какие-то необыкновенные безумства. Предметом её страсти, обожания и заботы (обязательные для неё компоненты) стал молодой польский пианист, гениальный композитор Фредерик Шопен. Он был моложе её на семь лет, но прекрасно мог бы стать её сыном: столько в нем было слабости, наивности и… болезненности. Хрупкость в мужчине всегда привлекала Жорж Санд. Шопен был не слишком искушен в любовных делах, но «ребенку» было уже двадцать семь лет. А «стареющей» обольстительнице — страшно сказать! — тридцать четыре года!

В дневнике Шопена в октябре 1837 года написано: «Три раза я снова встречался с нею. Она проникновенно смотрела мне в глаза, пока я играл… Кругом цветы. Я был побежден! Аврора — какое очаровательное имя!»

Жорж Санд всегда жаждала супружеской жизни с новым любовником и вместе с тем непреклонно соблюдала свой рабочий распорядок. То же самое произошло и на Майорке, куда она осенью 1838 года привезла «двух своих больных детей»: сына Мориса и… Шопена. Шопен сочинял музыку, Санд — романы. Одновременно она ухаживала за вечно больным Фредериком. Теплый климат и заботы возлюбленной несколько восстановили его здоровье. Полгода спустя любовники вернулись в Ноан, полные стремления начать там новую семейную жизнь. И сын, и дочь Жорж Санд поселились вместе с ними. Бесстыдство? Скорее. стремление иметь «под боком» всех близких и любимых людей, нуждавшихся к тому же в опеке Жорж.

Эта пастораль продолжалась семь лет. Хотя многие биографы Санд упрямо называют срок в два года. В этой цифре справедливо только одно: именно два года она пыталась добиться окончательного выздоровления Шопена. А потом смирилась с тем, что её «третьему ребенку» полезна не только умеренность, но и полное воздержание. И сама поступила так же.

> «Семь лет я живу, как девственница, рядом с ним… Знаю, что многие люди обвиняют меня, что я его измотала необузданностью своих чувств. А он, он жалуется мне, что я его убиваю своими отказами…»

И все-таки, если Жорж Санд и не вылечила Шопена, то, по

крайней мере, укрепила его здоровье своей заботой. А главное: всегда поощряла его творчество. Если бы. не её ласковая рука на его плече, был бы он тем Шопеном, которого признает весь мир? Да и прожил ли бы он столько?

В «шопеновский» период она написала один из лучших своих романов — «Консуэло», пропитанный огромной, высокой страстью к музыке и искусству. Это произведение бессмертно, как и музыка композитора, чей образ вдохновлял романистку. Воистину, неисповедимы пути… вдохновения!

Банально, но верно: любовь начинается с больших чувств, а кончается маленькими ссорами. Шопен был не самым легким в общежитии человеком. Жорж Санд приходилось лавировать между его мнительностью, ревностью сына Мориса и злыми капризами дочери Соланж. Последняя доходила до того, что открыто кокетничала с Шопеном, к великому соблазну провинциальных соседей и досужих сплетников, и ловко стравливала целомудренного Шопена с легкомысленным своим братом. В Ноане прочно воцарилась удушливая атмосфера ссор.

В результате Шопен уехал из Ноана в Париж. Но и там Соланж, уже вышедшая замуж по страстной любви за известного скульптора, упорно настраивала Шопена против своей матери, приписывая ей бесчисленных (и, замечу, вымышленных) любовников. Композитор поверил и резко прекратил все отношения с Жорж Санд, в том числе и переписку. Та не стала выяснять отношения. Отныне она хотела знать о Шопене только одно: как он себя чувствует.

Последняя встреча — совершенно случайная — произошла у Жорж Санд с Шопеном в гостиной у общих знакомых. Оба бывших любовника проявили абсолютное равнодушие друг к другу. Примечательно в этой встрече было только то, что именно от Шопена Жорж Санд узнала: накануне она стала бабушкой. Сама дочь не удосужилась сообщить об этом матери. Шопен умер полтора года спустя после этой встречи.

Достоверно известно: после Шопена Жорж Санд никого не любила. Правда, в её жизни была ещё одна привязанность, но не более того. Даже самые откровенные недоброжелатели госпожи Санд признавали, что пятнадцать лет, с сорока пяти до шестидесяти, она тихо и мирно прожила со своим последним любимцем — Александром Мансо, Он был моложе её на тринадцать лет, худ, слабогруд и абсолютно ни на что не претендовал. Забота о нем, любовь к сыну, управление домом и… двадцать страниц романа каждую ночь.

Да-да, ошибки нет: каждую ночь. С возрастом госпожа Санд из «жаворонка» превратилась в «сову» и вставала не раньше

четырех часов дня. Она также предпочитала спокойный и размеренный образ жизни. Ей не о чем было сожалеть: у неё была любовь (в прошлом) и слава (в настоящем).

К тому же наступило время утрат. Навсегда уходили и близкие подруги, и бывшие возлюбленные, и даже любимый внук. Скончался и Александр Мансо. Пять месяцев Жорж ни на один день не покидала умирающего. Он скончался на её руках, как когда-то хотелось Шопену.

Дальше? Дальше была нежная, но совершенно невинная дружба с Густавом Флобером. Покровительство без оттенка снисхождения Александру Дюма-сыну. Она ещё продолжала писать романы, но скорее по привычке, нежели по необходимости.

Парижскую коммуну республиканка Санд восприняла как «недостойную французов безумную выходку». Что ж! Теперь она была прежде всего бабушкой и превыше всего заботилась о том, чтобы три её внучки не лишились наследственного состояния.

Жорж Санд скончалась 8 июля 1876 года в возрасте 72 лет и 7 дней на руках у своих родных…

Рассказывая одной из молодых писательниц о своей жизни, она попросила в случае, если в её присутствии будут обвинять Жорж Санд в вероломстве, отвечать так:

> «Если Жорж Санд потеряла право быть судимой как женщина, она сохранила право быть судимой как мужчина, и в любви она была самой честной из вас. Она никогда не обманывала, никогда у неё не было одновременно двух любовников. Ее единственная вина была в том, что в те времена, когда искусство было на первом месте, она всегда предпочитала общество людей искусства и мужскую мораль ставила выше женской. У меня есть опыт в любви, увы, очень полный! Если бы я могла начать жизнь сначала, я была бы целомудренной!»

Что ж, великая Аврора знала себя лучше, чем кто бы то ни было, поэтому добавить к её монологу нечего.

Две невестки Петра Великого

О двух женщинах — кронпринцессе Шарлотте и крепостной девке Ефросинье — известно очень немного. Пожалуй, лишь то, что одна из них была женой, а вторая — любовницей царевича Алексея. А между тем именно им, точнее, их отношениям с несчастным царевичем Алексеем Петровичем Россия обязана сотрясавшим её в течение почти всего восемнадцатого века смутам, дворцовым заговорам и переворотам. Если бы царевич уделял больше внимания жене, то спокойно унаследовал бы корону своего великого отца. Но Алексей предпочел любовь крепостной девки, ради которой отказался и от короны, и от скипетра, и даже от собственных детей.

Все это, разумеется, не приходило в голову царю Петру, когда в 1690 году от немилой законной жены Евдокии родился у него сын и наследник Алексей. Впрочем, видел он свое чадо крайне редко, поручив его заботам любимой сестры, старой девы царевны Натальи. В девятнадцать лет молодой царевич отравляется за границу — грызть гранит науки. Там год спустя его настигло письмо отца следующего содержания:

> «Объявляю вам, что по прибытии к вам господина князя Меншикова ехать в Дрезден, который вас туда отправит, и, кому с вами ехать, прикажет. А когда скончишь, пиши нам. За сим управи Бог путь ваш».

«Отпиши» — означало конец учебы и женитьбу. Для того и был командирован в Германию Меншиков — правая рука и доверенное лицо царя Петра. Преобразователь России задумал искоренить ещё один русский обычай: избирать невесту в царский дом средь своих же подданных, и породниться с каким-нибудь иностранным вгустейшим семейством. Меньше всего при этом он склонен был спрашивать мнение собственного сына, хотя сам в молодости довольно настрадался от навязанного ему матерью и боярами брака без любви. И не задумывался над тем, что его собственный «гражданский брак» с простолюдинкой Мартой может подтолкнуть царевича Алексея к кое-каким не совсем приятым для отца выводам. Тем не менее Меньшиков принялся усердно искать невесту наследнику русского престола. И нашел её в 1710 году. Принцесса бланкенбургская София-Шарлотта была сестрой австрийской императрицы Елизаветы. «Дом наших ватов — изрядный», — писал Петр своему сенату.

Надо думать! Австрийский двор был одним из самых

церемонных и самыъ роскошных в Европе. Шестнадцатилетняя кронпринцесса Шарлотта была приучена жить в роскоши, имела многочисленную прислугу, целый штат придворных дам. Она и представить себе не могла, какая жизнь ждет её в далекой России.

В конце 1710 года Алексей пишет отцу, что готов исполнить его волю — жениться на иноземке. Он был достаточно умен (вопреки сложившемуся о нем в истории мнению), понимал: противиться воле отца бессмысленно. Прикажет — на лягушке женишься.

В августе 1711 года состоялось бракосочетание царевича Алексея с принцессой Шарлоттой. Молодая жена сохранила лютеранское вероисповедание, но дала обещание воспитывать будущих детей в православии. Венчание состоялось в Дрездене, а через три дня царевич получил приказание отца… немедленно отправиться в Россию и там заведовать продовольствием для армии. Такой «подарок» царственного свекра шокировал не только новобрачную, но и весь двор.

Лишь через полгода принцесса встретилась со своим мужем, приехав к нему в армию. В каких условиях пришлось там жить Шарлотте, остается только догадываться. Сам царевич не ломал голову над удобствами для молодой жены: он привык к тому, что его мачеха, «сердечненький друг Катеринушка», безропотно делит с отцом все тяготы военно-кочевой жизни. О том, что бывшая прачка получила несколько иное воспитание, нежели немецкая принцесса, никто не задумывался. Более того, три месяца спустя Петр отправляет сына в действующую армию, а принцесса целый год вынуждена жить в одиночестве в заштатном прибалтийском городе Эльбине, не имея денег на самое необходимое.

Петр тем временем официально женится на «друге Катеринушке» и становится отцом долгожданного сына Петрушеньки — «шишечки», как его называют счастливые родители. Тут не до невестки и не до старшего сына: не путаются под ногами — и ладно.

Понадобилось вмешательство ближайших советников Петра, чтобы разъяснить царю щекотливость ситуации. Народ с недовольством воспринял женитьбу царевича-наследника на иноземке, иноверке, так нужно её как можно скорее привезти в столицу, постараться склонить к православию, да и о наследнике подумать. Петр посылает невестке приказ ехать в Россию. Кронпринцесса наконец прибыла в Северный Парадиз — Санкт-Петербург, где её встретили льстивые, раболепные придворные и… известие о том, что ни мужа, ни свекра она не увидит. Оба — в очередном военном походе.

Наконец Алексеи вернулся в Петербург. Полгода они с

принцессой Шарлоттой смогли провести вместе, и народу наконец объявили долгожданную весть: её высочество в тягости и к середине года родить изволит, если на то воля Божья будет. Первенец Алексея и Шарлотты родился ровно через три года после свадьбы. Это была девочка, крещенная Натальей — любимое имя царя Петра. Впрочем, новоявленный дед добродушно попенял невестке, что внук его обрадовал бы больше, чем внучка. И Шарлотта обещала, что следующим будет мальчик, «ежели ваше царское величество соизволит мне с мужем разлучаться реже».

И хотя царевич Алексей уже по собственной инициативе не слишком много времени уделял жене, она выполнила свое обещание и через год, в 1715 году, родила сына, царевича Петра, будущего императора Петра Второго. Роды прошли благополучно, но через несколько дней родильная горячка свела Шарлотту в могилу. Ей не было ещё и двадцати двух лет.

В Германии утверждали, что её свела в могилу печаль. Слишком одинокой и никому не нужной оказалась она в России. Возможно, в этом была доля истины. Но сама принцесса не сделала ни малейшей попытки приспособиться к новым условиям жизни. Ни слова не знала по-русски, не общалась ни с кем, кроме своих придворных дам-саксонок. Петр ошибся в своих расчетах: иноземка-невестка ничем ему не помогла. Только внука родила — так ради этого не стоило родниться с австрийским императором и вызывать лишнее неудовольствие бояр и духовенства.

А самое печальное заключалось в том, что вялая и малотемпераментная Шарлотта совершенно не привлекала своего мужа как женщина, и тот начал искать утешения на стороне. Нашел он его довольно быстро, ещё при жизни жены, и утешение это, переросшее в страстную любовь, стоило впоследствии царевичу жизни.

Ефросинья Федорова, крепостная девка, была отдана царевичу Алексею одним из тех его приятелей, которым он в минуты раздражения жаловался на «жену-чертовку». И очень скоро царевич жизни себе не мыслил без этой простой девушки, с которой не только отдыхал, но и советовался. После смерти законной супруги он наконец-то смог уединиться со своей ненаглядной Ефросиньюшкой. Правда, ненадолго, ибо пришло грозное письмо от отца, в котором Петр требовал от Алексея сделать выбор — или стать настоящим сподвижником государевых дел и наследником, или отказаться от престола и постричься в монахи. Ни в том, ни в другом варианте Ефросинье места не было.

И царевич решил скрыться от отца в каком-нибудь

европейском государстве.

Бежал он не куда-нибудь, а в Вену, к родственникам своей покойной жены. Там он поведал австрийскому вице-канцлеру следующее:

> «Я ничего не сделал отцу, всегда был ему послушен, ни во что не вмешивался, ослабел духом от преследований, потому что меня хотели запоить до смерти. Отец был добр ко мне. Когда у меня пошли дети и жена умерла, то все пошло дурно. Она с князем Меншиковым постоянно раздражапа отца. против меня, оба люди злые, безбожные, бессовестные. Я против отца ни в чем не виноват, люблю и уважаю его по заповедям, но не хочу постричься и отнять о права у бедных детей моих, а царица с Меншиковым хотят меня уморить или в монастырь запрятать. Никогда у меня не было охоты к солдатству, но все поручения отца по армии я исправно выполнял, и был он мной доволен. А потом мне дали знать, что приверженцы царицы и Меншикова хотят меня отравить, для чего подговорили отца вызвать меня к себе, дабы у них на глазах находиться, или в монастырь идти. Сказал я, что к отцу еду, а сам сюда приехал, дабы просить покровительства и убежища для себя и детей моих в память о жене».

Интересно, в каком качестве представил тогда Алексей свою спутницу? Впрочем, Ефросинья путешествовала, переодетая пажем. В таком виде она укрывалась с царевичем в крепости Эренберг недалеко от Вены. Когда ищейки Петра напали на след царевича, перебралась с ним в Италию, в Неаполь. А в Вену с требованием выдачи царевича явился Петр Толстой. Он заявил, что Россия готова объявить Австрии войну, если дело не решится мирно, путем переговоров. Австрийцы немедленно раскрыли секрет местонахождения царевича, и вице-король Неаполя сообщил Алексею, что, если он не подчинится воле отца и не вернется на родину, его разлучат с Ефросиньей.

Только этим обманом и напугали царевича. Чтобы не расставаться с возлюбленной, он решил ехать в Россию. С двумя условиями: разрешить ему жить в деревне и обвенчаться с Ефросиньей. На свой страх и риск Толстой ему это обещал — и повез своего царственного пленника к Петру. Беременная Ефросинья ехала медленнее, особым поездом. А Алексей всю дорогу упрашивал Толстого задержаться, дождаться Ефросинью, дать ему обвенчаться с нею и уж потом являться на глаза грозному батюшке. Толстой вилял и тянул время, пока не

подоспела депеша от самого Петра:

> «Мои господа! Письмо ваше я получил, и что сын мой, поверя моему прощению, с вами действительно уже поехал, что меня зело обрадовало. Что же пишете, что желает жениться на той, которая при нем, и в том весьма ему позволится, когда в наши край приедет, хотя в Риге, или в своих городах, или в Курляндии у племянницы в доме (герцогини Анны Иоанновны), а чтоб в чужих краях жениться, то больше стыда принесет. Буде же сомневается, что ему не позволят, и в том может рассудить: когда я ему такую великую вину отпустил, а сего малого дела для чего мне ему не позволить? О чем наперед сего писал и в том его обнадежил, что и ныне паки подтверждаю. Также и жить, где похочет, в своих деревнях, в чем накрепко моим словом обнадежьте его».

Ясно, что прощение получено полное. Ведь и отец был не без слабостей: любил когда-то дочь виноторговца Анну Монс, а теперь бывшую пленную немку-прачку царицей сделал. Отчего же и сыну не позволить любить ту, которая ему дороже всего на свете? Тем более что в наследниках мужского пола и без него уже недостатка нет: младший сын от Катеринушки, внук…

3 февраля 1718 года царевич предстал в Кремле перед отцом. Бросился ему в ноги, во всем повинился, со слезами просил помилования. Петр простил на условиях — отказаться от наследства и открыть своих сообщников в побеге. Царевич отрекся от престола в Успенском соборе перед Евангелием и подписал отречение. И выдал всех, кто ему помогал. За полтора месяца розыска свыше десяти приближенных царевича приняли мученическую смерть на колу или на колесе. А Алексей ждал свою возлюбленную, мечтал о тихой жизни с ней в деревне. В светлый праздник Пасхи на коленях умолял мачеху похлопотать ещё раз перед отцом за этот брак. Буря, казалось, миновала. И тут в Петербург приехала Ефросинья, которую решили допросить — просто так, для порядка. Никто и подумать не мог, что её показания приведут к такой страшной развязке. По неведению или из желания спасти себя, эта женщина открыта такое, до чего никто не докопался и чего царь даже и не ожидал.

> «Писал царевич письма по-русски к архиереям, и по-немецки в Вену, жалуясь на отца.
>
> Говорил царевич, что в русских войсках бунт и что это его весьма радует.
>
> Радовался всякий раз, когда слышал о смуте в

России.

Узнав, что младший царевич болен, благодарил Бога за милость сию к нему, Алексею.

Говорил, что „старых“ всех переведет и изберет „новых“ по своей воле. Что когда будет государем, то жить станет в Москве, а Петербург оставит простым городом, кораблей держать не станет вовсе, а войско — только для обороны, ибо войны ни с кем не желает.

Мечтал, что, может, отец его умрет, тогда будет смута великая, ибо одни станут за Алексея, а другие — за Петрушу — „шишечку“, а мачеха глупа зело, чтобы со смутой справиться…»

Перед Петром встал страшный выбор. На то, чтобы казнить родного сына, даже он не мог решиться сразу. Сердечный друг Катеринушка просила сохранить царевичу жизнь, постричь его в монахи. Царь резонно возразил:

— Клобук монашеский к голове не гвоздем прибит.

26 июня 1718 года царевича Алексея не стало. О дальнейшей судьбе Ефросиньи и её ребенка ничего не известно. Но если бы у неё хватило ума помолчать — вполне могла когда-нибудь оказаться на престоле российском, и не было бы кровавого царствования Анны Иоанновны, убийства внучатого племянника Петра — Петра Третьего прочих событий, стоивших жизни десяткам тысяч ни в чем не повинных людей.

Две женщины имели роковое значени в трагической судьбе царевича Алексея, две невестки герра Питера — законная и незаконная — лишили его старшего сына и фактически пресекли род Романовых.

Французы правильно говорят: «Ищите женщину».

Таинственный старец, или Три жизни боярина Федора Никитовича Романова

«…По черной, топкой дороге ехал возок. Тянули его две пары разнопегих лошадок в веревочной сбруе, с подвязанными хвостами. За возком ехали бояре, гости и выборные лучшие люди. В окошечко из возка на косматый, драный, угрюмый народ глядел худенький отрок с опухшими глазками. Боязно было принимать венец Михаилу Романову, тяжко, уныло…»

Алексей Толстой «Повесть смутного времени».

Действительно. Михаилу Федоровичу Романову радоваться было нечему. Мысль призвать его на царство пришла высшим государственньм сановникам в тяжелое для России, воистину смутное время. За год до этого народное ополчение Минина и Пожарского освободило Москву от польской оккупации, но страна бьпа разорена, истощена, обескровлена.

По официальной версии, на царство был избран отнюдь не лучший, но — самый удобный. Михаил Романов был слаб здоровьем. не слишком силен умом и чрезвычайно благочестив, хотя от роду имел тогда всего 16 лет. Даже его богобоязненных современников поражала глубокая набожность царя. Ежедневно он отстаивал по 5–6 часов церковной службы, в праздники к тому же присутствовал на пышных служениях в соборах.

Был Михаил Федорович образцовым семьянином. Женился он по любви на бедной девушке из захудалого рода Стрешневых — Евдокии и в счастливом браке прижил десятерых детей. В живых, правда, к великому горю родителей, остались только пятеро — сын Алексей и четыре дочери, но все-таки Бог благословил династию Романовых наследником престола.

Горячо любил и почитал царь своих родителей, которым, отлучаясь из Москвы на очередное богомолье, регулярно писал письма. Причем отнюдь не царские, а вполне человеческие. В основном Михаил Федорович сообщал о своих болезнях: болела

вся правая сторона тела, отекали ноги, донимало сердце. Сверх того он страдал «кручиной» или. как бы сейчас сказали, частенько впадал в депрессию.

Вот такой человек взял в руки бразды правления Россией в лихую годину. Такой царь должен был примирить (а иногда и усмирить!) враждующих бояр, вернуть церкви прежний авторитет, а государственной власти — бьютую силу. И… после 32-летнего правления Михаил Федорович — первый царь из семейства Романовых — передал своему сыну Алексею державу в таком состоянии. как будто бы смутного времени и сопутствовавшей ему разрухи и в помине не было.

Похоже на чудо. Но почему-то никого из историков до последнего времени не беспокоит этот очевидный парадокс: хилый, слабоумный человек, проводивший почти все время в церкви, на богомолье или в семейном кругу, вытащил страну из катастрофического, почти гибельного положения. Он же сумел не только усмирить строптивых бояр, но и не озлобить их.

Советники? История не сохранила ни одного имени. А боярская Дума состояла из тех же людей, которые способствовали или непосредственно участвовали в прежних смутах, междоусобицах, убийствах. Так, может быть, все-таки действительно очередное российское «чудо»?

Нет, чудес в политике, а тем паче в экономике не бывает. За спиной первого царя дома Романовых стоял человек более чем незаурядный, щедро одаренный природой, знатный и богатый российский дворянин, Патриарх всей Руси Филарет. Человек, проживший, можно сказать, три жизни. Первую — светскую жизнь придворного, близкого родственника Ивана Грозного, баловня судьбы Вторую — изгнанника, узника, насильственно постриженного в монахи, потерявшего почти всех родных, состояние, жившего под постоянной угрозой бели. И третью — могущественного вельможи, церковного владыки, тонкого политического интригана, фактического правителя России, основателя царского дома Романовых, правивших более трехсот лет. И все это — одно и то же лицо. Так кто же он — от загадочный многоликий старец?

Об этом человеке известно довольно много, но лишь в общих чертах. За время его жизни (ни много ни мало — восемьдесят лет, немыслимый по тем временам срок!) Россия прошла один из самых нелегких отрезков своей истории. Скончался тиран Иван Грозный, таинственно погиб его сын, царевич Дмитрий, умер бездетным ещё один сын — Федор. Народ «выбрал» царем Бориса Годунова, а после его смерти (вряд ли естественной) Филарет

пережил двух самозванцев, разорительное нашествие поляков, ещё одного «демократически выбранного» царя Василия Шуйского. И, наконец, в стране установилась абсолютная наследственная монархия: на смену вымершей династии Калиты пришла династия Романовых.

Патриарх Филарет видел все эти события собственными глазами. А если верить некоторым источникам и слухам и сопоставить кое-какие факты, то в большинстве случаев принимал самое активное участие в исторических событиях. Ибо по знатности рода был, после сыновей Ивана Грозного, первым среди русского дворянства. Федор Никитович Романов (в монашестве — Филарет) происходил из древнего старомосковского рода.

Боярин Роман Юрьевич Захарьин, женился на княжне Евдокии Горбатой-Шуйской из рода великого князя Андрея Суздальского. Дети от этого брака получили фамилию Романовых и по женской линии являлись прямыми потомками князя Владимира Святого. Дочь боярина Романа, Анастасия, стала первой женой царя Ивана Грозного. Выше, казалось бы, и некуда. Но царский тесть, боярин Роман, держался достаточно скромно.

Куда более активным оказался его старший сын, Никита, родной брат царицы Анастасии. Активным, но умным. Даже сумасшедший тиран — а именно таким в последние годы своего царствования был Иван Грозный, — умирая, завещал своему шурину, а не кому-либо еще. быть опекуном своего сына Федора, человека откровенно слабоумного. Неизвестно, как обернулась бы история государства Российского, если бы женой этого дурачка не стала умная сестра «худородного» Бориса Годунова. И если бы через год после Ивана Грозного не скончался бы и сам Никита Романович.

Осталось пятеро сыновей Романовых: Александр. Федор. Василий. Иван и Михаил. Все — почти но Пушкину — «красавцы молодые, великаны удалые». А лучше, умнее и красивее всех был Федор Никитович.

Более того, Федор получил очень серьезное по тем временам образование: знал английский, по собственной воле изучил латынь. Не только любил читать, что тогда вообще было редкостью, но и собрал большую библиотеку — занятие вообще неслыханное для русского боярина. Острый ум, родовитость, умение ориентироваться в придворных интригах — все это позволило Федору Никитовичу сделать при дворе блистательную карьеру: не достигнув тридцати лет. он уже был назначен одним из главнокомандующих русским войском и наделе, а не формально, принимал участие в сражениях против Швеции.

Сражениях, заметим. победоносных.

В общем, не случайно народная молва упрямо твердила, что перед смертью царь Федор Иоаннопич якобы указал на Федора Никитовича, своего кузена, как на возможного наследника престола. Есть ещё одно косвенное свидетельство тому, насколько серьезно примерялся Федор Романов к царскому престолу.

За семь лет до смерти царя Федора Иоановича в Угличе при таинственных обстоятельствах погиб его младший сводный брат — царевич Дмитрии, воцарения которого бояре боялись как огня. Ребенок был весь в отца, и уже в семилетнем возрасте не скрывал ни скверного характера, ни твердого намерения расправиться с осмелевшими боярами. Но не успел — погиб.

Уже тогда в таких случаях назначали особую комиссию и отправляли её расследовать ситуацию. Высокая комиссия (в состав которой входили, по странному совпадению, будущий царь Василий Шуйский и Федор Романов) прибыла в Углич и там, по сведениям очевидцев, сделала все, чтобы запутать следствие. Во-первых, выяснив, что предполагаемые виновники трагедии были на месте растерзаны «возмущенной толпой», следственная комиссия выявила зачинщиков самосуда и… разумеется, предала их немедленной казни. За самоуправство. Во-вторых, спешно заставила мать царевича, вдовствующую царицу Марию, постричься в монахини. В-третьих, доложила в Москву, что царевич стал жертвой несчастного случая, «напоровшись на ножичек, коим играл». Все эти «мероприятия», естественно не прошли незамеченными, но народная молва приписала их Борису Годунову. В основном потому, что он первым сумел извлечь выгоду из безвременной кончины царевича Дмитрия.

Через семь лет после гибели Дмитрия скончался царь Федор Иоаннович, Династия, основанная Иваном Калигой, прекратилась. Хотели было короновать вдову Федора — Ирину, в девичестве Годунову, но та, будучи женщиной очень неглупой, предпочла надеть монашеский клобук. Инокиня Александра — под таким именем постриглась Ирина — тихо окончила свои дни в монастыре и, наверное, немало молитв вознесла за здравие своего чрезмерно азартного брата. А Борис Годунов занял престол, не имея на него, в глазах общества, никаких прав. «Всенародное избрание» его царем означало только, что верховное боярство не смогло занять единую позицию и выставить «альтернативную кандидатуру», как это произошло впоследствии с Михаилом Романовым.

Царь Борис оказался достаточно хорошим правителем (страна при нем отдохнула от войн с внешними врагами), но очень плохим политиком внутренним. Множество знатных

боярских фамилий было подвергнуто им всевозможным унижениям и преследованиям. Это было бы ещё полбеды, пойди Борис путем своего царственного зятя Ивана Грозного. Но он не осмеливался никого казнить: только ссылал, заставлял постричься в монахи, подвергал бесконечным мелким пакостям. То есть вел себя не как царь, а как заурядный склочник, за что. естественно, со временем и поплатился. Мало кто верит в то, что Борис умер своей смертью. Наверняка он был отравлен, и немудрено: любому подсыплют яду в суп, если он прикажет знатному боярину выщипать бороду по волоску и при этом оставить в живых. А именно так поступили по приказу Годунова с боярином Бельским.

Больше всех при этом пострадала семья Романовых, обладавшая серьезными правами на занятый Борисом престол. Все братья Федора Никитовича были сосланы или посажены в тюрьму. С Федором же Никитовичем поступили особо: его самого и супругу, Ксению Ивановну, насильно постригли в монахи: его под именем Филарета, а её — под именем инокини Марфы. Местом пребывания Филарета определили Антониево-Сийский монастырь, в 100 верстах от Холмогор, а Марфу отправили в женский монастырь в Заонежье. Их дети — сын Михаил и дочь Татьяна — также отправились в ссылку далеко-далеко от Москвы.

Разумеется, для столь сурового обращения с родовитейшими людьми государства нужен бып более или менее убедительный предлог. Его и нашли, не гоняясь за оригинальностью. Романовых (всех сразу) обвинили ни больше ни меньше, как в казнокрадстве и по этому поводу учинили ночной вооруженный обыск их усадьбы. Что искали, то и нашли — мешки с пряностями («корешками»), якобы украденные с царского склада. Как видно, традиции ночных арестов и обысков с подброшенными уликами на Руси имеют весьма глубокие корни.

Конечно, многочисленная и хорошо вооруженная дворня Романовых оказала Годуновским особистам-стрельцам достойное сопротивление.

И вот что интересно: среди этой дворни находился некто Георгий (или Юрий) Отрепьев, которому Федор Никитович оказывал особое покровительство. Одни считали юношу побочным сыном боярина. Другие… спасенным от смерти царевичем Димитрием.

Будущее развитие событий показало, что Федор Никитович прекрасно умел не только просчитывать партию на много ходов вперед, но и вовремя переметнуться из одного стана в другой. Игра рискованная, но в случае удачи приносящая ощутимый выигрыш.

Казалось, что после насильственного пострижения в монахи путь к светской власти для Филарета был отрезан. Он мог мечтать только о том, чтобы проложить дорогу к трону своему сыну. Единственному, между прочим, сыну, что делало игру ещё более азартной.

В возрасте 47 лет начал Филарет свою вторую жизнь. Первые годы в монастыре прошли для него в состоянии, как сказали бы сейчас, депрессии. Он безумно тосковал о семье, беспокоился о том, жив ли ею сын и наследник, и даже малодушно — как он сам впоследствии говорил — молил Бога послать ему смерть, чтобы избавить от невыносимых страданий ссылки. Бог же судил своему новому слуге совсем иную судьбу.

В Польше объявился «чудесно спасенный» царевич Дмитрий, более известный в истории под именем Лжедмитрия I. А на самом-то деле Гришка Отрепьев. И тут же поведение Филарета резко изменилось, хотя теоретически он находился в строжайшей изоляции и никаких связей с внешним миром не мог иметь. Но разве можно бьию уследить за всеми бродячими монахами, нищими, паломниками, которые кочевали из монастыря в монастырь и по России, и по Польше?

Безусловно, Филарет поддерживал связи со своими тайными сторонниками (а возможно, и с самим Лжедмитрием). Во всяком случае, «смиренный монах» вдруг начинает проявлять все признаки душевного подъема.

Дальнейшие события лишь подтвердили то. что у Филарета были прекрасные осведомители. Борис Годунов скоропостижно умирает, самозванец вступает в Москву, и на опальных бояр Романовых проливается ска зочный ливень милостей.

Лжедмитрий I с почетом вернул Филареп из ссылки в Москву, где ему торжественю пожаловали сан митрополита Ростовского. Были и многие другие милости, но Филаре предпочел немедленно отправиться в пожалованную ему епархию и — что особенно интересно! — не сделал даже попытки вызвать к себе жену и детей. Возможно, одна, или две тайные встречи и состоялись, но обостренное чутье политика, очевидно, подсказывало новоиспеченному митрополиту Ростовскому, что лучше не напоминать о существовании его наследника. О том, что самозванец недолго процарствует, Филаре знал лучше, чем кто бы то ни было, коль скоро он сам, по-видимому, принимал достаточно активное участие в создании это!й фигуры. Григории Отрепьев был нужен ему лишь для того, чтобы свалить династия Годуновых и посеять смуту в стране. Немало потрудившись для появления первоп русского самозванца (сколько их потом будет!). Филарет удалился в Ростов и стал терпеливо выжидать.

Этот удивительный человек даже очевидные поражения умел обратить в свою пользу. Лжедмитрий I был убит московской чернью — Филарет остался в стороне, хотя его ближайший сподвижник — Василий Шуйский, ввязавшись в самую гущу событий, вынырнул оттуда с российской короной на голове. И тут же — какое удивительное совпадение! — появляется Лжедмитрй II. Его отряды планомерно разоряют российские земли, тушинский вор — самозванец номер два — выбирает себе штаб-квартиру в нескольких верстах от первопрестольной, и большинство бояр устроились так, что завтракали в Кремле у царя Шуйского, а обедали в Тушине, у «царя Дмитрия».

И опять «счастливое совпадение», на которые так богата биография Филарета. При дворе Лжедмитрия II были, как бы теперь сказали, «заполнены все вакансии» — самозванец щедро раздавал титулы и саны. Лишь одно место почему-то оказалось вакантным — патриарха. Поэтому митрополита Ростовского опять осыпали милостями и почестями, и он согласился принять сан, хотя незадолго перед этим архиепископ Тверской не пожелал покориться самозванцу и был убит. Венец мученика, по-видимому привлекал Филарета значительно меньше чем шапка Мономаха. Во всяком случае он исправно совершал все богослужения и рассылал патриаршьй грамоты по областям.

Второй самозванец также потерпел поражение и был убит. Царь Василий Шуйский пытался крепче взять бразды правления свои руки, но бояре уже вкусили прелесть свободной жизни. К тому же кто-то (кто бы это мог быть?) донес боярам, что Шуйский за их спиной ведет переговоры с полякам и близок к успеху. Это решило судьбу первого и последнего царя из династии Шуйских. Бывшие подданные и друзья принудили Василия постричься в монахи, несмотря на его отчаянное сопротивление.

Путь к престолу вроде бы свободен, да и сам престол снова пуст. Но Филарет пред почел придерживаться своей традиционно политики выжидания. И снова не ошибся: верхушки русского дворянства возникл желание возвести на русский престол поль ского королевича Владислава и установить России нечто вроде парламентской монар хии. Поскольку польские войска в это вре мя уже находились под Смоленском, т причина возникновения подобного желания у бояр была вполне очевидной. Короля Сигизмунда III тоже вполне устраивала идея закончить русский поход не только триумфом, но и воцарением там поляка. В конце концов из Москвы под Смоленск было отправлено Великое посольство — обсуждать эту чистой воды авантюру. Во главе посольства был… конечно же, патриарх Филарет!

Случайно или намеренно, но его сопровождали 124 наиболее

активных политических деятеля России. Москва, то есть Кремль. или, как сказали бы сейчас, «высшие эшелоны власти» были тем самым обезглавлены. В ночь с 20 на 21 сентября 1610 года в Москву вошли польские войска.

Нет, Великое посольство не было арестовано. Оно благополучно прибыло под Смоленск и начало переговоры об официальном возведении на российский престол королевича Владислава. Русские выдвигали два обязательных условия: переход королевича в православную веру и немедленное прекращение военных действий — в том числе отвод армии Сигизмунда III от Смоленска. Второе условие поляков не смущало, но первое! Восемнадцать месяцев польский король пытался уговорить русских закрыть глаза на вероисповедание их будущего царя, предлагая взамен деньга, земли, почести, титулы. Кое-кто из бояр уже готов был уступить. Но не Филарет!

Патриарх Филарет оставался непреклонным, рискуя не только свободой, а и самой жизнью, но не только за интересы России. Во всяком случае не это заботило его в первую очередь. Он использовал последний шанс посадить на российский престол своего сына, местонахождение которого тщательно скрывал. Легендарный Иван Сусанин, между прочим, пожертвовал жизнью для того, чтобы запутать поляков и не дать им обнаружить местонахождение Михаила Романова и его матери, инокини Марфы. Откуда такая прозорливость у простого русского крестьянина? Как он мог знать о судьбе сына Филарета? По-видимому, знал.

То ли терпение польского короля истощилось, то ли ему донесли о двойной игре русского патриарха, но дело кончилось тем, что Филарет был отправлен в Польшу. Официально — в качестве пленника. И действительно, в крепости Мариенбург Филарет провел долгие восемь лет. Но отнюдь не в цепях и на соломе, а во вполне комфортных условиях. Теоретически без всякой связи с внешним миром. Но вспомним: такое уже было, когда его заточили в северный монастырь.

Именно в Мариенбургской крепости Филарет задумал и отшлифовал грандиозную программу экономических и политических реформ, которые впоследствии с блеском воплотил в жизнь в России… И из этой самой крепости он подготовил восшествие на престол своего сына. Более того, руководил этим процессом. Сохранились свидетельства его тайной переписки с боярином Шереметевым, возглавлявшим при выборах нового царя партию сторонников Михаила Романова. Несомненно, используя свой богатейший опыт, Филарет давал практические советы, сыгравшие в конечном итоге решающую роль.

Судя по всему, советы он давал не только боярам. Когда, договорившись между собой об избрании Михаила на царство, бояре направили челобитчиков к будущему царю, встретили их не то чтобы очень ласково. Скорее наоборот. Послы не сразу добились своей цели. Будущий царь встретил их с «великим гневом и плачем, что он государем быть не хочет». Проще говоря, Михаил Федорович закатил послам истерику, полностью поддержанную, кстати, его матерью. Марфа Ивановна вполне резонно указывала послам, что не желает благословлять сына на верную гибель, поскольку примеров безвременной кончины царей было за последние несколько лет великое множество. Резонно, но…

Но когда послы от уговоров устали и охрипли (а уламывали они Михаила с матушкой шесть часов подряд), то пришлось перейти к угрозам типа того, что «сам бог взыщет с раба своего Михаила за окончательное разорение государства». Как ни странно, аргумент инокине Марфе показался достаточно убедительным, и она, положившись все на ту же божью волю, дала сыну свое благословение, а за него — согласие. Но скорее всего Марфа Ивановна точно придерживалась сценария, разработанного Филаретом — её мужем и отцом Михаила. К тому же в России того времени считалось просто неприличным соглашаться принять царский венец, не заставив народ хорошенько попросить и поплакать.

Михаила, судя по всему, родители не сочли нужным посвящать в свои игры. Немудрено, что он ехал в Москву с зареванными глазами: шестнадцатилетнему мальчишке, к тому же, мягко говоря, не очень умному, было страшно соваться в змеиное гнездо, хоть и «по воле божьей».

После воцарения сына Филарет с триумфом вернулся в Россию. А вскоре последовало официальное заявление Михаила о том, что «Каков он государь, таков и отец его государев. Великий государь, святейший Патриарх и их государское величество нераздельно». Куда уж яснее! Фактически первым царем династии Романовых стал патриарх Филарет — в миру, в первой своей жизни Федор Никитович, во второй жизни — смиренный монах, таинственный старец в клобуке. Именно он провел те реформы, которые превратили Россию в великое государство.

Во-первых, тихо и незаметно произошла земельная реформа, о которой мало кто знает: поземельная подать уступила место подворной. Теперь каждый крестьянский двор должен был платить в казну определенную сумму, независимо от того, какое количество земли было у него в запашке. Таким образом поощрялось развитие земледелия. Во-вторых, Московское

государство, постоянно нуждаясь в деньгах, не пошло по легкому пути увеличения налогов, а постаралось извлечь максимальную выгоду из торговли с иностранцами через Архангельск. С английскими и голландскими купцами в Россию потекла иностранная серебряная монета («ефимки»). А главное, стали приезжать, как сказали бы сейчас, «иностранные специалисты» — офицеры, ученые, инженеры, врачи. Так что «окно в Европу» прорубил, конечно, Петр, но уже его прадед пытался проделать какое-то подобие «форточки» для притока свежего воздуха. И небезуспешно.

Наконец, церковь в России обрела такой блеск, величие и авторитет, каких у неё до того времени и не было. Притихли и бояре: тонко изучивший за время польского плена способы управления «ясновельможными панами», Филарет применил свои знания на практике.

Истинный правитель России, основатель царской династии Романовых скончался 1 октября 1633 г. — на 12 лет раньше своего царственного сына, успев сделать для страны за 14 лет своей третьей жизни очень и очень многое.

Возможно, не вполне правомерно проводить прямую параллель между ним и его известным современником — герцогом и кардиналом де Ришелье во Франции. Но и внешняя политика обоих, и умелое использование ими тайньи пружин церковной и светской власти, сосредоточенных в одних руках, имеют довольно большое сходство. Да и положение, которое они занимали при формальных монархах, весьма схожее. Разве что Филарет был внешне скромнее и потому таинственнее.

Со смертью Филарета закончилась целая эпоха в истории Российского государства. Фигура достаточно загадочная: почти все бумаги, написанные его рукой, истреблены, а официальная биография выхолощена и прилизана до неузнаваемости. Сохранилось только одно косвенное свидетельство того, что Филарет добивался российской короны в первую очередь для себя самого. В середине прошлого века в Коломне, в палатах митрополита, нашли портрет Филарета в патриаршем облачении. Портрет перевезли в Москву и там заметили на полотне корону. Открылось, что очень плохая живопись неизвестного мастера XVII в. покрывала другую, более старую: Федор Никитович Романов в царском облачении с порфирой на плечах и со скипетром в руках. И надпись: «Феодор, царь всея Руси». Примерял-таки Филарет шапку Мономаха!

И ещё одно можно сказать с полной уверенностью: если бы Пушкин мог знать всю историческую правду, если бы при нем было известно то, что открывают историки сейчас, Александр

Сергеевич, несомненно, написал бы не «Бориса Годунова», а «Федора Романова».

Неразгаданный кардинал, или Герцог де Ришелье

Этот человек сделал для блага Франции столько, сколько ни до него, ни после не делал никто. И никого современники и потомки не ненавидели так сильно, как кардинала Ришелье.

Существует великолепный анекдот о том, как Петр Первый посетил в Париже гробницу кардинала Ришелье. Обращаясь к статуе, русский император с пафосом произнес: «Великий человек, живи ты в мое время, я отдал бы тебе половину моего царства, чтобы ты научил меня управлять другой половиной!» В ответ кто-то из сопровождавших Петра французов заметил: «И совершили бы огромную ошибку. Ваше Величество. Он быстро бы прибрал к рукам и вашу половину».

Таков действительно был Арман Жан дю Плесси — герцог и кардинал Ришелье, первый министр короля Франции Людовика XIII, а фактически настоящий король. Двадцать лет он держал Францию в своих железных руках и вознес её на высочайшую ступень могущества.

Ришелье боялись и ненавидели как аристократы, так и простонародье. Одни обвиняли его в том, что он губит «старую, добрую Францию», подрывая влияние крупных феодалов. Другие — в том, что он душит «всяческое свободомыслие и прогресс, насаждая жесткий деспотизм». А уж потомки-литераторы превратили кардинала в бессердечного тирана-монстра, безжалостно сокрушавшего человеческие судьбы. Если судить о нем, например, по роману Александра Дюма «Три мушкетера», то примерно такое впечатление и складывается. Так что же на самом деле представлял собой великий кардинал?

Жизнь его полна загадок и тайн. И начинаются они с того, что никто не может точно назвать дату его рождения. В регистрационных книгах прихода той церкви, которую посещали господа дю Плесси из замка Ришелье, не сохранились записи 1580–1600 годов. Они… кем-то вырваны.

Семья дю Плесси де Ришелье принадлежала к родовитому дворянству провинции Пуату. Отец Ришелье входил в число ближайших сподвижников короля Генриха III, который возвел своего любимца в ранг главного прево Франции, пожаловав одновременно орден Святого Духа.

Когда Арману исполнилось девять лет, его отдали в один из престижных парижских коллежей — Наваррский, где обучение было преимущественно светским. Через шесть лет Арман

блестяще знал латынь, прилично говорил по-итальянски и по-испански, знал во всех деталях античную историю. В 15 лет получил титул маркиза де Шиллу и поступил в военную академию, которая готовила кавалерийских офицеров для королевской армии. Юный маркиз де Шиллу получал огромное удовольствие от занятий. Сын, внук и правнук военных, он готовился стать «человеком шпаги» — элитой французского дворянства. Любовь к военному делу, привычки и вкусы, привитые ему в академии, Ришелье сохранил до конца своих дней. Распорядись судьба иначе, капитана королевских мушкетеров звали бы не де Тревиль, а де Шиллу.

Но два года спустя жизнь юного маркиза внезапно и круто изменилась. Его старший брат отказался занять место епископа в Люссоне, которое традиционно приносило семейству Ришелье скромный, но прочный доход. Он предпочел постричься в монахи, а следующий по старшинству брат не испытывал ни малейшего желания сменить камзол придворного на сутану епископа.

К счастью для матери, младший сын Арман ставил интересы семьи выше личных. Правда, претендент на титул епископа должен был иметь не меньше 23 лет от роду. Но король собственным решением утвердил назначение Ришелье, как только тому исполнилось 20 лет. А природные способности в сочетании с редким трудолюбием позволили новоиспеченному епископу к 22 годам стать в Сорбонне доктором теологии. Но это напряжение стоило ему здоровья: ужасные мигрени, лихорадка и бессонница будут преследовать Ришелье до последних дней его жизни.

Несколько лет — вплоть до трагической гибели короля Генриха IV — епископ Ришелье проводит в своей епархии в Люссоне. Именно там началась его непримиримая борьба с протестантами, но он не стремился «искоренить ересь», считая это невыполнимой задачей. Его цель была проще и приземленное: сделать гугенотов послушными и преданными подданными короля Франции, оставив им свободу вероисповедания. И тогда, и впоследствии религия была для Ришелье лишь частью политики.

Его вполне устраивала бездарность Марии Медичи в государственных делах и её слабохарактерность. Посредственность государя — залог успеха не только авантюриста-временщика, но и талантливого политика, волею судьбы оказавшегося возле трона. Так скромный епископ в одночасье стал фигурой государственного масштаба.

Через год королева-регентша сделала Ришелье личным духовником юной супруги французского короля, 14-летней Анны Австрийской. Ему было тридцать лет. Год спустя он стал государственным секретарем по иностранным делам, что

устроило — случай беспрецедентный! — все иностранные державы. Расположение звезд было явно благоприятным для Ришелье.

Но в 1617 году был убит фаворит и злой гений королевы Марии Медичи — Кончино Кончини, долгое время игравший королевой, как куклой. Его пренебрежительное отношение к королю Людовику — по некоторым слухам, его же сыну, — озлобило юного монарха. После убийства Кончини Людовик сослал свою мать в Блуа под строгой охраной. Вместе с ней добровольно, отказавшись от всех своих постов, уехал и Ришелье. Впрочем, выбора у него не было: Людовик ненавидел всех, кого любила его мать. Ссылке в Люссон Ришелье предпочел добровольный отъезд в Блуа и на несколько лет оказался вне французского двора с его интригами и происками. Вместо себя он оставил своего ближайшего друга, монаха-капуцина отца Жозефа. Этот человек сделал для Ришелье так же много, как сам Ришелье для Франции.

Два года спустя судьба вновь улыбнулась Ришелье. Новый всемогущий фаворит короля Людовика, герцог де Люинь, предложил поженить своего племянника и одну из племянниц Ришелье, обещая свое содействие в получении кардинальского сана. Герцог, правда, уже начинал раздражать короля, слабохарактерного и капризного, своей властностью, но зато герцогиня де Люинь была первой женщиной Людовика, и это значило многое. Герцогиня была прекрасна и умна: именно ею восхищался Александр Дюма, описывая неотразимую герцогиню де Шеврез, подругу и наперсницу королевы Анны Австрийской. Вторым браком красавица была за ничем не примечательным герцогом де Шеврезом, чью фамилию сумела обессмертить достаточно своеобразно.

В августе 1624 года кардинал Ришелье стал первым министром Людовика XIII, который, не будучи семи пядей во лбу, все-таки признал политический талант «скромного» служителя церкви. На этом посту Ришелье бессменно пробыл восемнадцать лет, три месяца и двадцать дней — вплоть до самой своей смерти. Правда, лучшие годы остались позади, но новая — куда более короткая! — полоса жизни позволила кардиналу стать тем, кем он стал — истинным королем Франции.

Постепенно Ришелье полностью подчинил номинального короля своей воле. Настолько, что Людовик, позволяя себе поистине ребяческие выходки против своего «тирана», и мысли не допускал о том, чтобы с ним расстаться. Первый министр уже значит для него больше, чем мать, жена и все фавориты, вместе взятые. К тому же он понимал то, чего никак не могла постичь

Анна Австрийская: кардинал вовсе не мстил ей за отвергнутую любовь, он пытался — и с успехом! — помешать сумасбродной красавице расшатывать сложное здание внутренней и внешней политики Франции, повинуясь капризу или любовному влечению. То, что Ришелье в свое время приволокнулся за королевой Анной, — бесспорно. Но он волочился — и куда более успешно! — за её свекровью, королевой Марией. Политика, карьера, интересы государства — вот что двигало кардиналом, когда он расточал комплименты венценосным дамам и целовал им ручки. А если бы он мог стать возлюбленным Анны, его могущество утроилось бы. Во всяком случае не пришлось бы тратить столько сил, денег и энергии на борьбу с королевой.

Вообще отношение Ришелье к женщинам — это ещё одна загадка великого человека. И одновременно ключ к пониманию этой незаурядной личности. Судя по всему, кардинал просто-напросто использовал женские слабости в своих поли-гических интересах. Ласки Марии Медичи позволили ему подняться к самому трону, а сумасбродные выходки её невестки Анны Австрийской — практически занять этот трон. Повторюсь: если бы Ришелье удалось стать любовником королевы Анны, он получил бы ту же неограниченную власть, только несколько более приятным способом. А так ему пришлось использовать неприязнь, которую король питал к своей прекрасной и неверной жене…

В конце концов и в личной жизни Ришелье устроился более чем остроумно: его любовницей стала его собственная племянница. Фактической или фиктивной — неизвестно, хотя слухов было предостаточно, что, собственно, и требовалось Ришелье. Деньги оставались в семье, любящая племянница заботилась о здоровье любимого дядюшки, и никто не мог упрекнуть кардинала в том, что он — гомосексуалист или, того хуже, импотент. Прекрасная Франция не потерпела бы власти над собой человека, не способного удовлетворить женщину.

Вот кого кардинал любил страстно, так это кошек. Их у него всегда было около десятка, и их игры заменяли ему светские развлечения — утомительные и небезопасные. В Лувре кардинал мог в любой момент получить удар кинжалом от какого-нибудь своего врага. А их было предостаточно: от королевы до любого мушкетера короля.

Ришелье вполне хватало заговоров, которые постоянно возникали против него среди высшей знати. В 1626 году ему чисто случайно удалось обезвредить «заговор де Шале» (по имени одного из его участников). Брату короля, принцу Орлеанскому, исполнилось 18 лет, и он официально был объявлен наследником

престола — детей у Людовика и Анны так пока и не было. Кое-кому пришла мысль ускорить события и посадить принца Орлеанского на трон в обход Людовика, женив его для пущей верности…. на той же Анне Австрийской. Она-то не возражала, но кардинал вряд ли одобрил бы такую «рокировку» на троне, С помощью прекрасной герцогини де Шеврез нашли будущего убийцу кардинала, а пока — любовника посредницы. Маркиз де Шале был на все согласен ради прекрасных глаз герцогини, но его погубила болтливость: он доверил тайну родному дяде, а тот посоветовал ему не доверять любовнице и, пока не поздно, покаяться кардиналу. Де Шале так и сделал. Кардинал поблагодарил молодого авантюриста и… приказал обезглавить его.

Казнь де Шале была первым звеном в длинной цепи репрессий, предпринятых кардиналом против строптивой аристократии. Два сводных брата короля — герцоги Вандомские — были заточены в темницу, один из них там и умер. Около десятка представителей старинной аристократии были обезглавлены. Затем начались военные действия против мятежной протестантской Ла-Рошели, где Ришелье также погубил — огнем, мечом и голодом — свыше 16 тысяч человек. Одерживать военные победы кардиналу помогал герцог де Монморанси, которого ничем не наградили, а Ришелье получил звание генералиссимуса.

Так получилось, что король опасно заболел и, вообразив, что пришел его последний час, покаялся перед женой и матерью в своих прегрешениях, поклявшись немедленно отправить кардинала в отставку.

Тут же образовался новый заговор во главе с обиженным герцогом де Монморанси. Анна Австрийская уведомила принца Орлеанского о его близком восшествии на престол, который он наследует вместе с рукой королевы после смерти короля. Уже обсуждали, как поступить с кардиналом, уже решили его обезглавить, когда Людовик неожиданно для всех начал выздоравливать.

Разумеется, кардиналу донесли о заговоре во всех подробностях, но он не торопился мстить. Это было одной из отличительных черт Ришелье: не действовать сгоряча, дать эмоциям улечься, а врагам успокоиться. Тем страшнее потом обрушивался на их головы карающий удар.

Видя, что кардинал бездействует, заговорщики решили поменять тактику и добиваться от короля отставки кардинала, сгоряча им обещанной. Король увиливал и тянул время не только потому, что боялся Ришелье, но и потому, что понимал:

могущество Франции без кардинала немыслимо. Наконец, королева-мать, ставшая со временем одной из самых непримиримых противниц кардинала, «дожала», и Людовик уже взял в руки перо, чтобы подписать соответствующий указ, как вдруг в его кабинете появился Ришелье с просьбой… об отставке.

> «Семейные узы для вас дороже короны и счастья подданных — оставляю вас с матерью, супругой и братом, которые не раз доказали свою преданность Вашему Величеству».

Людовик едва ли не на коленях умолил кардинала остаться. Королева-мать сбежала в Бельгию, принц Орлеанский последовал за нею. А герцог де Монморанси, маршал Франции, победитель англичан на море, испанцев и протестантов на суше, был посажен в тюрьму, обвинен в открытом мятеже и приговорен к смертной казни. Возможно, король и помиловал бы человека, родословная которого насчитывала более 700 лет, первого дворянина королевства после принцев крови, молодого, красивого, богатого и… любимого. Но любимого совсем не той, кем нужно. На беду герцога, при нем во время ареста оказался портрет Анны Австрийской с её локоном. Кардинал хранил этот «довод» до последнего и, лишь когда увидел, что Людовик готов помиловать его злейшего врага, заявил, что за Монморанси просит ещё одна особа — королева. И вручил королю злосчастный медальон. Через три часа после этого голова маршала Франции слетела с его плеч.

Последней в долгой череде казней стала расправа над шевалье де Сен-Марсом и шевалье де Ту. Это произошло в 1642 году, а несколько месяцев спустя кардинал слег, поручив вниманию короля нескольких своих доверенных людей, в том числе некоего Джулио Мазарини, будущего кардинала, первого министра и тайного мужа Анны Австрийской.

— Будьте спокойны, — ответил король больному, — ваши желания будут исполнены, но я надеюсь, что ещё не скоро.

То ли король не понял серьезности происходящего, то ли радовался близкой смерти кардинала, как радовался вообще любой смерти в своем окружении, неизвестно. Но от кардинала он вышел даже не с улыбкой, а с громким смехом. Впрочем, он и казнь своего фаворита воспринял с восторгом.

— Сколько мне ещё осталось жить? — спросил больной у окружавших его врачей.

Лишь один из них осмелился сказать:

— Монсеньор, думаю, что в течение ближайших суток вы либо умрете, либо встанете на ноги.

— Хорошо сказано, — тихо заметил Ришелье.

Больше он уже почти ничего не говорил, только перед самой смертью попросил любимую племянницу оставить его одного.

— Помните, я любил вас больше всех на свете. Будет нехорошо, если я умру у вас на глазах.

Кошки оставались вокруг его ложа до самого конца…

Великий французский математик и философ Блез Паскаль как-то заметил, что «господин кардинал не пожелал быть разгаданным». И действительно, вокруг его личности вот уже триста с лишним лет идут острые дискуссии. Но отрицать несомненные заслуги герцога-кардинала никто никогда не мог.

А остальное в конце концов могло быть всего лишь сплетнями.

Тайна маркизы де Помпадур

Век восемнадцатый, галантный век, прославился в истории Европы тем, что одновременно три женщины оставили в нем неизгладимый след. Две императрицы: Мария Терезия в Австро-Венгрии, Екатерина Великая в России и маркиза де Помпадур, мещанка, некоронованная королева Франции, которая на протяжении двадцати лет была фавориткой Людовика XV.

Царствующие особы не могли простить ей влияния, которое она имела на короля. Придворные ненавидели за «низкое» происхождение. Она не была ни ослепительной красавицей, ни пылкой любовницей. Почему же король, которого окружали более молодые и по-настоящему красивые женщины из знатных дворянских семей, возвращался к маркизе? Загадка, которую мало кто пытался разгадать, традиционно считая маркизу де Помпадур, урожденную Жанну-Антуанетту Пуассон, «великой куртизанкой» и не менее великой мотовкой…

Когда Жанне-Антуанетте было девять лет, её матери, женщине весьма суеверной, пришла в голову не слишком оригинальная по тем временам мысль: отвести дочь к гадалке, некоей госпоже Лебон. И та произнесла знаменательную фразу:

— Эта малютка в один прекрасный день станет фавориткой короля.

…Настоящая королева Франции, Мария Лещинская, дочь польского короля в изгнании, была на восемь лет старше своего мужа, что, впрочем, не мешало Людовику первые двенадцать лет брака быть почти образцовым супругом. Королева родила ему десятерых детей, и по-прежнему почти каждую ночь король проводил в её спальне. Пока это не надоело самой Марии, женщине очень набожной и малотемпераментной. «Спать, беременеть, рожать… как же это скучно!» — призналась она одной из своих придворных дам. И повела себя, как самая обыкновенная женщина, смертельно уставшая от выполнения «супружеского долга»: стала увиливать под всевозможными предлогами. А король… что ж, король был мужчиной. Он стал окружать себя молодыми, веселыми и не слишком целомудренными женщинами. Так началаь эпоха фавориток.

…В начале ноября 1744 года от воспаления легких неожиданно умирает возлюбленная Людовика маркиза де Шатору. Разумеется, никто не сомневался в том, что король обзаведется новой пассией. Назывались имена возможных кандидаток на эту роль, составлялись целые партии в поддержку той или иной герцогини, баронессы, графини. Но время шло, а

король, казалось, свято хранил память о последней метрессе. Так продолжалось несколько месяцев. В марте 1745 года на балу-маскараде в честь помолвки дофина к королю подошла изящная маска в костюме Дианы-охотницы. Король заинтересовался её остроумным непринужденным разговором, был явно не прочь познакомиться ближе, но… маска скрылась, успев, однако, уронить надушенный тонкими духами носовой платок. Таинственная незнакомка, похоже, прекрасно знала слабое место Людовика: паническую боязнь скуки. Поиск «Дианы», новое приключение — это была слишком хорошая приманка, чтобы король пренебрег ею.

Разумеется, Жанна-Антуанетта, которая жила со своим мужем Шарлем де Этиолем в его родовом замке, «спряталась» так, чтобы король нашел её как можно быстрее. Через несколько дней Людовик и «малютка Этиоль» вместе поужинали. По придворным сплетням, они в тот же вечер стали любовниками. Скорее всего, так оно и было, потому что будущая маркиза де Помпадур впоследствии призналась: в своих отношениях с королем она сделала лишь одну ошибку, которая, впрочем, могла оказаться роковой — отдалась «мужчине своей мечты» в первую же встречу.

Король придумал несколько учтивых фраз, чтобы отделаться от новой пассии, если та вздумает надоедать ему. Но проходили дни, а мадам де Этиоль не появлялась. Ее нигде не было видно, и никто о ней ничего не знал. Второй раз любопытство короля было задето. И его можно понять: женщина не напоминает о себе, не ищет с ним встреч… Может, он оказался не на высоте и разочаровал её как мужчина? Если это так, то нужно немедленно найти её и доказать, что она ошиблась.

Королевский камердинер Бинэ, которому Людовик доверил эту деликатную миссию — разыскать мадам Этиоль, озадачил Людовика ещё больше. Совершенно «случайно» ему стало известно, что мадам влюблена в короля ещё больше, чем прежде. Она страдает от того, что изменила обожающему её мужу, и теперь тот, возможно, убьет её, но зачем ей жить без Людовика? Да, она говорила всем и всегда, что могла бы изменить мужу только с королем, но разве она могла предположить, что её полумечта-полушутка станет действительностью и она окажется в объятиях короля? Теперь ей остается мечтать только о скорой смерти как об избавлении.

Как бы то ни было, Людовик пожелал видеть Жанну-Антуанетту ещё раз.

Но теперь уже она не допустила никаких просчетов. Перед королем оказалась бесконечно любящая женщина, потерявшая голову от страсти. Пожалуй, это была одна из самых трудных

ролей, которую маркиза Помпадур исполнила в своей жизни. Ибо ей нужно было сыграть безумную страсть, а маркиза по природе своей и из-за слабого здоровья (склонности к чахотке) относилась к физической стороне любви, мягко говоря, прохладно. Не исключено, что именно эта черта, свойственная и самой королеве, впоследствии сблизила обеих женщин. Во всяком случае, королева относилась к Жанне-Антуанетте гораздо лучше, чем ко всем остальным бывшим и будущим фавориткам своего супруга. Родственные души? Вполне возможно.

Как бы то ни было, Жанна-Антуанетта победила и на этот раз. Король поверил в искренность её чувств. Поверил и в то, что ревнивый муж убьет её, если она вернется под супружеский кров. Мадам Этиоль укрылась в дальних покоях Версаля, предоставив своим родственникам улаживать дела с обманутым супругом. Спустя короткое время король восстановил для своей новой метрессы маркграфство Помпадур, оставшееся без наследников мужского пола, и мадам де Этиоль становится маркизой де Помпадур.

Началась эпоха Помпадур при французском дворе. При дворе, где красивый, обаятельный, окруженный не только придворными, но и искренними друзьями король скучал. И вот маркиза поставила перед собой главную цель — развлекать короля. Развлекать, если понадобится, круглые сутки, тем более что она получила прекрасное по тем временам образование — умела петь, танцевать, превосходно музицировала, занималась живописью, гравировкой драгоценных камней. Два раза в неделю у неё в салоне собирались художники, писатели, философы. Во дворце Шаузи по приказу маркизы был создан «Театр Малых Покоев» — интимный, изысканный, для сорока зрителей. Тут король мог, сидя на стуле, забыть об этикете и просто смотреть спектакль. А руководила всем и была первой актрисой сама маркиза.

Власть маркизы с каждым днем становилась все сильнее. Она — негласная правительница Франции, расположения которой ищут иностранные державы. Де Помпадур достигла вершины славы и счастья? Ничего подобного! Ей предстояла самая тяжелая борьба в её жизни. Борьба, в которой не будет победителей. Ибо сражаться маркизе пришлось с природой, которая щедро одарила её всевозможными талантами, но дала слишком хрупкое тело.

> «Меня преследует страх потерять сердце короля, — *писала она одной близкой подруге,* — перестать быть ему приятной. Мужчины высоко ценят определенные вещи, как вам, наверное, известно, а, к моему несчастью, у

меня очень холодный темперамент. Боюсь, что моя „куриная натура“ окончательно отвратит его от моего ложа и он возьмет себе другую. Я испробовала и ароматный шоколад с тремя порциями ванили, трюфели, суп с сельдереем. Но чем сильнее действие такой диеты, тем более разбитой и бессильной я оказываюсь на следующий день. Моя огромная усталость вовсе не располагает меня, предоставлять моему обожаемому повелителю все те удовольствия, на которые он вправе рассчитывать…»

Четыре года продолжалась эта борьба, в которой маркиза была обречена на поражение. Людовик, чьи аппетиты росли с годами зрелости, не мог больше довольствоваться часто болевшей и мало расположенной к любовным утехам женщиной. Но он её ещё любил, поэтому поступал не как король, а как самый обычный смертный: начал заводить легкие интрижки на стороне. Время от времени он возвращался к маркизе. Его постоянная спутница, участница всех его дел, она стала для него необходимой не только потому, что она одна владела секретом развлечь его и избавить от скуки. И даже не потому, что была неподражаема в постели. Король мог говорить с ней о самых незначительных делах и рассчитывать на дельный совет в любой ситуации.

Но Жанна-Антуанетта никогда не стала бы маркизой Помпадур, если бы не нашла из положения свой собственный, мало кому доступный выход. Она перестала соперничать с молодыми и здоровыми женщинами и откровенно сказала своему возлюбленному, что предпочитает остаться его хорошим другом, чем пытаться быть плохой любовницей. Возможно, король удивился. Но наверняка не слишком: именно так поступила его законная жена, когда поняла, что их темпераменты не соответствуют. Людовику XV определенно везло на умных женщин.

Ее роль женщины и любовницы продолжалась шесть лет. Ее роль советника, участвующего в королевской политике и направляющего её, сохранится ещё тринадцать лет — до самой смерти. И пока она жива, у Людовика не будет постоянной возлюбленной, то есть женщины, которой бы удалось удержать его привязанность больше года.

Она умерла 15 апреля 1764 года в возрасте 43 лет.

После смерти маркизы королева Мария Лещинская сказала: «О ней говорят так мало, как если бы она вообще не существовала. Таков мир. Достоин ли он любви?»

Отдававшаяся, но не продававшаяся НИНОН ДЕ ЛАНКЛО

Вторую половину семнадцатого столетия называют «веком Людовика Великого» — французского короля Людовика XIV, блестящий двор которого задавал тон всей Европе. Достаточно сказать, что действие полюбившихся ещё советским кинозрителям многочисленных фильмов о приключениях Анжелики происходит именно в это время, чтобы представить себе роскошь придворной жизни при «короле-солнце».

Но блестящий век поражал и своим необузданным развратом, безбожием, глубоким невежеством и самыми дикими суевериями. Церемонные поклоны и вычурные комплименты соседствовали с такими манерами, которые сейчас можно наблюдать разве что у алкоголиков или бомжей. Высморкаться в руку, плюнуть соседу в открытый рот, перебрасываться за столом хлебными шариками и фруктами, есть руками считалось в порядке вещей. Придворным настоятельно рекомендовалось причесываться прежде, чем идти в гости (очевидно, дома можно было вообще этого не делать), а будучи в гостях, не чесать голову пятерней, дабы не наградить окружающих «известными насекомыми», а также мыть руки ежедневно, не забывая сполоснуть и лицо. Дамы носили под платьем изящные коробочки с клеем, красноречиво называвшиеся «блохоловками». Да и сам король Людовик запросто мог дать аудиенцию, сидя на стульчаке, а нередко так и завтракал в присутствии дам и кавалеров. Правда, мило?

Самое интересное заключалось в том, что в то же самое время во Франции пышно расцвели науки, искусство, литература, поэзия, театр. Правда, все прославленные имена принадлежат не аристократии, тем более придворной, а буржуа. И среди этих имен не было ни единого женского имени: дамы семнадцатого века предпочитали самоутверждаться исключительно в любви. Все остальное их решительно не интересовало. Каждая пятнадцатилетняя девица мечтала оказаться королевской любовницей — это положение было высшим в обществе того времени. Королева не могла соперничать с фаворитками, о королеве забывали на месяцы и годы, а фаворитки всегда были на виду, увешанные драгоценностями, роскошно одетые, получавшие в подарок за ночь любви замки и поместья.

Понятно, что стать королевской любовницей могли далеко не все. Но иметь связи на стороне было так же естественно, как дышать. Женщина, хранившая верность законному мужу,

становилась посмешищем в глазах общества, а той, которая потеряла счет любовникам, безумно завидовали. Ради завоевания мужчин дамы не останавливались ни перед чем. Большинство из них постоянно носили с собой небольшие книжки, очень похожие на молитвенники, но на самом деле содержавшие неприличные рисунки и анекдоты — чтобы было о чем поговорить с кавалером. Если дама укладывала волосы короткими локонами на висках, это значило, что она неравнодушна к военным. Если длинные локоны спускались до плеч — их обладательница предпочитала мальчиков и так далее. Существовал особый «язык бантиков»: перемещая их по прическе и одежде, дама без слов сообщала своему избраннику: «вы мне нравитесь», «я вас люблю», «следуйте за мной», «я ваша»… Очень удобно!

И все же в то время были и такие женщины, которые сочетали в себе бесспорный ум, необыкновенную красоту и обаяние, причем обладали превосходными манерами, были остроумны, находчивы и вовсе не стремились любыми путями попасть в монаршью постель. Одна из них, прозванная современниками «царицей куртизанок», прекрасная Нинон де Ланкло, по праву считается звездой «века Людовика Великого». Эта звезда озаряла своим блеском Париж действительно без малого век. «Изящная, превосходно сложенная брюнетка, с лицом ослепительной белизны, с легким румянцем, с большими синими глазами, в которых одновременно сквозили благопристойность, рассудительность, безумие и сладострастие, с восхитительными зубами и очаровательной улыбкой. Нинон держалась с необыкновенным благородством, обладая поразительной грацией манер». Так описал один из современников сорокалетнюю обольстительницу! Большинство её ровесниц уже носили глухие черные платья и проводили время в молитвах или за карточным столом. Но Нинон…

Анна де Ланкло родилась в Париже 15 мая 1616 года. Мать — женщина самых строгих правил, высокой нравственности и набожности — мечтала о том, что Нинон посвятит себя служению Богу и воспитывала девочку соответственно. Отец — философ-эпикуреец — жил в свое удовольствие, пренебрегая общественным мнением, и очень рано начал внушать дочери преимущества легкой и приятной жизни. Он следил за тем, чтобы Нинон училась музыке, танцам, пению, декламации — и эти предметы так нравились девочке, что пораженные её успехами учителя называли её не иначе, как «восьмым чудом света». Помимо этого, она занималась литературой, историей, немного философией, то есть получала такое образование, которого в то время не имело большинство мужчин.

Когда четырнадцатилетняя Нинон впервые появилась в свете, она произвела фурор и была единодушно признана самой прекрасной женщиной Парижа. Единственная дочь богатых родителей, знатного происхождения, красавица, отменно воспитанная, она отбоя не знала от претендентов на её руку и сердце. Но ничто в мире не пугало её больше, чем законный брак. Связать свою свободу, подчинить себя мужчине казалось ей чудовищным покушением на собственное «я». Нинон считала, что «благоразумная женщина не избирает себе мужа без согласия своего рассудка, как любовника без согласия своего сердца». Сердце её пока молчало, рассудок категорически противился идее раннего брака без любви, и юная красавица наслаждалась жизнью в полном соответствии с наставлениями отца и к большому огорчению матери.

Возможно, жизнь Нинон сложилась бы иначе, не останься она в пятнадцать лет круглой сиротой: её родители скончались почти одновременно. Не по возрасту рассудительная девушка очень удачно распорядилась полученным в наследство приличным капиталом, поместив его так, что до конца жизни не знала нужды в деньгах и даже могла поддерживать материально своих друзей. Сама же она ни у кого и никогда не брала денег. Никому из своих бесчисленных любовников Нинон не отдавалась по расчету — только по любви. И если её считали куртизанкой, то только потому, что об эмансипированных женщинах тогда слыхом не слыхивали. Куртизанкой она не была.

Первой любовью Нинон стал герцог Шатильонский Гаспар Коли-ньи, внучатый племянник великого адмирала, погибшего в Варфо-ломеевскую ночь. Уже шли переговоры о браке герцога с девицей де Монморанси, единственной наследницей семейства, которое состояло в родстве с самим королем. Но девица де Ланкло так очаровала герцога Шатильонского, что он решил жениться именно на ней вопреки желанию своих родственников, и целых три недели ухаживал за красавицей по всем правилам искусства, даже не пытаясь стать её любовником. Нинон принимала его ухаживания вполне благосклонно, потому что сама увлеклась поклонником не на шутку.

Однако в один далеко не прекрасный день герцог явился к Нинон в полном отчаянии и объявил, что отец настаивает на его браке с девицей де Монморанси, тогда как сам он скорее умрет, чем согласится отказаться от Нинон. Но молодая красавица неожиданно заняла сторону отца герцога и объявила, что, во-первых, между де Монморанси и де Ланкло слишком большая разница и не стоит ссориться с семьей, а, во-вторых, по её мнению, «брак и любовь — это дым и пламя».

— Я и сама люблю вас, — призналась она совершенно ошарашенному герцогу. — Но вовсе не моя вина, если три недели вы фантазировали о том, чего никогда не будет, и не догадались взять того, что само шло вам в руки.

Герцог не заставил просить себя дважды, но был поражен ещё больше, обнаружив, что его возлюбленная невинна. Он снова завел речь о браке — Нинон осталась непреклонной. А несколько месяцев спустя дала любовнику отставку, заявив, что женщины чаще отдаются по капризу, чем по любви, любовь у неё прошла, каприз — тем более. Раздосадованный и одновременно очарованный, герцог удалился из спальни красавицы, но навсегда сохранил искреннюю дружескую привязанность к бывшей любовнице. А имя Нинон долго ещё было на устах у парижан: отказаться от брака с герцогом да ещё первой прервать любовные отношения с ним! Никому и в голову не могло прийти, что это только начало, ведь Нинон едва-едва исполнилось шестнадцать лет.

Тем не менее красавица умела придавать всем своим поступкам, даже самым рискованным, какую-то удивительную пристойность и изящество. Ее маленький дом не был дворцом, но все в нем радовало глаз и располагало к комфорту. «Скромность везде и во всем, — проповедовала Нинон, — без этого качества самая красивая женщина возбудит к себе презрение со стороны даже самого снисходительного мужчины». Она окружала себя не только и не столько поклонниками, сколько умными и интересными людьми, происхождение которых подчас значения не имело. Частым гостем в её доме был Мольер, звезда которого уже восходила в парижском театре, знаменитый философ того времени Сент-Эвре-мон, поэт Лабрюйер и многие, многие другие. Все они смотрели сквозь пальцы на любовные похождения Нинон и с восторгом слушали остроумные речи красавицы, проповедовавшей вещи, доселе неслыханные: право женщины на свободную любовь, равноправие, необязательность брака. Но, даже если бы они знали современное слово «феминистка», вряд ли они могли так назвать Нинон, обожавшую мужчин всю свою долгую жизнь.

В двадцать лет Нинон совершила ещё одан экстравагантный поступок, заставив Париж замереть от ужаса и восхищения. Всесильный кардинал Ришелье, который вообще-то мало интересовался женщинами, наслышавшись о красоте и уме девицы де Ланкло, прислал ей пятьдесят тысяч золотых и приглашение на свидание. Нинон вернула деньги с запиской: «Я отдаюсь, но не продаюсь». И это была истинная правда, от любовников она принимала только цветы. Умный человек,

кардинал оценил поступок по достоинству и до конца своих дней отзывался об этой женщине не иначе, как с глубоким уважением, никогда не вспоминая о своем бестактном капризе.

Одним из любовников Нинон стал девятнадцатилетний граф де Граммон — на пять лет моложе её. Скромный блондин под ангельской внешностью скрывал бездну пороков и, возможно, именно поэтому пользовался расположением красавицы дольше остальных: пороки, как и достоинства, тоже имеют свою привлекательность. Граф принимал ласки красавицы с такой же страстью, как и содержимое её кошелька. Но однажды ночью, думая, что любовница спит, граф стащил из её шкатулки пригоршню золота. Нинон все прекрасно видела, но ничем себя не выдала. Только утром в ответ на «до свидания» она сухо ответила:

— Нет, не до свидания, а прощайте.

— Почему? — изумился граф.

— Ответ в вашем кармане.

К тридцати годам Нинон прочно завоевала славу самой прекрасной жннщины Франции. Многие знатные дамы приезжали к ней поучиться хорошим манерам. Матери с той же целью привозили к ней только что вышедших из монастыря дочерей.

В один из вечеров девице де Ланкло доложили, что её хочет видеть какой-то незнакомец, причем настаивает на том, чтобы встреча произошла с глазу на глаз. Настойчивость незнакомца возбудила у Нинон любопытство, и, оставив гостей, она вышла в будуар. К её изумлению таинственный гость оказался не очередным гюклонником, а невзрачным маленьким старичком, одетым в черное.

— Вы видите перед собой существо, — заявил он, — которому повинуются силы природы и который, если бы пожелал, давным-давно обладал бывсеми земными благами, но я презираю их. Я незримо присутствовал при вашем рождении и теперь хочу услышать, что вы предпочитаете получить от меня в подарок: власть, несметные богатства или вечную красоту?

— Что я должна сделать для того, чтобы получить вечную красоту? — спросила верная себе Нинон, делая вид, что воспринимает странного посетителя всерьез. — Продать вам свою душу? Подарить свое тело?

— Ничего подобного. Просто напишите ваше имя вот на этой маленькой дощечке.

Нинон выполнила просьбу, незнакомец трижды дотронулся коротенькой палочкой до её левого плеча и объявил, что желание исполнено.

— Вы третья женщина, которой я дарю вечную красоту.

Первой была Клеопатра, второй — Диана де Пуатье. Сохраните в тайне нашу встречу. Мы увидимся ещё раз, но, увы, только тогда, когда вам останется жить ровно три дня…

С этими словами старичок вышел из будуара, оставив Нинон растерянности. Все услышанное казалось ей бредом, но она прекрасно знала о том, что Диана де Пуатье, любовница короля Франциска Первого, хранила свою замечательную красоту до самой смерти, а умерла она уже в очень преклонном возрасте. Более того, Диана стала королевской фавориткой, когда ей перевалило далеко за тридцать, а монарх был моложе её на восемнадцать лет. Тут призадумаешься…

Разумеется, Нинон имела при дворе немало врагов, которые завидовали её красоте, молодости и независимости. Завистники сумели настроить против неё вдовствующую королеву Анну Австрийскую — тогда регентшу Франции, и она направила девице де Ланкло приказание «добровольно» уйти в монастырь кающихся девушек. Но посланцы королевы наткнулись на протест.

— Во-первых, я не девушка, — сказала она, — во-вторых, мне не в чем каяться, а в-третьих, если её величеству угодно, чтобы я ушла в монастырь, пусть выберет по своему вкусу любой… мужской. Туда я отправлюсь с удовольствием.

Эта неслыханная дерзость привела Анну Австрийскую в ярость. Она уже готова была заключить девицу де Ланкло в Бастилию, но тут вмешался герцог Энгиенский, великий Конде. Всего несколько недель наслаждался он ласками Нинон и был отвергнут, но, будучи человеком великодушным, навсегда остался другом капризницы. Он-то и отвел грозу, рассказав о том, что произошло в свое время между Нинон и Ришелье. Королева всегда ненавидела кардина, и если куртизанка пренебрегла им, то этого было совершенно достаточно, чтобы регентша закрыла глаза на все остальное и оставила Нинон в покое.

Следующим любовником Нинон стал самый красивый мужчина при королевском дворе — маркиз де Ла Шартр. Она влюбилась не на шутку и хранила ему абсолютную верность целых полгода. Но на их общую беду, маркиз оказался безумно ревнивым и так следил за своей возлюбленной, что заболел нервной горячкой. Нинон трогательно ухаживала за ним и даже обрезала свои роскошные волосы и подарила ему «в залог любви». Когда же маркизу — командиру кавалерийского полка — пришлось срочно выступить со всей армией в Германию, он потребовал у своей любовницы вексель такого содержания: «Париж. Число. Год. Клянусь оставаться верной маркизу де Ла Шартру». Девица де Ланкло охотно подписала вексель, и маркиз со спокойной душой отправился на поле брани.

После его отъезда Нинон не выходила из дома, но по-прежнему принимала гостей. Один из них появился в душный вечер, закончившийся страшной грозой. При первом же ударе грома красотка, панически боявшаяся грозы, потеряла самообладание и бросилась за защитой к своему гостю. Чем все это закончилось, догадаться нетрудно, поскольку гость был молод и хорош собой, а маркиз отсутствовал больше месяца. Правда, он с достоинством воспринял неприятную для себя новость и прислал изменнице её вексель с припиской: «Уплачено после банкротства».

В тридцать три года Нинон любила одновременно двух друзей: графа и аббата. Чтобы никого не огорчать, красавица принимала первого ночью, а второго — днем. Результатом такого сотрудничества оказался младенец мужского пола, а так как на почетный титул отца претендовали оба любовника, истина открылась. Нинон при этом не потеряла ни остроумия, ни самообладания:

— Я не сомневаюсь, — сказала она, — что мой сын принадлежит одному из вас, но кому — сама не знаю. Бросьте кости — выигравший будет считаться отцом.

Бросили кости, судьба улыбнулась графу.

— Я тоже хочу быть отцом! — вопил раздосадованный аббат. — Нинон, вы должны дать мне другого сына!

Красавица только рассмеялась. Ее первенец впоследствии блестяще служил на флоте и достиг чина капитана.

Второй сын родился у неё от маркиза де Жерсея, богатого вдовца, который себя не помнил от радости, обнаружив, что может иметь потомство. Роженице было тридцать семь лет. Этого ребенка она увидела снова лишь двадцать лет спустя и при весьма трагических обстоятельствах. Но об этом позже.

Далее по списку следует некий Гурвилль, доверенное лицо великого Конде. Вынужденный покинуть пределы Франции по политическим причинам, Гурвилль оставил своей любовнице на сохранение двадцать тысяч золотых и попросил также хранить ему верность — по возможности. Такую же сумму Гурвилль накануне отдал своему другу, настоятелю монастыря, который слыл святым человеком. Когда изгнанник вернулся год спустя на родину, он прежде всего отправился за деньгами к настоятелю. «Святой человек» только округлил глаза:

— Я ничего от вас не получал, следовательно, мне нечего вам возвращать.

Гурвилль даже не пошел к бывшей любовнице: он знал, что она давно завела себе нового обожателя, а уж сохранить деньги… Но Нинон сама послала за ним.

— К вашему несчастью, мой друг… — встретила она его. — Я не сумела сохранить вам верность. В отличие от той суммы, что вы передали мне год назад. Любовница вам изменила, но вы приобрели друга, а это, поверьте, стоит больше.

Восхищенный Гурвилль всюду рассказывал о прекрасном поступке прекрасной женщины, которая лишь пожимала плечами, когда её начинали хвалить:

— Как много шума из-за пустяков. Столько дифирамбов самому естественному поступку. Неужели на свете так мало честных людей?

Нинон перевалило за пятьдесят, и в числе её любовников стали уже появляться сыновья бывших воздыхателей. Мать одного из них, маркиза де Севиньи, будучи на десять лет моложе Нинон, в шутку звала её «моя невестка».

Сам король прислушивался к словам де Ланкло и, опасаясь её насмешек, решился наконец порвать связь с маркизой де Монтеспан, самой алчной и жестокой из всех его фавориток. Двор рукоплескал Нинон, а королева Мария, законная и забытая супруга Людовика, называла её не иначе, как «совесть королевства».

Третьего своего реоенка Нинон родила в пятьдесят пять лет. Девочка прожила всего несколько часов, но была до такой степени красива, что отец, по слухам, принц королевской крови, приказал забальзамировать трупик и поместил его под стеклянным колпаком в своем кабинете.

Зимой 1671 года, вскоре после родов, Нинон гуляла в Тюильри — парке рядом с королевским дворцом Лувром — и встретила отца своего второго сына — маркиза де Жерсея. С ним был красивый молодой человек, называвший маркиза дядей. Естественно, Нинон сразу поняла, кто это, а юноша — Альберт де Вилье — влюбился в прекрасную даму с первого взгляда. Он стал постоянным гостем у Нинон, а та с не свойственным ей легкомыслием забавлялась любовью мальчика и не думала о последствиях. Неизбежное свершилось: Альберт признался в любви, не в силах более сдерживаться, и Нинон пришлось открыть ему правду: он любил собственную мать. Несчастный убежал в сад и там повесился. Нинон искренне оплакивала своего сына, но нет на свете такого горя, которое длилось бы вечно.

Молодой шведский барон Сигизмунд, племянник короля Швеции, стрелялся из-за Нинон, когда той было уже 70. Он с детства был наслышан о девице де Ланкло, приехав в Париж, заключил с одним из своих друзей, бывшим любовником неувядаемой красавицы, пари, что познакомится с Нинон и даже, если та обратит на него внимание, останется к ней совершенно

равнодушен. Знакомство состоялось. Барон не только проиграл пари, но и во всеуслышание признал, что он глупец, потому что за глаза назвал старухой молодую и прекрасную женщину. Польщенная Нинон благосклонно отнеслась к новому поклоннику, и когда тот в полночь покинул её спальню, то готов был поклясться, что его возлюбленной от силы семнадцать лет. Барон поделился счастьем со своим другом, а тот вызвал его на дуэль и убил. За счастье, длившееся четыре часа, было заплачено слишком дорого. Нинон же горько упрекала себя, что не сумела помешать трагической развязке.

Аббата Жедуэна, девяностолетнего, но ещё весьма крепкого мужчину, Нинон томила целый месяц и отдалась в тот день, когда ей стукнуло ровно восемьдесят. Эта связь длилась целый год, но в конце концов распалась из-за… безумной ревности аббата. С тех пор де Ланкло отказывалась иметь дело с мужчинами старше сорока лет.

За год до своей смерти Нинон познакомилась с десятилетним мальчиком, которому впоследствии суждено было прославиться под псевдонимом Вольтер. Мальчик произвел на неё такое сильное впечатление, что она в завещании оставила ему две тысячи золотых на покупку книг. Вольтер на всю жизнь сохранил самые теплые воспоминания о женщине, которую называл не иначе, как «моя красивая тетя».

Нинон умерла 17 октября 1706 года в возрасте девяноста лет в полном сознании и по-прежнему прекрасная. Последними её словами были: «Все когда-то кончается». Великой любовницы, красавицы, женщины, прославившейся своим умом и порядочностью, не стало. И действительно, за три дня до смерти к ней явился старичок…

Во всем мире во все времена было огромное количество куртианок. Нинон де Ланкло — одна из самых известных, хотя куртизанкой в нашем понимании этого слова она как раз и не была.

Такая вот информация к размышлению.

Любовник короля и королевы

Георг Вилльерс, герцог Бэкингем — благородный и изящный дворянин, первый министр короля Англии Карла Первого и его всесильный фаворит, известен нам в основном по роману Александра Дюма «Три мушкетера». На самом деле герцог прожил куда более насыщенную и интересную жизнь, чем его литературный двойник.

Редкий случай: Александру Дюма не пришлось придумывать романтические детали для оживления образа своего героя. Наоборот, он вынужден был избегать многих, подчас слишком скандальных подробностей его биографии, которые могли бы подпортить образ рыцаря без страха и упрека. Возможно, впрочем, что великий романист просто не знал о них.

Многочисленные свидетельства современников камня на камне не оставляют от представления об аристократах того — «мушкетерского» — периода, которое создалось после чтения романа. Бог с ними, с аристократами вообще, но вот все персонажи «Трех мушкетеров», как вымышленные, так и реальные, как положительные, так и отрицательные, для меня лично всегда были предметом самого трепетного обожания. В том числе, разумеется, и герцог Бэкингем. Увы, и с этой иллюзией пришлось распроститься…

Бедный провинциальный английский дворянин Вилльерс после смерти своей бездетной жены женился на её молодой и красивой горничной Мэри Бомонд. Она родила ему четверых детей, в том числе и будущего герцога Бэкингема, а затем овдовела. Но красавица Мэри недолго горевала: нашелся человек, который предложил прелестной вдовушке руку и сердце, а также немалые деньги. Правда, жених был исключительно безобразен и к тому же — карлик, но зато обладал одним несомненным достоинством (помимо богатства, разумеется): любил Мэри до безумия. Настолько, что прощал ей и многочисленных любовников, и непомерное мотовство, и сомнительные знакомства с колдунами и шарлатанами. Любил он и своих приемных детей, на образование которых не жалел денег.

Леди Мэри к тому же верила в астрологию, предсказания и судьбу вообще. Какая-то старуха-гадалка предсказала ей, что её старшего, ненаглядного, обожаемого сыночка Георга ждет блистательное будущее — почти королевское. Георг обладал смазливым личиком, изящными манерами, а этого было вполне достаточно, чтобы сделать карьеру при дворе Иакова I, обожавшего хорошеньких мальчиков.

Чести королю это, разумеется, не делало, но для европейских дворов того времени ничего из ряда вон выходящего в таком пристрастии не было. Современники, правда, посмеивались:

— Елизавета была королем, теперь королева — Иаков.

Но ведь известно, что природа, создав гениев, «отдыхает» на их детях. Сын Марии Стюарт, женщины более чем незаурядной, Иаков воспитывался при дворе королевы Елизаветы — самого страшного врага его матери, а впоследствии — и её убийцы. Из рук Елизаветы Иаков принял корону и скипетр Англии, нимало не смущаясь тем, что на этих королевских регалиях были ещё следы крови его казненной матери.

Иаков стал королем в 37 лет. Еще при жизни Елизаветы он женился на датской принцессе, и у них родились трое сыновей. Но явное предпочтение король отдавал отнюдь не женщинам, а представителям собственного пола. Фавориты сменяли один другого: кто-то заканчивал свою жизнь на эшафоте, кто-то исчезал в безвестности. И вот при дворе, заботливо опекаемый любящей матерью, появился Георг Вилльерс — шестнадцатилетний превосходный танцор, отличный наездник, талантливый актер. Кстати, именно в этом качестве он и одержал победу над сердцем короля: в комедии, игравшейся при дворе, Георг исполнил женскую роль. Двор рукоплескал, а король, плененный красотой «актрисы» и приятно возбужденный этим пикантным маскарадом, милостиво говорил с Георгом, потрепал его по щеке и через несколько дней… произвел в рыцари и камергеры королевского двора. Через четыре года Вилльерс, щедро награжденный поместьями, доходными местами, арендами, орденами, был последовательно виконтом, графом, маркизом. Наконец, в двадцать лет он стал герцогом Бэкингемом, а фактически — некоронованным королем Англии и Шотландии. Сбылось предсказание старухи-гадалки!

Трудов, а точнее, унижений это, однако, стоило немалых. Грозный для своих соперников-царедворцев, Бэкингем перед королем пресмыкался и паясничал хуже последнего шута.

— Ты шут? — спрашивал его король. — Ты мой паяц?

— Нет, ваше величество, — отвечал Георг, целуя его ноги, — я — ваша собачка.

И в подтверждение этих слов тявкал и прыгал перед королем на корточках. Об остальных «услугах», которые эта «собачка» оказывала своему повелителю, лучше умолчать. И без того будущий легендарный любовник Анны Австрийской предстает в очень неприглядном свете.

Зато и вознагражден он был по-королевски. Умирая, король Иаков завещал своему сыну и наследнику Карлу своего фаворита

в качестве… основного советника и наставника в государственных делах. Справедливости ради следует сказать, что Иаков мог бы сделать и худший выбор. Разумеется, моральные устои герцога не выдерживают никакой критики, но как политик он был, безусловно, талантлив. Если бы не стойкая привычка делать все, сообразуясь только с личными интересами, а не с государственными, герцог не погиб бы от руки наемного убийцы и не подтолкнул бы короля Карла к эшафоту.

Несмотря на завещание отца, король Карл мог бы просто-напросто отправить бывшего всесильного министра в отставку и ссылку и тем самым приобрел бы куда большую любовь своего народа, чем та, которой пользовался. Ибо Бэкингем успел изрядно насолить не только аристократии, но и всем англичанам вообще. Но новый король этого не сделал. И вот почему.

Пассивный и кроткий свидетель распутств своего отца, Карл не осмеливался высказать ему свое негодование и смиренно молчал во всех тех случаях, когда даже имел полное право высказать собственную точку зрения. Король Иаков не лю5ил правды, поэтому его сын исподволь приучился лгать и лукавить. С годами эта привычка стала его второй натурой.

Сначала Карл не ладил с фаворитом своего отца и пытался свергнуть непрошеную опеку в общем-то, безродного выскочки (в те времена при английском дворе ещё помнили, кем был всесильный министр в начале своей карьеры). Но однажды после горячего спора Бэкингем просто напросто дал оплеуху наследнику английской короны, и тот… проглотил это оскорблени и смирился. Бунт был подавлен в зародыше и, когда Карл взошел на престол, он уже не мыслил себе жизни без герцога Бэкингема, который «великодушно» освободил его от тягостных обязанностей государственной власти, предоставив развлекаться и наслаждаться жизнью.

Почти роковую роль сыграл герцог и в женитьбе Карла. Первоначально шли долгие переговоры о брачном союзе с испанской инфантой Марией, и Бэкингем получил немало испанского золота, чтобы устроить это бракосочетание. Но дело не заладилось: испанский король стремился не столько выдать замуж дочь, сколько получить от Англии как можно больше политических выгод.

Бэкингем сообразил все это быстрее довольно тупоумного короля Иакова, и с не меньшим пылом занялся сватовством принца Карла к сестре французского короля Людовика XIII принцессе Генриетте, дочери Генриха IV. Этот брак состоялся и имел несколько, можно сказать, судьбоносных последствий. Во-первых, сватовство к французской принцессе способствовало

знакомству герцога Бэкингема с королевой Анной Австрийской. Об этом, в том числе и о знаменитом «деле с подвесками», которое действительно было, поговорим подробнее чуть позже. А во-вторых, усилило власть герцога над принцем, который с некоторых пор предпочитал Бэкингема всем остальным придворным и даже… собственной жене. Не в том плане, правда, как это делал его отец (король Иаков скончался за три месяца до свадьбы Карла), а просто позволял Бэкингему помыкать молодой королевой Генриеттой в точности так же, как он помыкал вдовствовавшей королевой Анной, матерью короля Карла. А когда Генриетта Французская попробовала возмутиться, первый министр высокомерно ответил ей:

— У нас в Англии королевам и головы рубили!

Имея в виду бабушку Карла, королеву Марию Стюарт.

С английским народом он обращался ещё более высокомерно, чем с монархами. Бесчисленные мятежи и бунты в правление Карла I — целиком и полностью «заслуга» его первого министра. В конце концов не только народ, но и парламент возненавидели Бэкингема лютой ненавистью. А заодно и послушную игрушку в его руках — короля Карла. С этого времени парламент и король составили два враждебных лагеря, готовившихся к борьбе за верховную власть. Карл ссылался на древность своего рода, парламент — на закон. Уступить народу Карлу не позволяло врожденное высокомерие, бороться с ним — наследственная трусость. Поэтому он и хватался за всесильного Бэкингема, как утопающий за соломинку.

А Бэкингем последние три года своей жизни (1625–1628) потратил на то, чтобы добиться прочной благосклонности королевы Анны Австрийской. И государственными делами занимался постольку поскольку.

И вот тут, слава Богу, можно перевести дух и писать практически то же самое, о чем поведал Александр Дюма в своем бессмертном романе. Некоторые мелочи, правда, портят общую прекрасную картину, но в целом Бэкингем предстает просто потерявшим голову от любви мужчиной, который любой ценой жаждет обладать любимой женщиной.

А любимая женщина, королева Франции, была несчастнее самой последней своей подданной. Выданная замуж за капризного, болезненного и бессердечного Людовика XIII исключительно по политическим соображениям, гордая и целомудренная испанская инфанта была не женой, а великолепной куклой, о которой король забывал, как только заканчивалась очередная парадная церемония. Супружеские обязанности Людовик исполнял так вяло, что наследник

престола, будущий король-Солнце Людовик XIV родился через двадцать три (I) года после свадьбы его родителей.

Параллельно Людовик X!!! имел любовниц, в том числе отдавал явное предпочтение герцогине де Шеврез. Пикантность ситуации усугубилась тем, свою метрессу он определил к королеве в качестве первой статс-дамы. И сам себя перехитртл. Женщины подружились так, что герцогиня стпла ближайшей наперсницей королевы. Именно прекрасная герцогиня внушила своей подруге и повелительнице мысль о том, что следует отплатить королю за холодность той же монетой: не губить молодость в безотрадном уединеии и отыскать себе воздыхателя в кругу придворных. Первое время чопорная испанка с ужасом отмахивалась от лукавых советов герцогини, но постепенно стала склоняться к мысли о том, что… Почему бы и нет?

Роковую роль сыграла герцогиня и в отношениях между королевой и кардиналом Ришелье. Де Шеврез затеяла посмеяться над кардиналом и попыталась ему внушить мысль о том, что он страстио любим королевой, только-де она боится сделать первый шаг. Герцогиня недооценила противника: тонкий политик, человек незаурядного ума и хитрости, кардинал быстро раскусил обман и возненавидел обеих знатных проказниц: королеву за то, что она позволила использовать свое имя в интриге, герцогиню за то, что попыталась сыграть злую шутку с самим Ришелье.

Неизвестно, как бы отомстил кардинал, в общем-то, невинной Анне Австрийской, если бы вскоре в Париж на брачные торжества принцессы Генриетты Французской не прибыл личный представитель венценосного жениха, короля Карла I, герцог Бэкингем. Зато хорошо известно, чем этот визит закончился: для королевы, для герцога, для Франции и для Англии. Любовь Анны Австрийской и герцога Бэкингема по праву можно было бы назвать «романом века». Ибо вряд ли можно назвать другую пару, которая заплатила бы такую дорогую цену за несколько мимолетных свиданий, большая часть которых была абсолютно невинной. Да и то, что произошло между ними, в конце концов выглядело невинной пасторалью на фоне придворной жизни того времени, когда супружеская верность считалась скорее пороком, нежели добродетелью, а любовные связи с гордостью выставлялись напоказ всему свету.

Стоустая молва давно разнесла по всему французскому королевству легенды о необычайной красоте, уме, обаянии герцога. И, главное, о его неотразимости и фантастическом количестве жертв его волокитства. На балу, данном на второй день свадебных торжеств, во дворце кардинала появился, обращая на себя всеобщее внимание, великолепный герцог Бэкингем — к

восторгу дам и бешеной зависти кавалеров. Высокий ростом, превосходно сложенный, с пламенными черными глазами, герцог мог бы вскружить не одну женскую головку, явись он хоть в рубище дровосека. Но этот красавец был одет в серый атласный колет, расшитый жемчугом, с крупными жемчужинами вместо пуговиц. На шее в шесть рядов красовалось ожерелье из столь же крупных жемчужин…

Но и это ещё не все. В уши герцога были вдеты жемчужные серьги несметной стоимости. Нет, это не отголоски тех забав, которым Бэкингем предавался в более молодые годы. Это обычный наряд придворного щеголя того времени. Но цена наряда! Кстати, добрую половину жемчуга герцог рассыпал по залам дворца во время танцев: жемчужины оказались плохо пришитыми. Подбирать же их милорд счел ниже своего достоинства. За него это с удовольствием сделали французские придворные дамы и кавалеры.

Ослепив весь французский двор богатством и красотой, герцог удивил его и своей грациозностью в танцах. Несколько кадрилей он был кавалером Анны Австрийской, и на глазах сотен гостей начался их роман. Роман авантюрный. Роман великолепный и безнадежный…

В тот праздничный вечер герцог пленил не одно женское сердце, не считая сердца королевы. В Бэкингема до безумия влюбилась… герцогиня де Шеврез. А разгневанный король Людовик закатил кардиналу Ришелье колоссальный скандал.

Вы думаете, Людовик беспокоился о своей чести, боялся стать рогоносцем? Да ничуть не бывало! Законная жена интересовала его ещё меньше, чем политика, точнее, не интересовала вообще. Но герцогиня де Шеврез! Королевская любовница! В общем, Людовик потребовал от кардинала, чтобы нахальный англичанин в двадцать четыре часа был выдворен за пределы королевства. Ришелье этого не сделал: для него политические интересы Франции были важнее всех королевских капризов, вместе взятых. Но принял свои меры.

Анна Австрийская привязалась к Бэкингему со всем пылом первой страстной любви. Если её что-то и тревожило, то отнюдь не мысль о ревнивом муже: куда больше она боялась мести Ришелье. И не напрасно. Всесильный кардинал подобрал целую шайку наемных убийц, которым было приказано в случае удачного тайного свидания королевы и Бэкингема убить последнего.

Случайно или нарочно, но милорд герцог остановился в доме… герцогини де Шеврез, которая внезапно с подлинным геройством взялась устроить тайное свидание влюбленных

голубков. Заплатил ей герцог за это звонкой монетой или «натурой» — неизвестно. Скорее всего, и тем, и другим. Романтическая герцогиня любила золото не меньше, чем красивых мужчин. Но именно ей принадлежала гениальная идея прорыть подземный ход из погреба её дома в склепы расположенного неподалеку женского монастыря Валь-де-Грас.

Было условлено, что королева придет вечером в церковь этого монастыря, где её будет поджидать Бэкингем, переодетый монахом-капуцином, и они безопасно проникнут в дом герцогини, воспользовавшись подкопом. К несчастью, в церкви затаился один из шпионов Ришелье, который поплатился за это жизнью: шпагой герцог владел виртуозно. Но толку от его виртуозности было чуть: свидание сорвалось, королева и герцогиня бежали из церкви. На следующее утро труп шпиона был обнаружен. Дальше все было скучно и буднично: кардинал распорядился провести следствие, следствие установило наличие подземного хода, а герцогиня поклялась, что понятия о нем не имеет и что скорее всего злоумышленники копали из церкви в подвалы её дома. Дабы ограбить её несметно богатого гостя, да и саму герцогиню заодно.

Дело поспешили замять, потому что… Да потому, что так распорядился король. На романтические заскоки жены ему было наплевать, но наживать головную боль, размышляя о том, верна ему любовница или нет, Людовик решительно не желал. Герцогиня отделалась легким испугом, королеву подвергли домашнему аресту в Лувре. Но ненадолго.

Свадебные торжества подошли к концу, и принцесса Генриетта, отныне английская королева, отправилась на свою новую родину. До морского порта её сопровождал брат — французский король, невестка — французская королева и, разумеется, герцог Бэкингем. Первый ночлег был в Компьене, где Людовик заболел лихорадкой. Король болен, кардинал далеко, и ловкая герцогиня де Шеврез нашла возможность устроить интимное свидание королевы с предметом её грез. Кстати сказать, грезила о Бэкингеме и сама герцогиня. Однако, будучи женщиной мудрой, рассудила, что сама может подождать, а вот для королевы другой возможности может и не представиться.

Судьба явно благоволила к любовникам: Людовик остался в Компьене, но своей супруге позволил сопровождать свадебный кортеж дальше. На ночлеге в городе Амьене произошло событие, объяснения которому историки так и не нашли, а Александр Дома предпочел вообще обойти молчанием, описав пресловутый «вечер в Амьене» как первое и последнее платоническое свидание королевы с герцогом.

События же развивались так: королева и герцог в сопровождении нескольких придворных отправились прогуляться по саду. Влюбленные уединились в беседке из живых цветов, откуда по прошествии некоторого времени раздался крик Анны. Почему закричала королева? Некоторые полагают, что этот крик послужил доказательством её «добродетели и целомудрия», на которые покусился герцог. Но чем тогда занималась эта парочка в предыдущую ночь? Другие утверждают, что в Амьене королева, наконец, рассталась с невинностью — утверждение, вообще не выдерживающее никакой критики. Разумеется, за десять лет брака законный муж — король — мог и не удосужиться выкроить время хотя бы для одноразового исполнения супружеского долга. Но и это маловероятно: Франции был нужен наследник престола, и король, хотелось ему того или нет, обязан был этот самый долг выполнить, причем, по обычаям тех времен, под бдительным надзором придворных. Но даже если предположить, что король сачканул, то герцог вряд ли был способен провести ночь наедине с любимой женщиной, исключительно декламируя ей сонеты и мадригалы или даже целуя руки. Не тот характер!

Скорее всего, королева закричала от наслаждения. Знающие люди подтвердят: спутать такой крик со стоном боли или страдания довольно легко. И тогда все становится на свои места. Еще и потому, что Анне Австрийской ни с какой стороны не было выгоды привлекать к себе внимание воплями. Она бы стерпела что угодно, прекрасно понимая опасность и двусмысленность своего положения. Гордая испанка сумела бы сдержать крик боли, негодования, испуга и так далее, и тому подобное. К одному она не была готова и потому не смогла это предотвратить. Королева не сумела сдержать крика физического упоения.

Это подтверждается ещё и тем, что королева действительно подарила герцогу алмазные подвески. Не в Париже, как утверждает Александр Дюма. В Булони, при расставании, на следующий день после рокового свидания. Королева плакала, Бэкингем плакал, а шпионы кардинала поспешили донести своему шефу, что потерявшая от любви голову Анна Австрийская преподнесла своему любовнику аксельбант с двенадцатью подвесками — подарок её венценосного супруга. Поступок, который можно объяснить только тем, что испытанное Анной блаженство полностью лишило её осторожности. Было вполне очевидно, что герцог не положит подвески в сейф, чтобы тайком ими любоваться, а станет носить. Почему не подарила перстень, серьги, браслет, наконец? В общем, любую вещь, не уникальную, а просто дорогую? Ведь особой разницы в ювелирных украшениях для женщин и мужчин тогда не было. Да потому и подарила

уникальную вещь, что испытала уникальные (для себя, разумеется) ощущения. В таких случаях королевы мало чем отличаются от подданных и творят ничуть не меньшие глупости.

Еще большую глупость сделал герцог. Оставив в Булони свою подопечную — английскую королеву, он на сутки вернулся в Амьен, вслед за Анной, и добился у неё аудиенции. Королева была нездорова, приняла его, лежа в постели, и тем самым дала возможность ещё большему числу кардинальских шпионов получить подтверждение этой скандальной связи. Поздно вечером королева на несколько минут выскользнула в сад, чтобы попрощаться с Бэкингемом. Вот это свидание и описал Дюма в «Трех мушкетерах» и ничуть не погрешил против истины: свидание было чрезвычайно кратким и абсолютно невинным. Ошибся в романист в другом: в тот вечер, в Амьене, подвесок на королеве не было. Они были уже на герцоге Бэкингеме.

Неудивительно, что возвращение королевы Анны в Лувр было сильно омрачено той грубой холодностью, которую проявил её супруг. Это вряд ли можно поставить ему в вину: мало кто из мужей любит быть обманутым, да ещё со столь бесстыдной откровенностью. Разумеется, к раздуванию королевского гнева приложил руку и кардинал Ришелье, оскорбленный не как отвергнутый любовник, а как государственный деятель, которому роман королевы путал все карты политической игры. Но Ришелье исхитрился извлечь выгоду и из романтической страсти королевы.

Дело в том, что в Лондоне оставалась любовница, точнее, одна из любовниц герцога Бэкингема — леди Клэрик. Ришелье ещё во время пребывания блистательного герцога в Париже связался с его английской метрессой, уведомив красавицу-леди о новом увлечении Бэкингема. Миледи, столь же умная, сколь и красивая, дала посланцу кардинала бесценный совет:

— Известно ли его преосвященству, — сказала она, — что теперь идут страшные религиозные распри между католиками и протестантами? Вопрос религиозный — только ширма, за которой скрывается бездна политических амбиций и стремление захватить власть, в том числе и королевскую. Покуда этот мятеж тлеет, как искра, беспокоиться не о чем. Но если из искры раздуть пожар — его зарево быстро заставит Бэкингема позабыть о любом романе.

Агенты Ришелье в Англии последовали совету леди Клэрик, тем более, что ослабление Англии и возвышение Франции входило в политическую программу кардинала. Но толчком к раздуванию пожара послужили не политические соображения, а любовь. Будь королева Анна менее прекрасна, король Карл I, возможно, дожил бы до своей естественной кончины, и все

«прелести» английской революции вкусил бы его сын, Карл II. Будь герцог Бэкингем двадцатью годами старше — в истории Англии было бы меньше кровавых страниц. Однако история не любит сослагательных наклонений, и все произошло так, как произошло.

После отъезда Бэкингема из Франции и возвращения королевы Анны в Париж кардинал направил леди Клэрик письмо следующего содержания:

> «Так как благодаря вашему содействию цель наша достигнута и герцог вернулся в Англию, то не сомневаюсь, что он сблизится с вами по-прежнему. Мне доподлинно известно, что королева Анна Австрийская подарила герцогу на память голубой аксельбант с двенадцатью алмазными подвесками. При первом же удобном случае постарайтесь отрезать две или три из них и доставить их немедленно ко мне: я найду им достойное применение. Этим вы навеки рассорите королеву с вашим вероломным возлюбленным, мне же дадите возможность уронить его окончательно во мнении Людовика XIII, а может быть, даже и самого его величества, короля Карла I».

Ришелье прекрасно знал, что герцог будет носить воистину королевское украшение. И тот действительно надел его на первый же придворный маскарад. Леди Клэрик достала две подвески, но…

Но спас положение не отважный мушкетер, а камердинер герцога. Раздевая своего господина после маскарада, он обнаружил пропажу двух подвесок. А дальше Бэкингем действовал уже самостоятельно, будучи человеком ничуть не более глупым, чем Ришелье, только более молодым и увлекающимся. Он мгновенно «вычислил» и воровку, и причины кражи и в ту же минуту принял все необходимые меры.

А во Франции события тем временем приняли драматический оборот. Ришелье под предлогом необходимого примирения царственных супругов предложил Людовику дать большой бал во дворце, пригласив на него королеву.

Вечером того же дня королева получила письмо от короля:

> «Государыня и возлюбленная супруга, с удовольствием и от всего сердца сознаемся в неосновательности подозрений, дерзких и несправедливых, которые пробудили в нас некоторые события в Амьене. Мы желали бы публично заявить вам,

сколь глубоко были мы тронуты явной несправедливостью, пусть и невольной. Посему завтра, 9 января, приглашаем вас в замок Сен-Жермен, а если вы желаете доказать и ваше незлопамятство, то потрудитесь надеть аксельбант, подаренный вам в начале прошедшего года. Этим вы совершенно нас порадуете и успокоите. Людовик».

Это милое письмо привело Анну Австрийскую в неописуемый ужас. Все висело на волоске: честь, корона, сама её жизнь, возможно. Герцогиня де Шеврез предложила королеве сказаться на несколько дней больною и послать гонца в Лондон, к герцогу. Но Ришелье предусмотрел это: королева в одночасье была лишена почти всех преданных ей слуг, во всяком случае таких, чья отлучка могла остаться незамеченной. Кардинал вообще мог быть совершенно спокоен: по повелению короля Англии все порты оказались заперты, и сообщение с Францией прервано.

Ришелье упустил из виду только одно: фактическим королем Англии был Бэкингем, и без его не то что порты — ворота королевского дворца не могли быть заперты. Значит, эта мера была выгодна герцогу. Но интрига показалась кардиналу настолько легкой и беспроигрышной, что он, вопреки обыкновению, не позаботился изучить все детали. Между тем на рассвете следующего дня герцогиня де Шеврез вбежала в спальню королевы, задыхаясь от волнения, и воскликнула:

— Ваше величество, вы спасены, спасены!

Бэкингем прислал курьера к герцогине, и она передала королеве футляр с аксельбантом и письмо благородного любовника:

«Заметив пропажу подвесок и догадываясь о злоумышлениях против королевы, моей владычицы, я в ту же ночь приказал запереть все порты Англии, оправдывая это распоряжение мерой политической… Король одобрил мои распоряжения. Пользуясь случаем, я приказал изготовить две новые подвески и с болью в сердце возвращаю повелительнице то, что ей угодно было подарить мне…»

Перед самым балом кардинал вручил королю две алмазные подвески и объявил — в присутствии королевы! — что герцог столь мало дорожил её подарком, что подарил его своей очередной пассии, а та начала распродавать бриллианты по одному. Доверенному лицу кардинала по воле случая удалось купить в Лондоне две подвески, причем в весьма сомнительной

лавчонке. О судьбе остальных подвесок ничего не известно.

Король, в число достоинств которого отнюдь входила сдержанность, чуть было не наградил королеву пощечиной. Но та проявила поразительное хладнокровие и приказала одной из своих фрейлин принести из будуара ларчик. Приказание было мгновенно исполнено, и все увидели аксельбант в целости и сохранности. Король ничего не понял, но сразу успокоился, поскольку дорогая вещь не пропала. Кардинал понял все — и возненавидел королеву ещё яростнее.

Бэкингем, со своей стороны, сделал политику орудием своей любовной интриги: изыскивал все способы для приезда во Францию под благовидным предлогом. Желанный повод не замедлил отыскаться. Между Карлом II и его супругой, Генриэттой Французской, вследствие несходства характеров, возникло взаимное неудовольствие, и семейная жизнь стала очень напоминать отношения между Людовиком и Анной во Франции. Злые языки того времени утверждали, что герцог Бэкингем был основным виновником этих недоразумений, искусственно разжигая взаимную неприязнь супругов. Он хотел вынудить королеву съездить во Францию, повидаться с матерью — вдовствующей королевой Марией Медичи, возможно, пожаловаться на мужа. Король Карл согласился при одном условии: сопровождать королеву будет герцог Бэкингем.

Генриетте было безразлично, кто составит её свиту, но Людовик XIII отреагировал, как сказали бы сейчас, неадекватно:

— Сестра вольна приезжать с кем угодно, но только не с Бэкингемом! — с бешенством прокомментировал король известие о предстоящем визите родственницы.

Бэкингем, узнав о непреклонности короля, в свою очередь потерял хладнокровие и здравый смысл.

— Пропадай же заодно с моим блаженством и спокойствие всей Европы! — вскричал он, бросая пол великолепную чернильницу, выточенную из халцедона. — Клянусь моим покровителем, святым Георгием, я им докажу, что король Англии — это я! Не хотят принять меня, как посланника мира, примут как победителя в войне, которую я начну!

С этой минуты отношения между двумя державами испортились почти непоправимо. Все предвещало неизбежный полный разрыв и настоящую войну французов с англичанами. Войны Ришелье не хотел, но переубедить короля не смог. В результате в августе 1628 года Бэкингем был убит фанатиком-одиночкой, который не сказал ни слова с момента убийства до собственной казни. Но кое-кто утверждал, что убийцу — Фельтона — видели во дворце кардинала Ришелье за две недели

до трагедии. Возможно, руку Фельтона направлял кардинал. Впрочем, и в самой Англии было немало людей, ненавидевших всесильного временщика ничуть не меньше, чем Ришелье.

Весть о гибели возлюбленного, о новой встрече с которым она грезила целых три года, жестоко поразила королеву Анну. Любовь к нему была единственным счастьем её жизни, воспоминания о нем — единственной отрадой. По целым дням, запершись в своей молельне, королева молилась за упокой души человека, подобного которому е никогда не встречала. «Любящий» супруг дал ей неделю на молитвы, а потом устроил в Лувре великолепный бал с придворным балетом и предложил королеве в нем участвовать.

— Мне — танцевать? — ужаснулась несчастная.

— А почему бы и нет? Разве вы в трауре?

— Я буду танцевать, ваше величество.

— И прекрасно! Этим вы доставите мне большое удовольствие.

Удовольствие короля было тем большим, что после первых нескольких па королева без чувств упала на пол. Больше она не танцевала никогда до самой своей смерти, хотя танцы любила страстно.

Любовь к королеве позволила Бэкингему к концу жизни стать именно таким благородным рыцарем, которого мы знаем по роману Дюма. Герцог остался в памяти потомков прежде всего благодаря тому, что был любовником королевы, трагически погибшим из-за этой любви в 36 лет. И почти никто не вспоминал о том, что начинал этот знатный красавец любовником… короля. Превратиться из куртизана в политика, а из наложника — в романтичного влюбленного мало кому удавалось…

Бэкингему удалось.

Принцесса из Дармштадта

Жила-была принцесса. И было у нее, как у всех принцесс на свете, свое маленькое герцогство, и отец-герцог, и мать — самая настоящая герцогиня…

Сколько сказок сложено на эту тему. В любой из них, даже самой печальной, обязательно торжествуют добро и справедливость, рассеиваются чары колдунов, вознаграждаются верность и любовь. Но жизнь чаще всего оказывается много сложнее сказочных идиллий.

…В семье герцога Людвига II Гессен-Дармштадтского и его жены Вильгельмины, урожденной принцессы Баденской, было четверо детей: три сына и младшая дочь-принцесса Максимилиана-Вильгельмина-Августа-Софья-Мария. Она родилась 25 июля 1824 года, то есть под абсолютно королевским знаком Льва. Роскошный, великолепный знак, да ещё и для особы голубой крови. Но… принесло ли ей счастье такое расположение звезд? Судите сами.

Герцогиня, страстно желавшая иметь дочь, с первых же дней отказалась от гувернанток и взяла все хлопоты о малютке на себя, что было, мягко говоря, нетипично для дам-аристократок. Мать сама составила программу воспитания принцессы Марии, и это тоже выделило её из других германских принцесс. Герцогиня Вильгельмина была большой приверженицей французской культуры и литературы, и семейная традиция парижской утонченности и великолепного литературного французского языка наложила неизгладимый отпечаток на характер девочки.

Марии исполнилось всего двенадцать лет, когда умерла её мать, но воспитание принцессы продолжалось по той же, заранее составленной программе. К весне 1839 года Мария стала очаровательной девушкой, с прекрасными манерами и незаурядными даже для мужчин того времени познаниями в области литературы, философии, истории, изящных искусств. А тот вечер, когда она впервые танцевала на придворном балу, стал настоящим праздником для всего герцогства. Принцесса оказалась именно такой, какими бывают сказочные персонажи.

В это время наследник русского престола Великий князь Александр, сын императора Николая I, совершал большое турне по европейским дворам. Цель поездки состояла в том, чтобы познакомить будущего императора с возможными союзниками, дать ему опыт дипломатического общения, да и здоровье цесаревича после затяжной болезни легких требовало пребывания в мягком климате. Но… существовала ещё одна — тайная —

причина поездки. Николай I желал, чтобы сын избрал себе спутницу жизни среди европейских принцесс. Но, увы, переезжая из столицы в столицу, цесаревич оставался совершенно равнодушным к чарам местных коронованных красавиц.

Кстати сказать, сам Александр тоже мог считаться эталоном «Прекрасного Принца». Высокого роста, с прекрасными манерами, исполненный царственной простоты и достоинства, цесаревич в любом обществе оказывался в центре внимания. Неизвестно, сколько принцесс заставил он проливать горькие слезы в подушку. К тому же красавец должен был со временем стать императором таинственной, огромной и сказочно богатой страны — России. Было от чего зарыдать!

Интересно, что посещение Дармштадта планами цесаревича не предусматривалось. В этом крохотном герцогстве Александр собирался провести лишь одну ночь, да и ту-в гостинице, а потом ехать дальше. Но не успели путешественники расположиться в номерах, как цесаревичу доложили, что герцог Людвиг прислал лошадей и кареты, приглашая дорогих гостей (и дальних родственников) посетить его замок. Вполголоса проклиная условности этикета и многочисленную родню с её докучливым гостеприимством, усталый Александр решил на один час заехать в Дармштадт в сопровождении одного только графа Орлова. А остальной свите приказал оставаться в гостинице и ждать его возвращения…

Прошел час, два, несколько часов. Среди свиты началась тихая паника: Великий князь словно в воду канул. Наконец, Александр вспомнил о своих придворных, и скороход принес в гостиницу приказ всем немедленно ехать в Дармштадтский придворный театр. На следующее утро был дан парад в честь высокого гостя, и в тот же день в Петербург помчался курьер с экстренным донесением императору Николаю.

> «Государь! Человек предполагает, а Бог располагает. Ваше Величество, изволите припомнить, что только два дня тому назад я Вам писал, что все проекты женитьбы отложены и что человеческому предвидению не дано разгадать волю Божию. Справедливость моих слов только что подтвердилась. Кто бы мог подумать, что в Дармштадте, который Великий Князь хотел миновать — по лени и вследствие пресыщения немецкими принцами и принцессами, — что именно там окажется та, которая с первого же взгляда очаровала Великого Князя.
>
> Это принцесса Мария, дочь герцога Людвига, в июле ей будет 15 лет. У неё изящная фигура и очень

благородные манеры; лицо, не будучи безупречно красивым, привлекательно и очень умно. Она прекрасно воспитана, разговор её умен и остроумен. Одним словом, все, что мне удалось узнать про нее, говорит в её пользу.

Если бы я хотел сказать больше, если бы я хотел предсказать будущее, я взял бы на себя слишком большую ответственность, и потому ограничиваюсь настоящим — правдою. Милость Божия и Ваша мудрость сделают остальное.

А. Орлов».

Родители цесаревича согласились с выбором сына, и вопрос о помолвке был в скором времени решен, В марте 1840 года Александр снова едет в Дармштадт. Весна выдалась теплой, земля быстро освобождалась от снега, воздухе повис густой туман, и сообщение о помолвке пришло в Петербург с опозданием на трое суток: семафорный телеграф, которым пользовались в то время, был не в состоянии преодолеть коварство природы.

Можно лишь строить предположения о том, какие чувства владели молодой девушкой, почти ребенком, накануне такого крутого поворота судьбы. Замужество, разлука с родными, переезд в далекую, неведомую страну, с чужим языком, незнакомыми людьми. О России она имела весьма смутные представления. Да и большинство окружавших принцессу придворных было уверено, что зимой в Петербурге жители ходят в масках, подбитых мехом, а на улице совершенно спокойно можно повстречать волка или медведя. У Марии не было никого, кому она могла бы рассказать о своих сомнениях и опасениях. Оставалось испытанное средство робкого человека — маска невозмутимой гордости, надежно защищающая душу от нескромных взглядов.

В конце августа 1840 года Мария уехала в Россию. Будущая её свекровь, императрица Александра Федоровна, строго наказала фрейлинам невесты: с принцессой говорить только по-русски. Марии очень повезло с педагогом — преподавать русский язык ей начал знаменитый поэт Василий Андреевич Жуковский, который не только научил принцессу говорить и писать по-русски без грубых ошибок, но его уроки позволили расположить сердце принцессы к России, внушить ей сочувствие и уважение к её народу.

Дни, заполненные занятиями, развлечениями, балами, летели незаметно. Но сосем непросто оказалось для Марии привыкнуть к сложному церемониалу петербургского двора. Не обходилось

дело и без колких замечаний и досадных промахов. Императрица, например, могла прийти утром в покои принцессы и, взглянув за ширмы, где стояла кровать, сделать замечание дежурной фрейлине: «Я вижу, что здесь ещё „немецкая уборка“, вы этого не позволяйте. Надо, чтобы на кровати ничего не лежало, все постельные принадлежности убирайте в корзину». Немцы были сражены подобным русским педантизмом.

Мария привыкла не показывать своих чувств, хотя на душе у неё нередко царила грусть. Иногда по вечерам, закрывшись у себя в спальной, она горько плакала от одиночества. Чтобы осушить слезы и вновь принять вид добропорядочной, милой, всем довольной маленькой принцессы, она открывала окно и жадно вдыхала свежий воздух. Однажды она простудилась и надолго слегла в постель. Александр не отходил от невесты, часто наведывался и сам император. Нет худа без добра: болезнь позволила Марии лучше ощутить доброту и тепло её новых родных. Кризис миновал, вместе со здоровьем возвращались силы, любовь дарила надежду на счастье.

Бракосочетание свершилось 16 апреля 1841 года с той торжественностью, которая уходила корнями во времена Екатерины Великой и ещё дальше в патриархальную, древнюю Русь, с её восточной византийской обрядностью и исконно русским нескончаемым и пышным застольем. Свадебные торжества продолжались несколько дней, балы сменялись спектаклями, затем следовали парады, пока, наконец, изрядно утомленные новобрачные не отправились по традиции в первопрестольную русскую столицу — Москву.

Казалось, прошло совсем немного времени, когда на обедне в церкви с великой княгиней сделалось дурно. Императрица, проводив невестку в её комнаты, вышла к фрейлинам с радостным известием: «Поздравляю, перешивайте платья Княгини».

18 августа 1842 года Мария Александровна благополучно родила дочку, названную при крещении Александрой. Девочке суждено было прожить всего семь лет. И хотя к этому времени в семье родилось ещё три сына, а смерть детей в ту эпоху была обычным явлением, потеря дочери стала трагедией для матери. Она писала: «Отныне наше счастье уже не будет полным, но оно будет тем, чем должно быть счастье на земле: к нему всегда будет примешиваться чувство сожаления, но вместе с тем и надежда, что Господь по милосердию своему приведет нас туда, куда раньше нас последовал наш ангел…»

Великой княгине исполнилось 25 лет, почти восемь лет прошло со дня свадьбы. Перенесенные испытания окончательно

сформировали характер молодой женщины, определили её духовные и нравственные идеалы. Ее отличали замечательные выдержка и такт. Скромность и молчаливая гордость Великой княгини снискали ей огромную популярность в столичных кругах. Но подлинный смысл жизни для Марии Александровны заключался в уютном мирке детской, вдали от шума и суеты придворной жизни.

Однако положение супруги наследника престола обязывало её присутствовать на бесконечных официальных церемониях, и она без жалоб и сетований соблюдала правила игры, хотя её рассеянный и озабоченный вид выдавал внимательному наблюдателю утомление и скуку.

В то же время вокруг Марии Александровны образовался кружок людей, представлявших собой духовную элиту России тех лет. В него входили поэты В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, А. К. Толстой, Ф. И. Тютчев. Именно Великая княгиня собственным многократным повторением сделала чрезвычайно популярным четверостишие Тютчева, актуальное до сих пор:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

Император Николай I скончался 18 февраля 1855 года в Зимнем дворце, на своей походной койке, накрытый обычной офицерской шинелью. Последними словами умирающего императора к сыну были: «Сдаю тебе команду, но, к сожалению, не в таком порядке, как желал, оставляю тебе много трудов и забот».

Действительно, новому императору досталось непростое наследство. В манифесте о вступлении на престол он дал многообещающий обет — всегда иметь единой целью благоденствие Отечества и утверждать Россию на высшей ступени могущества и славы. Первыми шагами на новом поприще для тридцативосьмилетнего Александра II бьши дипломатические поиски достойного выхода из войны. В 1856 году в Париже был подписан договор, положивший конец бесславной для России крымской кампании.

26 августа 1856 года в Кремле, в Успенском соборе прошел чин венчания на царство Александра II и Марии Александровны. По обыкновению, император объявил о многочисленных льготах и помилованих, но особенно много и восторженно говорили в те дни об амнистии декабристам. Они возвращались из Сибири, им

были возвращены титулы и дворянское достоинство. «Дай Бог, — сказал Александр II, подписывая документ об амнистии, — чтобы впредь никогда не приходилось русскому государю ни наказывать, ни даже прощать за подобные преступления». Бог не дал…

В царствование Александра II были проведены либеральные реформы судопроизводства, военного дела, образования. Большое внимание уделялось учреждению земства: правительство начало послабление ограничительных законов по отношению к евреям и раскольникам. Но вершиной государственной деятельности Александра II стал Манифест 19 февраля 1861 года, освобождающий крестьян от крепостной зависимости. Русский крестьянин наконец стал свободным человеком. Царь-освободитель — под этим именем Александр II вошел в историю.

Мария Александровна близко к сердцу принимала либеральные идеи мужа. Немало сил она положила на дела милосердия и народного образования в России. Под её покровительством находились многочисленные благотворительные учреждения во всех концах необъятной Российской империи. С 1860 года она принимала активное участие в решении вопроса о женском образовании. Именно благодаря ей в стране появились первые женские гимназии. Императрица курировала деятельность Общества заботы о слепых, а в 1867 году стала инициатором создания нового Общества попечительства о раненых и больных воинах, преобразованного в 1879 году в Российское общество Красного Креста.

Мария Александровна облагала огромным количеством драгоценностей, но надевала их лишь изредка. Она давно отказалась от дорогих подарков и соглашалась принимать их только от мужа. Золото, бриллианты превращала в деньги, которые жертвовала в пользу сирот, раненых, больных…

Шли годы, у царственных супругов родились шесть сыновей — Николай, Александр, Владимир, Алексей, Сергеи, Павел — и дочь Мария. Но, как и любую другую, императорскую семью посещали болезни, огорчения, смерть. В 1865 году скоропостижно от менингита скончался старший сын. Великий князь Николай. Наследником престола после него стал третий ребенок — Александр.

В 1866 году отмечался серебряный юбилей свадьбы Александра II и Марии Александровны. Не все было радостно на этом празднике, время сделало свое дело. Частые роды подорвали здоровье императрицы, но сильнее физического недомогания её мучила душевная травма, нанесенная мужем.

В жизни Александра II женщины всегда занимали значительное место. Влюбчивый от природы, он не считал себя обязанным свято блюсти супружескую верность. Роман следовал за романом, и большинство из них было известно императрице. Не в силах добиться большего, Мария Александровна усвоила себе привычку не реагировать на любовные увлечения супруга…

Но в 1866 году при дворе появилась ослепительно красивая семнадцатилетняя княжна Екатерина Михайловна Долгорукая. Александр II, которому к этому времени шел 48-й год, не замедлил обратить на неё свой взгляд. И случилось невероятное: опытный сердцеед влюбился так, как не влюблялся с далекой юности, со встречи с принцессой Марией.

Вначале император тщетно говорил растерянной девушке о своей любви — она, соблюдая этикет, лишь старалась избежать встреч наедине. И все-таки наступил день, когда Екатерина Долгорукая почувствовала, что и она любит, и с этого момента их судьбы перекрестились.

О связи, разумеется, узнали придворные, и, хотя об увлечениях государя было принято говорить полушепотом, слух о княжне Долгорукой дошел до императрицы. Всегда гордая и выдержанная, она ещё больше замкнулась в себе, все силы и время отдавая детям.

Доселе ветреный Александр на этот раз оказался на редкость верным любовником. Он чувствовал, что это — его последняя страсть, и в неё он вложил оставшиеся душевные силы, тепло и нежность — все то, чего многие последние годы была лишена Мария Александровна и что растрачивалось по мелочам на случайные романы.

Возлюбленная отвечала императору взаимностью. 30 апреля 1872 года Екатерина Долгорукая родила сына Георгия, спустя год — дочь Ольгу. Высочайшим манифестом им было пожаловано княжеское звание и фамилия Юрьевских. С этого времени император поселил свою фаворитку в Зимнем дворце, в нижнем этаже, под своими апартаментами.

Мария Александровна тяжело восприняла известие об этом соседстве, но и на этот раз сохранила достоинство. Только однажды, не выдержав, она поделилась чувствами с графиней Александрой Толстой: «Я прощаю оскорбления, нанесенные мне, императрице. Но я не в силах простить мучений, причиняемых супруге».

Болезнь Марии Александровны прогрессировала, её постоянно мучали приступы удушья, истощение достигло крайних пределов. Врачи уговорили её уехать за границу для лечения. Осенью 1879 года она вернулась. Дети и приближенные

с грустью смотрели на её изменившееся лицо. Она сильно кашляла долгим сухим кашлем. Лейб-медики давали кислород, по вечерам втирали мазь, надеясь смягчить ночной приступ. Иногда казалось, что появлялся луч надежды и силы возвращались к ней. Больная преображалась, становилась прежней красавицей, но недуг вскоре наверстывал свое. Мария Александровна уже не могла ходить, её возили в кресле из спальни в кабинет. А в последний месяц жизни императрица не вставала с постели, и только тихие стоны свидетельствовали о том, что в изможденном теле когда-то прекрасной принцессы Марии ещё теплится жизнь.

Она умерла 22 мая 1880 года. Ей было всего 55 лет. Четыре дня спустя императрицу похоронили в родовой усыпальнице Романовых — Петропавловской крепости.

Принцесса, Великая княгиня, императрица… Кто знает, в какой из ипостасей | была счастлива маленькая девочка из Дармштадта, которой жизнь, казалось бы, дала все, о чем только можно мечтать, и которая умерла такой несчастной…

Спустя месяц после смерти жены император Александр II обвенчался с княжной Екатериной Долгорукой, ставшей вследствие этого брака княгиней Юрьевской. А ещё через восемь месяцев, 1 марта 1881 года, царь-освободитель погиб от бомбы 1 террориста-народовольца. Но это уже другая история…

Королева, уставшая быть королем
ХРИСТИНА ШВЕДСКАЯ

Дочь шведского короля Густава-Адольфа и его супруги Марии-Элеоноры Бранденбургской Христина родилась в декабре 1626 года, причем обладала настолько здоровым телосложением и громким голосом, что придворные поспешили оповестить короля о рождении у него сына и наследника. Через несколько минут обнаружился истинный пол ребенка, но короля-отца это ничуть не огорчило.

— Если это дитя сумело обмануть нас всех в первую же минуту своего появления на свет, — заявил монарх, — то уж наверняка со временем даст сто очков вперед любому мальчишке, поскольку явно будет умнее его.

Знал бы Густав-Адольф, насколько пророческими окажутся его слова!

Королева-мать придерживалась противоположной точки зрения. Она всей душой жаждала рождения сына, посему появление дочери оставило её практически равнодушной. Вследствие дурного присмотра Христина получила множество физических недостатков: от частых падений и ушибов она охромела, а одно плечо у неё оказалось выше другого, то есть, проще говоря, принцесса была кривобока.

Король-отец не мог вмешаться: совершал очередную военную кампанию. Но, вернувшись, он первым делом утвердил Христину в правах престолонаследия, а затем собственноручно изволил начертать план её воспитания, подходящий более мальчику, нежели девочке. И не просто начертал — ревностно следил за его исполнением.

Христине исполнилось два года, когда отец взял её с собой в очередную поездку по стране. Комендант первого же города озадачил короля вопросом: уместно ли салютовать его величеству пушечными залпами, дабы не напугать её высочество?

— Дочь солдата должна привыкать к пальбе! — отрезал Густав-Адольф.

И Христина не обманула его ожиданий: при каждом залпе орудий она радостно хлопала в ладошки. Это позволило королю при каждом удобном случае повторять, что его дочь — женщина лишь телом, сердцем же и умом она — мужчина. Отец и дочь обожали друг друга, совершенно игнорируя королеву-мать, которая, впрочем, и не стремилась сама заниматься воспитанием дочери, более того — ни разу не сделала даже попытки

приласкать ребенка.

В результате случилось то, что должно было случиться: рассудок развивался в маленькой принцессе в ущерб сердцу, так как в её окружении не было ни единой женщины. Случай, надо сказать, редкий, так как обычно происходит совершенно обратное: мальчик растет и воспитывается в сугубо женском окружении и в результате сердце у него развивается в ущерб рассудку. Так произошло, например, с современником Христины, королем Франции Людовиком XIV, и со многими другими менее приметными личностями.

Христине исполнилось четыре года, когда её отец вновь отправился в поход, оставив своему канцлеру следующее наставление:

> «Делайте для меня и моего семейства все то, что сделал бы я для вас и для ваших близких, если волею Божией доживу до того времени, когда вы меня попросите о том же одолжении. Семейство мое ради меня должно возбуждать участие: оно все состоит из женщин, дочь — ещё дитя… И она, и мать её несчастны, если им будет суждено властвовать, и горе им, если другие будут властвовать над ними! Эти строки исторгает с моего пера та нежность, которую природа влагает в родительские сердца…»

Кроме родительской нежности, в Густаве-Адольфе говорило и предчувствие: через три недели после написания вышеприведенного письма он был убит в одном из сражений. Надо заметить, что шведское войско тут же присягнуло на верность дочери покойного короля, то же самое сделал и шведский сенат, под попечительством которого должна была до совершеннолетия находиться малолетняя королева. О королеве-матери не было и помину, её как бы не существовало вообще, тем более, что она так и не сумела полюбить Швецию и была привязана лишь к своему супругу. Когда его не стало, королева-мать утратила к своему новому отечеству всякий интерес, а дочь вообще никогда не любила.

Под попечительством господ сенаторов образование королевы Христины было доведено до совершенства. Восьми лет от роду она свободно изъяснялась на французском, немецком и латинском языках, впоследствии основательно выучила греческий, итальянский и испанский, изучала историю, философию, математические и естественные науки, страстно любила изящные искусства и одновременно внимательно следила за политическими событиями и дипломатическими

комбинациями в Европе того времени. Умом и сердцем Христина Шведская напоминала Елизавету Английскую, но намного превосходила образованием «королеву-девственницу».

Когда Христине исполнилось тринадцать лет, её мать сделала попытку воссоединиться с дочерью и потребовала у сената, чтобы девушка была вверена её попечениям. Сенат отказал вдовствующей королеве, не стесняясь в формулировках. Оскорбленная Мария-Элеонора уехала в Данию, а Христина лишь повела плечами:

— Моя мать могла бы избаловать меня если бы я выросла на её руках. В ней много добрых качеств, но образовать из меня правительницу она бы не сумела никогда.

Впрочем, когда Мария-Элеонора несколько лет спустя решила вернуться в Швецию, она была встречена дочерью-королевой со всеми подобающими почестями и до самой своей смерти безбедно жила в одном из королевских замков. Скончалась вдовствующая королева, когда Христине было уже почти тридцать лет, но мать и дочь виделись крайне редко и только в официальной обстановке.

С шестнадцати лет Христина начала принимать участие в заседаниях государственного совета, причем высказывала прозорливость, редкий ум и высокие дарования более чем незаурядного человека. В восемнадцать лет королева была объявлена совершеннолетней и вступила в управление королевством в качестве самодержавной государыни (в России, для сравнения, подобное произойдет лишь сто лет спустя, с восшествием на престол императрицы Елизаветы Петровны). Шведский посланник во Франции так рекомендовав свою королеву тогдашней фактической правительнице, вдовствующей королеве Анне Австрийской:

— Моя государыня управляет всеми делами сама, без какого бы то ни было содействия министров, время свое делит между государственными делами и научными занятиями. Она нисколько не заботится о своем туалете и внешнем убранстве, она выше женщины и вообще не может называться ею.

Как мало, однако, нужно, чтобы в глазах мужчины женщина оказалась выше женщины: не заботиться о своем внешнем убранстве! Особенно интересно, что говорилось это в эпоху, когда мужчины пудрились, завивали волосы и носили серьги. Хотя… может быть, именно поэтому и говорилось.

Когда Христине Шведской исполнился двадцать один год, появился первый официальный соискатель её руки: двоюродный брат Карл-Густав. Христина ответила, что замуж за него она если и пойдет, то только тогда, когда ей исполнится двадцать пять лет,

а если не выйдет за него замуж, то навсегда останется свободной. Самое интересное заключается в том, что она сдержала свое слово. Чтобы утешить принца, она предложила стать её официальным наследником, но пылкий влюбленный объявил, что не нуждается в королевской короне, а жаждет только супружеского счастья.

— Вы шестью годами старше меня, — ответила на это Христина, — а между тем восторженны, как мальчик, начитавшийся романов.

От греха подальше она назначила Густава генералиссимусом шведских войск, находившихся в Германии, где он пробыл три года и одержал целый ряд блестящих побед. За время его отсутствия руки шведской коровы просили оба сына датского короля, герцог Бранденбургскии Фридрих-Вильгельм и польский король Ян-Казимир. Всем этим женихам было отказано. Затем вернулся кузен, еще более влюбленный и ещё более одержимый идеей брака. Но на настойчивые просьбы сената от имени народа избрать себе в супруги единокровного принца, Хрис-іа ответила:

— Вот уже несколько лет, как меня убеждают выйти замуж. Не могу не одобрить тех, которые, любя отечество, желают предотвратить от него бедствия, могущие постигнуть его в том случае, ежели бы Бог призвал меня к себе без назначения мне преемника. Эта забота больше всех касается меня. так как счастью родины я посвятила свою жизнь с той самой минуты, как стала управлять королевством. Брак налагает обязательства, мне ещё неведомые, и я не могу сказать, одолею ли я когда-нибудь питаемое к ним отвращение. Между тем для блага королевства я должна принять меры не столь полезные для меня лично, зато надежные для его блага. Посему я желаю назначить преемника, который будет хранителем подданных моих и попечителем об их счастье. Все качества такого правителя я нахожу в принце Карле-Густаве: в жилах его течет королевская кровь, и желала бы, чтобы именно на нем остановился народный выбор.

Эта пламенная речь нисколько не убедила господ сенаторов, и пришлось собирать сенат, который поддержал королеву в её намерении. Был составлен акт о престолонаследии. Карл-Густав получил титул королевского высочества и… разобиженный, удалился в добровольную ссылку на остров Эланд, выражая надежду, что ледяное сердце его кузины когда-нибудь смягчится. Та же меньше всего думала о замужестве, ибо была занята приготовлениями к коронации, до сих пор откладывавшейся по непонятным причинам.

В 1650 году торжество состоялось в Стокгольме, с чрезвычайной пышностью, под звон колоколов и пушечную

пальбу. Из собора, где происходило миропомазание, во дворец Христина ехала в золотой колеснице, запряженной четверкой белоснежных коней. Молва о величии королевы Севера молниеносно разнеслась по Европе, падкой до всего эксцентричного и экзотического.

Христине было в ту пору около двадцати пяти лет. Ростом она была ниже среднего, и в манерах её проскальзывали чисто мужские черты и ухватки. Выразительные голубые глаза, орлиный нос, волевой подбородок — все это также могло принадлежать мужчине. Только голос был по-женски нежен, но королева умела придавать ему в случае надобности чисто мужскую властность и резкость. Своему туалету она уделяла не более четверти часа (и это в тот век, когда роскошь женских нарядов доходила до баснословия, а на сооружение прически тратились часы!), рукава её платьев были нередко порваны и испачканы чернилами. На намеки о неряшливости Христина огрызалась:

— Занимаются собой те, кому больше нечего делать!

Ей-то было чем заняться. Помимо государственных дел, королеву по-прежнему занимали научные проблемы, причем в наставники себе она избрала одного из величайших ученых того времени — Декарта. Занятия начинались ежедневно в пять часов утра и длились два часа, после чего королева почти столько же времени посвящала изучению греческих и латинских классиков. Но место скоропостижно скончавшегося Декарта занял доктор Бурдело — человек, безусловно, талантливый, однако с темным прошлым и склонный к интригам. Именно его молва называла первым любовником Христины Шведской, которой к тому времени исполнилось двадцать семь лет.

Доктора Бурдело сменил французский посланник Шаню, его, в свою очередь, испанский посланник Пимантель. Последнего королева без затей поселила в собственном дворце и проводила в его обществе целые дни, к крайнему негодованию шведской аристократии. Ему удалось невозможное: склонить убежденную лютеранку Христину к принятию католицизма.

Страна возроптала, а королева внезапно осознала, что роль самодержицы ею уже отыграна и пора переходить к роли обыкновенной женщины. В 1654 году она написала французскому посланнику Шаню следующие строки:

> «Я уже говорила вам пять лет тому назад. почему я так настойчива в своем стремлении отречься от престола. Решение я это обдумывала долгих восемь лет. В первый раз, по любви и участию ко мне, вы старались отклонить меня от моего намерения. Теперь, что бы вы

ни говорили мне, я останусь непреклонна. Благосклонно судить обо мне будут немногие, но я уверена, что вы будете в их числе. Остальным неведомы ни мои побуждения, ни мой характер. Только вам и ещё одному человеку (по-видимому, Пимантелю. — *С. Б.*), который, будучи одарен великой и прекрасной душой, судит обо мне правильно:

„Довольствуюсь похвалою одного и ничьею похвалой“. Мнение прочих людей презираю и даже смехом не удостою. Будучи царицей, я не увлекалась тщеславием, и потому мне легко сложить с себя мою власть. Что бы ни было — я счастлива».

Счастливица объявила о своем решении сенату, который, оправясь от первоначального шока, принял отречение королевы от престола, оговорив, что в случае её замужества дети от этого брака не будут иметь никаких прав на шведский трон.

Летом 1654 года Христина в короне, со скипетром и державой в руках в последний раз заняла место на серебрянном троне, имея по правую руку от себя своего преемника — принца Карла-Густава. Один из сенаторов прочел акт отречения и разрешил шведский народ от присяги, принесенной им Христине. Королева тотчас же сложила на стоявший подле трона стол скипетр и державу, собственноручно сняла корону… Порфиру на куски изорвали придворные, намереваясь хранить эти клочки как святыню в память о бывшей королеве. В простом белом платье Христина обратилась к присутствующим с трогательной речью, не преминув отметить, что жертвует собой для блага подданных. В очередной, замечу, раз.

В тот же день короновался Карл-Густав, а Христина навсегда покинула родину и начала новую жизнь со словами:

— Наконец-то я на свободе! Наконец-то я вне той страны, в которую, надеюсь, никогда не возвращусь!

Благими намерениями, как известно, вымощена дорога в ад, и этот случай не оказался исключением из общего правила.

Замечательно, что доселе равнодушная к почестям после своего отречения Христина стала до смешного тщеславной и страшно обижалась, если при въезде в тот или иной город ей не оказывали королевских почестей. Достигнув Брюсселя, Христина официально перешла в католичество: акт об этом был отослан в Рим. Католики ликовали, а покойный Густав-Адольф, отец Христины, наверняка перевернулся в гробу, ибо в буквальном смысле слова отдал свою жизнь за торжество лютеранства. К тому же бывшая королева из строгой и воздержанной женщины

превратилась в искательницу удовольствий, эпикурейку, и во всеуслышание заявляла:

— Не слушаю проповедей, презираю проповедников. Прав Соломон: все суета сует. Ешь, пей, веселись и живи в свое удовольствие!

Вряд ли подобное кредо привело в восторг её новых духовных пастырей, но, как говорится, что выросло, то выросло. Впрочем, новое мировоззрение не помешало ей совершить торжественный въезд в Рим и преклонить колено перед папой Александром VII. И духовенство, и римские простолюдины смотрели на Христину как на чудо своего времени, восхищались её благочестием, превозносили её ум и любезность, удивлялись глубоким познаниям.

Восхищение это, однако, длилось месяца два, после чего Рим совершенно охладел к Христине, а она — к Риму. Экс-королева отправилась во Францию и появилась при дворе изнеженного Людовика XIV, «Короля-Солнца», который выглядел более женщиной, нежели его эксцентричная гостья. Тем не менее при французском дворе какое-то время ходили смутные слухи о браке между Людовиком и Христиной, оказавшиеся, разумеется, абсолютным мифом. Впрочем, Парижу Христина надоела так же быстро, как и Риму, тем более что во время своего пребывания во Франции совершила поступок, навсегда погубивший её репутацию: чуть ли не собственноручно зарезала своего приближенного и любимца маркиза Мондалески, уличенного ею в измене, причем непонятно какой — то ли любовной, то ли государственной. Во всяком случае несчастный был убит в присутствии Христины двумя её придворными, и не просто убит, а буквально искромсан шпагами и добит кинжалом в шею.

Христианнейшего короля Людовика особенно возмутило то, что убийство произошло в его собственном дворце в Фонтенбло, где он так любезно принял свою гостью. Христине прозрачно намекнули о нежелательности её дальнейшего пребывания при французском дворе, и ей поишлось возвратиться в Рим, где бывшую королеву приняли любезно, но достаточно прохладно. Тем не менее, она прожила в Вечном городе два года, в основном, потому, что испытывала крайнюю нужду в деньгах и не могла больше путешествовать.

В 1660 году в Швеции скончался король Карл X Густав, оставив преемником своего четырехлетнего сына, а его опекуном и регентом — своего брата Адольфа Иоанна. Если бы Христина была верна той программе, которую начертала себе при отречении, она не обратила бы на события в Швеции ни малейшего внимания. Но в её сознании произошел новый

переворот, и она захотела вернуться на родительский престол. С этим намерением она и отправилась в Швецию, уведомив сенат о том, что приезжает якобы для устройства личных дел.

В Стокгольме ей был оказан подобающий прием и уважение, и вдруг — разорвалась бомба. Христина заявила о том, что желала бы стать королевой в случае кончины нынешнего короля. В ответ сенат потребовал от неё вторичного отречения от престола: католичка, замешанная в убийстве, единожды отрекшаяся от трона, эта женщина стала для шведов не дочерью некогда любимого короля и мудрой, любимой правительницей, а просто исчадием ада.

Подписав вторичное отречение, озлобленная и слегка помешанная, Христина вновь вернулась в Рим, где относительно спокойно прожила пять лет, беседуя с учеными, посещая академии и прилежно следя за успехами наук. Но затем её вновь обуяла жажда авантюр, и она… выставила свою кандидатуру на только что освободившийся польский трон. Паны отказали ей вежливо, но бесповоротно.

Это была последняя попытка Христины вернуть себе королевский венец и в очередной раз круто изменить образ жизни. Оставшиеся двадцать два года своей жизни она довольно мирно прожила в Риме, не вмешиваясь в политические дела и не компрометируя себя новыми любовными связями. Скончалась Христина на шестьдесят четвертом году своей жизни и была удостоена пышного погребения в церкви Святого Петра, в которой по повелению папы Иннокентия XII была воздвигнута великолепная гробница.

После Христины осталось несколько рукописных сочинений на французском языке, из которых особо примечательно одно под названием «Досужий труд». Из афоризмов, помещенных в этой рукописи, которые могут послужить дополнением к характеристике этой необыкновенной женщины, особенно интересны следующие:

> «Добро и зло скоротечны, как молния, и до того непродолжительны, что первому не стоит радоваться, а вторым не стоит огорчаться».
>
> «Почести и величие как духи: их едва обоняет тот, кто ими опрыскан».
>
> «Не всегда любят то, что уважают, не всегда уважают то, что любят».
>
> «Добрые дела придают мужества и отваги, злые их

отнимают».

«Можно быть честным человеком, не будучи великим, но истинно великим невозможно быть, не будучи честным».

«Как бы ни трудилась лесть, она никогда не даст истинной славы».

«Ханжи не столько сокрушаются о собственных грехах, сколько об удовольствиях других людей».

Каждый из этих афоризмов написан, по-видимому, под влиянием минуты, и как часто за свою долгую жизнь Христина отступала от этих правил, как часто доказывала, что слово не всегда согласно с делом! Прожив двадцать восемь лет своей жизни мудрым мужчиной в женском теле, она прожила ещё тридцать шесть лет сумасбродной женщиной с мужскими замашками: интриги, убийство, попытки вернуть утраченный трон…

И все-таки другую такую женщину в истории Европы найти почти невозможно.

Княгиня Дашкова

Восемнадцатый век в России — «бабий век», век женской власти. Пять императриц одна за другой держали в руках скипетр Российской державы. Но при них всегда были мужчины — фавориты, советники, куртизаны. И лишь одна женщина того времени оставила след в истории, не будучи коронованной особой. Это Екатерина Романовна Дашкова, урожденная графиня Воронцова.

Она появилась на свет под одним из самых противоречивых и ускользающих знаком Зодиака: Рыбы. А значит, была натурой меланхоличной и холодной, склонной к комфорту и одновременно к нему равнодушной, избегающей потрясений, ускользающей, меняющейся, загадочной, непредсказуемой, но безумно талантливой.

Екатерина Романовна родилась в марте 1744 года в Санкт-Петербурге, где упивалась долгожданной императорской властью «дщерь Петрова» — Елизавета. Именно она стала крестной матерью маленькой графини Воронцовой, а крестным отцом малютки был племянник императрицы — будущий император Петр III, неудачливый супруг Екатерины Великой.

В два года Екатерина Воронцова лишилась матери и воспитывалась в доме своего дяди, графа Михаила Илларионовича Воронцова. Воспитывалась вместе со своей двоюродной сестрой — будущей графиней Строгановой, наделенной поистине неземной красотой. Юная же графиня Екатерина Романовна была, мягко говоря, неказиста — невысокого роста, плохо сложенная, с маленькими, глубоко посаженными глазами, преждевременно обвисшими щеками. Такие не похожие друг на друга девочки жили в одной комнате. Их одевали в одинаковые платья, с ними занимались одни и те же учителя.

К тому времени, когда Дашкова села писать свои мемуары, она, по-видимому, забыла, что «отлично воспитанной девицей» считалась лишь её кузина. Сама же она едва ли нс с колыбели приобрела репутацию странной, экстравагантной особы с мужским складом ума и чрезмерной жаждой власти. Черты, мало способствовавшие тому, чтобы вызывать симпатию окружающих. К тому же в графине рано проснулось гордое сознание своего духовного превосходства над окружающими. В её мемуарах можно прочесть правдивые, но очень горькие строки:

> «С раннего детства я жаждала любви окружающих меня людей и хотела заинтересовать собой своих близких. Но отзыва на свои чувства не находила… Да и что было сделано для развития моего ума и сердца? Ровным счетом ничего».

Вот вам и прекрасное образование, полученное в доме богатого дядюшки!

В тринадцать лет графиня заболела корью, и её спешно отправили в деревню, за шестьдесят верст от столицы, на попечение равнодушной прислуги. Там окончательно сложился характер будущей наперсницы Екатерины Великой: книги она предпочитала живому общению, совершенно не интересовалась нарядами и светскими выездами и вообще мало походила на своих сверстниц.

Тем не менее судьба Екатерины Воронцовой поначалу складывалась более чем традиционно: в пятнадцать лет её обвенчали с князем Михаилом Ивановичем Дашковым, которого она едва знала. И тут, вспоминая свое замужество, княгиня осталась верна себе: «Мы не были знакомы друг с другом, и, казалось, брак между нами не мог бы никогда состояться, но небо решило иначе. Не было той силы, которая помешала бы нам отдать друг другу наши сердца», — написала на склоне лет Екатерина Романовна в свойственной ей патетической манере.

Какое небо? Какие сердца? Графиню Воронцову выдали замуж за князя Дашкова: светский, благопристойныи, выгодный брак, каких заключалось сотни. О любви никто и не помышлял, кроме… пятнадцатилетней новобрачной, которая, скорее всего, убедила себя в том, что безумно любит мужа. Что же касается князя Дашкова, офицера Преображенского полка, то он так и не смог понять порывы своей экзальтированной супруги. Да и времени у него на это не было: после шести лет брака князь Дашков умер от лихорадки, оставив вдову двадцати одного года от роду, четырехлетнего сына и двухлетнюю дочь.

И при жизни мужа княгиня мало заботилась о своей

внешности — никогда не румянилась и не белилась, что было тогда обязательным для светской женщины. Овдовев, она оделась в черный цвет и никогда больше с ним не расставалась. Злые языки поговаривали, что княгиня при этом не в последнюю очередь руководствами экономии: не надо было тратиться на модные наряды. Но Екатерину Дашкову не беспокоили сллетни: к ним она была так же равнодушна, как к нарядам и украшениям.

Настоящую любовь Дашкова питала к книгам и философским разговорам. Летом 1761 года, за год до смерти императрицы Елизаветы, Дашкова каждую неделю встречалась с великой княгиней Екатериной, проводила с ней целые дни в беседах об истории, литературе, философии и тому подобных высоких материях. Веселыми эти разговоры было трудно назвать: великая княгиня переживала тогда слишком тревожные дни, а у княгини Дашковой всегда был угрюмый характер. Впоследствии она будет утверждать, что именно во время этих бесед и возник план возведения на престол Екатерины в обход её супруга Петра Федоровича и малолетнего сына Павла. Дашкова будет утверждать также, что именно ей принадлежала решающая роль в осуществлении этого плана. Но факты упрямо утверждают обратное: да, Дашкова была практически все время рядом с Екатериной, но не сделала ничего конкретного. «Муха на рогах вола», — иронично охарактеризовала впоследствии её действия Екатерина в одном из писем к знаменитому французскому философу Вольтеру. Простить этого замечания своей бывшей подруге княгиня не могла до самой смерти.

Впрочем, всему свое время. За год до смерти Елизаветы, как уже было сказано, обе Екатерины были неразлучны. Будущая императрица сознательно вела почти затворнический образ жизни и для этого лучшей подруги, чем княгиня Дашкова, она найти не могла. А когда Елизавета скончалась, положение Екатерины стало вообще очень тяжелым. С подчеркнутым презрением относился к ней муж, высокомерно игнорировала его фаворитка — графиня Елизавета Воронцова. Последняя была теперь назначена начальницей над фрейлинами, поселилась в отведенных ей дворцовых апартаментах рядом с императором и была награждена целым рядом отличий. Император же, не скрываясь, выражал желание развестись с нелюбимой женой и жениться на любовнице. Это желание стало одной из причин возмущения против него высшей аристократии России, да и всего дворянства вообще. То, что мог позволить себе Петр Великий, не могло сойти с рук его слабому, не слишком умному, откровенно презирающему всех русских внуку.

Через полгода после смерти Елизаветы, в ночь на 26 июня

1762 года, Екатерина со своей придворной дамой и Григорием Орловым, её тогдашним любовником, тайно отправилась из Петергофа в столицу, чтобы захватить престол или погибнуть. Единственным козырем Екатерины было то, что её безоговорочно поддерживала гвардия, в которой общими любимцами были Григорий Орлов и четыре его брата. Больше ей надеяться было не на кого.

Княгиня Дашкова в эту ночь была у себя дома. Торжество, неудачу, арест, эшафот — все это она многократно воображала себе в ту страшную ночь. Княгиня не была руководительницей заговора, как она впоследствии пыталась изобразить в своих мемуарах. «Шесть месяцев я была в сношениях со всеми вождями заговора, — пишет Екатерина польскому аристократу Понятовскому, который был её возлюбленным до Григория Орлова, — прежде чем Дашкова узила хоть одно имя». Но во всяком случае Екатерина дорожила такой союзницей, как княгиня, чья преданность доставила ей много друзей среди высшей российской знати.

В 7 часов утра 26 июня Дашкова узнала, что Екатерина вступила на престол. Она поспешила во дворец, новые подданные Екатерины узнали её, подняли на руки и с шумными приветствиями понесли внутрь дворца. Опьяненная триумфальным шествием, княгиня ничего не помнила, её платье разорвали, волосы растрепались. В таком виде она и появилась перёд императрицей. Бросившись в объятия друг другу, обе молодые женщины могли только повторять: «Слава Богу! Слава Богу!»

Заметив, что на императрице ещё нет голубой Андреевской ленты, составлявшей необходимую принадлежность туалета царствующей особы в России, княгиня снимает эту ленту с графа Панина и надевает на Екатерину.

К вечеру Екатерина выступила из Петербурга с гвардией. На сером коне в мундире офицера Преображенского полка ехала она впереди. Рядом с ней тоже в офицерском мундире ехала Дашкова. За ними следовала блестящая свита и несколько тысяч войска. Две молодые женщины шли во главе армии, чтобы отнять корону у того. кто для одной был мужем, а для другой — крестным отцом.

Ночь застала их в дороге. На одной широкой кровати в деревенском кабачке провели её обе Екатерины, занимаясь рассмотрением манифестов и указов, которые уже были подготовлены для обнародования. На другой день войска с императрицей были уже в Петергофе, где Екатерине был вручен акт об отречении от престола императора Петра 111.

С восшествием Екатерины на трон историческая миссия Дашковой была закончена. Наивная, но гордая княгиня должна была понимать, что она может рассчитывать на милость, но не на дружбу с императрицей, и до самой смерти не могла примириться с этим открытием. Впрочем, кое в чем виновата и сама Екатерина. Она пожаловала своей бывшей подруге звание статс-дамы, отвела ей с мужем покои во дворце и часто по вечерам заходила к ним «запросто». Немудрено, что двадцатилетняя Дашкова окончательно укрепилась в мысли о том, что она — второе лицо в государстве после императрицы. И делилась этими мыслями со всеми своими знакомыми.

Но и это было бы полбеды. В то время образовалась партия при дворе, которая просила императрицу вторично выйти замуж (экс-император к тому времени уже скончался при загадочных обстоятельствах в загородном доме, где его по очереди караулили братья Орловы). В мужья же Екатерине прочили Григория Орлова. Видимо, к тому же плану склонялась сама императрица, безумно влюбленная в своего фаворита. Но в конце концов здравый смысл победил, причем последнее слово сказал мудрый граф Панин: «Воля императрицы для меня священна, но госпоже Орловой я не слуга». С тех пор об этом несостоявшемся браке было запрещено упоминать вообще под страхом сурового телесного наказания.

Княгиня Дашкова же вновь позабыла, что не одна она возвела на престол Екатерину и не она занимает первое место в её сердце. В дружеском кругу она стала очень резко отзываться по поводу слухов о возможном браке. Об этом, разумеется, донесли Екатерине, и под влиянием Орлова она написала князю Дашкову записку: «Я искренне желаю, чтобы княгиня Дашкова, забывая свой долг, не заставляла меня забыть её услуг. Напомните ей это, князь. Мне сообщили, что она позволяет себе в разговорах грозить мне».

Тогда княгине удалось оправдаться перед императрицей, но она видела, что её положение при дворе не приносит ей ничего, кроме огорчений, и стала отдаляться от Екатерины. Та же, желая показать свою безусловную справедливость, назначила князя Дашкова главнокомандующим в походе на Польшу. Там его и постигла преждевременная кончина. Его смерть была для жены огромным ударом: у неё оказалась парализованной левая сторона тела, и более двух недель она находилась между жизнью и смертью.

Чудом выжив, княгиня резко прекратила светскую жизнь и занялась воспитанием детей и устройством своих изрядно запутанных денежных дел. Четыре года Екатерина ничего не слышала о своей когда-то ближайшей подруге. Только в конце

1769 года Дашкова явилась ко двору, чтобы просить разрешения выехать за границу — для лечения. На самом деле — от безысходной тоски. Уехала она инкогнито, под именем госпожи Михайловой. Ей только-только исполнилось двадцать пять лет.

Путешествие оказалось более чем приятным. Несмотря на принятое ею скромное имя, «госпожу Михайлову» все узнавали и всюду приглашали. За границей она встретилась со многими замечательными людьми: Дидро, Вольтером, Губертом, и на всю жизнь подружилась с леди Гамильтон, супругой английского посла лорда Вильяма. Подаренный ею шарфик Дашкова хранила до конца своей жизни как святыню. После двухлетнего путешествия, посетив Германию. Австрию, Англию, княгиня вернулась в Петербург, где её встретили очень ласково. Орлова — заклятого врага Дашковой — уже сменил подле Екатерины Потемкин. Сразу по приезде княгине было пожаловано 70 000 рублей для покупки недвижимой собственности. Но Дашковой уже не жилось в России, ей не хотелось ловить мимолетные знаки внимания со стороны императрицы. Она привыкла находиться в центре общества, привыкла везде быть почетной и желанной гостьей.

Под предлогом дать высшее образование своему сыну она через некоторое время снова испросила высочайшего соизволения уехать за границу. Ее не удерживали. Княгиня выдала замуж дочь за бригадира Щербинина и, захватив с собой молодых, уехала опять за границу — на десять лет. Княгиня поселилась в Эдинбурге в старинном королевском замке Холлируд, где занимаемая ею часть непосредственно примыкала к апартаментам, в которых когда-то жила Мария Стюарт, несчастная королева Шотландии.

В Эдинбургский университет княгиня определила своего сына и вплоть до 1779 года вела безоблачную, спокойную жизнь в Холлируде, наполненную чтением книг, музыкой и беседами с высокообразованными ан-глийскими и шотландскими аристократами.

В 1779 году молодой князь Дашков заканчивает образование, и они с матерью отправляются в долгое и неторопливое путешествие по Европе. Королева Мария Антуанетта, папа римский, лорд Гамильтон, император Иосиф Австрийский, прусский король Фридрих великий — вот лишь немногие из тех знаменитых людей, с которыми встречалась княгиня Дашкова в тот период. В Париже скульптор Гудон изваял её бюст. Во Флоренции великий герцог подарил ей ряд бесценных экспонатов из своего домашнего музея естественной истории… Нет, решительно не получается портрет несчастной изгнанницы,

который так старательно создала в своих мемуарах княгиня Дашкова. Просто богатая русская аристократка, объехавшая чуть ли не всю Европу с единственной целью — развлечься.

В 1782 году княгиня вернулась в Петербург. Екатерина встретила её милостиво: за десять лет многое оказалось забытым. Она приняла под покровительство сына Дашковой, а самой княгине предложила стать президентом Академии наук и художеств. Очень характерный для императрицы поступок: без лишних затрат вознаградить человека достаточно изысканным способом. До сего дня женщин в академии не было вообще ни в каком качестве. А теперь ученым мужам предлагали в президенты даму. Но ведь против воли императрицы не пойдешь.

Даже сама Дашкова вначале испугалась такой милости: ответственность на неё налагалась не маленькая. Но уже через несколько дней, на заседании академии, с председательского места княгиня Дашкова говорила торжественную речь. А впоследствии княгиня всецело отдалась своей новой обязанности, едва ли не с той же страстью, с какой в свое время «помогла» Екатерине взойти на престол.

Десять лет она управляла академией. Погасила неоплаченные долги, увеличила доходы, привела в порядок академическую типографию, умножила число учащихся, открыв три новых курса — математический, геометрический и естественно-исторический. Причем чтение этих курсов она поручила русским профессорам. что также было в новинку, открыла второе словесное отделение Академии наук, так называемую Российскую Академию, где был напечатан первый словарь русского языка.

В 1796 году умерла Екатерина II, и для Дашковой наступили тяжелые времена. Тотчас по вступлении на престол Павел I отрешил княгиню от всех её должностей, приказал удалиться в имение Троицкое в Калужской губернии. Уже в дороге княгиню настиг новый приказ: ехать в одну из деревень её сына в Новгородскую губернию и там ожидать дальнейших распоряжений. В далекой, заброшенной деревне, лишенная самых элементарных удобств, не имея возможности даже писать столько, сколько ей хотелось — не было бумаги, княгиня провела несколько мучительных лет. Наконец император Павел смягчился: о княгине горячо хлопотала императрица. Дашковой позволено было ехать в калужское имение. Тоже ссылка, но в усадьбе, а не в крестьянской избе.

С восшествием на престол императора Александра 1 княгиня была возвращена ко двору. В старомодном платье, с манерами времен Екатерины она казалась смешной и ничем уже не напоминала прежнюю гордую княгиню Дашкову, президента

Академии наук. Она и сама скоро поняла, что её время прошло, и удалилась в деревню, где занялась мемуарами.

В 1807 году умер её сын, не оставив наследников. С дочерью же Дашкова давно прервала все отношения из-за её легкомысленной жизни и мотовства и вычеркнула из своего завещания. Немалое наследство вместе с именем перешло к двоюродному племяннику, графу Михаилу Илларионовичу Воронцову-Дашкову. Произошло это уже после смерти самой княгини — в 1810 году.

Отзывы современников о княгине поражают своей противоречивостью. Одни превозносят её до небес, другие смешивают с грязью. Но что бы ни говорили о Екатерине Романовне Дашковой, она заслуживает того, чтобы о ней знали потомки.

Из грязи — в князи Разумовские

Поговорка эта идеально подходит для рода Разумовских, которых императорские капризы и слепой случай дарили счастьем. Они вознесли их из простых пастухов в графы. Но нельзя не отметить незаурядность все представителей этой семьи и то важное и полезное, что было ими сделано для России.

Алексей Григорьевич РАЗУМОВСКИЙ (1709–1771)

Сын обыкновенного малороссийского казака по прозвищу Розум, Алексей Разумовский прожил удивительную, яркую и почти фантастическую жизнь. До двадцати лет Алеша Розум пас свиней, а в свободное время пел в церковном хоре. Был он необыкновенно хорош собой: статный, высокого роста, брови — как сабли, а уж голос… Когда в церковь малороссийского села Лемеши, где пел Алексей, случайно попал столичный полковник, судьба юноши была решена. Алексея увезли в Санкт-Петербург, определили в придворную церковь императрицы Анны Иоанновны и дали фамилию Разумовский. Именно в церкви первый раз услышала его царевна Елизавета Петровна — и влюбилась.

Надо сказать, что самой Елизавете тогда жилось несладко. Венценосная тетушка её Анна Иоанновна, попавшая на престол не столько волею случая, сколько вследствие интриг высших вельмож России, боялась законной дочери и наследницы Петра Великого. И ненавидела её за красоту, легкий характер да ещё за то, что простой народ в «Лизке» души не чаял.

Посему и доставалось Елизавете изрядно: и по щекам её тетушка охаживала, и за волосы таскала, и монастырем грозила. А незадолго до встречи Елизаветы с Разумовским распорядилась сослать очередного возлюбленного цесаревны на Камчатку, «дабы Лизка не блудила». Единственное утешение оставалось — церковное пение послушать.

До того по сердцу пришелся красавец-певчий цесаревне, что не побоялась она пойти на поклон к грозной тетушке и попросить Алексея себе, в свою церковь. Придворный, ведавший церковным хором, только плечами пожал: забирайте, ваше высочество, кого хотите. И пошагал Разумовский с бандурой через плечо в цесаревнин дворец возле деревни Смольной. Только пел он не в церковном хоре, а для самой цесаревны Елизаветы. И не только пел. Позже, уже став императрицей, Елизавета Петровна признавалась, что годы, прожитые с Алексеем Разумовским в стороне от царского двора, были самыми счастливыми в её жизни.

И в какой-то степени — роковыми для… её фигуры. Истинный хохол, Разумовский предпочитал украинскую кухню и приобщил к ней свою возлюбленную. Борщи с салом, каши с

салом, галушки со сметаной не сходили со стола Елизаветы. Смолоду цесаревна «поехала» вширь — платья трещали на её пышной фигуре. А у Алексея от сытой, спокойной жизни голос пропал. Пришлось сделать его управляющим несколькими имениями цесаревны и её небольшого двора. По-детски наивная Елизавета полагала, что тем самым надежно скрывает свои интимные отношения с красавцем-певчим.

Удивительно, но Алексею удалось остаться цесаревниным фаворитом на долгие годы и не нажить себе врагов. Даже жестокая и подозрительная императрица Анна Иоанновна ни разу не обратила на него свой «престрашный зрак». Придворные даже не пытались подстроить бывшему пастуху какую-нибудь пакость или отправить вслед за его предшественником «куда Макар телят не гонял». Возможно, это объяснялось исключительно дружелюбным и приветливым характером самого Разумовского, полным отсутствием у него каких-либо амбиций и откровенным нежеланием вмешиваться в политические интриги. Смолоду выучившись грамоте у деревенского дьячка, Алексей Григорьевич все свободное время отдавал чтению и постепенно стал одним из самых образованных людей России. К тому же он стремился окружать себя умными и талантливыми людьми: дружил с поэтом Сумароковым, архитектором Елагиным и многими, многими другими…

Государственный переворот 1741 года и восшествие на престол Елизаветы вознесли Разумовского на поистине головокружительную высоту. Он стал генералом, обер-егермейстером, хозяином многочисленных имений в России и на Украине. На характере Алексея Григорьевича это, однако, никак не сказалось: императрица Екатерина II в своих мемуарах отметила, что он «оставался… простым, добродушным, хитроватым и насмешливым хохлом, любившим свою родину и своих земляков».

Осенью 1742 года в подмосковном селе Перове императрица Елизавета тайно обвенчалась со своим многолетним возлюбленным. Впрочем, тайной это могло быть только от простонародья: придворные были отлично осведомлены о происходившем. Поговаривали, что основную роль в заключении брака сыграл будущий канцлер России Бестужев-Рюмин, стремившийся таким образом заручиться поддержкой Разумовского. Но тот продолжал чураться политики, хотя влияние на свою «Лизоньку» имел колоссальное. Ни одного важного решения Елизавета не принимала без совета со своим супругом. С ним вместе они подбирали невесту для наследника престола, племянника Елизаветы великого князя Петра

Федоровича. И у того же Разумовского спрашивала императрица, что ей делать с наследником, который по умственному развитию застрял на уровне десятилетнего ребенка, зато пил, как кавалерийский драгун-ветеран.

— Ну, пьянством на Руси удивить трудно, — кручинилась императрица. — А вот глупость наследника меня в оторопь великую вводит. Что с ним делать-то будем, Алешенька?

— Учить надобно, голубушка наша ясная, — с полным знанием дела ответил ей Алексей Григорьевич. — А ученья без мученья, сама ведаешь, не бывает. Зато потом, Бог даст, толк будет.

Он ошибся. Учение наследнику впрок не пошло, как был обормотом, так и остался. А вот женитьба великого князя на немецкой принцессе Софии-Фредерике-Августе оказалась весьма удачной. Для принцессы, принявшей православие под именем Екатерины Алексеевны и ставшей впоследствии императрицей. Но это произошло почти двадцать лет спустя…

Положение супруга императрицы не слишком изменило характер Разумовского. А вот двор изменился, в нем появилась мода на все украинское: музыку, танцы, еду. Во всех аристократических домах появились собственные бандуристы и няньки-украинки. Сам Разумовский, правда, с возрастом стал отдавать предпочтение итальянской опере, тем более что язык этот, наряду с несколькими другими европейскими, выучил самостоятельно. И вообще бывший свинопас в конечном итоге оказался куда более образованным и культурным человеком, нежели его венценосная супруга.

В 1744 году Алексей Разумовский был пожалован в графы Римской империи, то есть получил сугубо декоративный титул. Но вскоре и ему, и его младшему брату Кириллу было пожаловано уже российское графство. Одновременно Алексей Григорьевич получил звание фельдмаршала, совершенно ему не нужное: в военном деле он разбирался ничуть не лучше, чем в политике. Точнее, не имел ни малейшего желания разбираться.

Говорили, что у Елизаветы было восемь(!) детей. Серьезные историки признают существование двух: сына от Разумовского, который получил фамилию Закревский, и дочери от последнего фаворита Шувалова, фамилия и судьба которой остались неизвестны. Сын же прожил ничем не примечательную жизнь, что, впрочем, было типичным для внебрачных детей коронованных особ России.

Дочь — от Шувалова? Да, Елизавета в последние годы своей жизни дала отставку законному супругу и приблизила к себе нового любимца: Ивана Шувалова. Этот в отличие от

Разумовского обожал заниматься государственными делами и столь в этом «преуспел», что сразу после смерти Елизаветы вынужден был уехать за границу: врагов при дворе он нажил немереное число. Первым из них был наследник престола. Впрочем, и его супруга не слишком благоволила к последнему фавориту своей тетки-свекрови. К Разумовскому же, напротив, Екатерина сохранила теплое и почтительное отношение до самой его кончины.

Это отношение было подкреплено расчетливым и красивым жестом, который Алексей Григорьевич сделал при восшествии Екатерины на престол. Беспрестанно понуждаемая своим любовником, графом Григорием Орловым, к вступлению с ним в законный брак (супруг Екатерины, недолго процарствовавший под именем Петра III, был убит не без содействия родных братьев Орлова), Екатерина заготовила проект двух манифеста. В первом она сообщала о своем венчании с Григорием Орловым, во втором — давала Алексею Григорьевичу Разумовскому титул «Его императорского высочества» как законному супругу покойной императрицы. Этот манифест, несмотря на яростное сопротивление придворных, она и отправила Разумовскому, который уединенно жил в Аничковом дворце в Санкт-Пегербурге.

Орловы торжествовали: именно брак Елизаветы с её фаворитом создаёт желанный прецедент для венчания Екатерины с Орловым. Но замысел Екатерины оказался не более изощренным, чем реакция умудренного в придворных затеях Разумовского. На глазах у посланного к нему с манифестом канцлера Воронцова Алексей Григорьевич вынул из тайного ларца брачные документы, перевязанные розовой атласной лентой, перечитал их, поцеловал, дал взглянуть канцлеру и… бросил бумаги в огонь.

— Передай государыне, — добавил он, — что я не был ничем более, как верньм рабом Елизаветы Петровны, осыпавшей меня благодеяниями сверх заслуг моих. Теперь ты видишь: нет у меня никаких документов, посему и не могу именоваться высочеством.

С тем Воронцов и отъехал к Екатерине, которая, услышав о поступке Разумовского, разорвала манифест о собственном бракосочетании с Орловым и заявила:

— Не было в России случая, чтобы императрица со своим верноподданым в супружестве сопряглась. Не было — и не будет!

> «Мы друг друга понимаем, — *заметила она после своей подруге и наперснице Екатерине Дашковой.* — Тайного брака не существовало, хотя бы для усыпления боязливой совести. Шепот о сем всегда был для меня

неприятен. Почтенный старик предупредил меня, но я ожидала этого от свойственного малороссиянину самоотвержения».

Алексей Григорьевич пережил свою «Лизоньку» на одиннадцать лет, хранил ей абсолютную верность и при её жизни, и после её смерти, более чем снисходительно относился к своим соперникам. По словам современников, Разумовский «чуждался гордости, ненавидел коварство и, не имея никакого образования, но одаренный от природы умом основательным, был ласков, снисходителен, приветлив в обращении с младшими, любил представительствовать за несчастных и пользовался общей любовью».

Для своего века, менее всего почитавшего скромность, ум и целомудрие, — явление почти уникальное.

Кирилл Григорьевич РАЗУМОВСКИЙ (1728–1803)

Младший брат Алексея Григорьевича до того, как стать графом и последним гетманом Украины, пас отцовский скот в том же самом селе Лемеши. В 1743 году, когда уже был заключен брак Елизаветы с Алексеем, Кирилл инкогнито отправился в Германию и Францию, чтобы получить настоящее образование, титул и звание. Два года спустя в Россию вернулся граф и действительный камергер… семнадцати лет от роду. В восемнадцать лет Кирилл Разумовский стал президентом Императорской Академии наук «в рассуждении усмотренной в нем особливой способности и приобрегенного в науках искусства». Елизавета питала почти суеверное уважение к людям образованным, поскольку в число её добродетелей любовь к учению и наукам отнюдь не входила.

Екатерина Вторая писала в своих мемуарах о графе Кирилле: «Он был хорош обой, оригинального ума, очень приятен в обращении и умом несравненно превосходил брата своего, который, однако, был великодушнее и благотворительнее его». Она забыла добавить, что в отличие от своего старшего брата Кирилл Григорьевич был без памяти влюблен в молоденькую великую княгиню и, по слухам, пользовался одно время взаимностью. Императрица и её муж негласно поощряли этот роман, поскольку надежд на племянника-наследника в плане продолжения рода у Елизаветы не было. По большому счету ей было глубоко наплевать, от кого родит её невестка, лишь бы у престола был законный наследник и не настали опять смутные времена междуцарствий и свар из-за короны. Так что не исключено, что будущий император Павел был сыном не придворного красавца Сергея Салтыкова, а Кирилла Разумовского. То есть являлся родным племянником Алексея Григорьевича, что, разумеется, его царственную супругу вполне устраивало. Не исключено, но и не доказано.

Известно, что Елизавета жаловала младшего брата своего мужа сверх всякой меры. Она сама сосватала ему свою родственницу — Елизавету Нарышкину, и была посаженой матерью на их свадьбе. В качестве одного из подарков 22-летний граф Кирилл получил ни много ни мало — малороссийское гетманство, упраздненное в свое время Петром I.

Молодые супруги уехали на Украину, и Кирилл всерьез

занялся приведением в порядок малороссийских дел, запущенных при предыдущих царствованиях. Но очень быстро из Петербурга последовал высочайший окрик: фактически правивший в то время Россией канцлер Бестужев-Рюмин сильных и инициативных соперников не терпел и сумел нужным ему образом настроить императрицу. Заступничество Алексея Григорьевича ни к чему не привело, да и он сам не одобрял чрезмерной политической активности своего брата. Графу Кириллу пришлось вернуться в Петербург и занятых делами Академии. Никакого удовольствия ему это не доставляло: академики не столько двигали вперед науку, сколько бесконечно грызлись из-за всяких пустяков. Из-за более удобного кресла, иэ-за места поближе к окну, из-за книги, одновременно понадобившейся сразу двум ученым мужам. Случались и потасовки. В конце концов граф Кирилл выхлопотал у императрицы разрешение вернуться в свою родную Малороссию, где в городе Глухове он зажил маленьким царьком: со своим дворцом, двором и даже французским театром. Денег все это требовало изрядных, и в столицу потекли жалобы измученных непосильными поборами крестьян и обывателей.

Снова графа Кирилла вызвали в Петербург «на ковер». Но императрица Елизавета была уже очень плоха, великая княгиня Екатерина переживала бурный роман с красавцем-поляком Станиславом Понятовским. А наследник престола Петр Федорович и вовсе не жаловал графа-гетмана, на что тот, впрочем, отвечал ему полнейшей взаимностью.

В 1762 году граф Кирилл принял живейшее участие в перевороте, возведшем на престол Екатерину II. Едва ли не собственноручно печатал манифест о её воцарении в типографии Академии наук. Вместе с Измайловским полком сопровождал новоиспеченную императрицу в Зимний дворец. И одним из первых принес ей присягу, подкрепив это очередным признанием в пылкой любви. Увы, и на сей раз сердце Екатерины было занято, равно, как и постель. И там, и тут прочно обосновался Григорий Орлов, тягаться с которым графу Кириллу, человеку женатому, отцу нескольких детей, было уже не по силам.

Именно детьми граф Кирилл решил заняться, в очередной раз вернувшись на Украину. Он составил обширный и хорошо продуманный проект о превращении гетманства в Малороссии в наследственное для Разумовских. Имея двух сыновей, он надеялся утвердиться таким образом на своей родине практически навсегда. Но Екатерина жестоко обманула его надежды: одним росчерком пера она упразднила гетманство на Украине вообще. И без того она первые годы своего царствования сидела на престоле, как на раскаленной сковороде, а любовники, как

сговорились, преподносили ей сюрприз за сюрпризом. Орлов пожелал стать законным мужем, Разумовский — гетманом Малороссии. «Хорошо еще, моей короны не потребовал!» — язвительно фыркнула крайне раздраженная Екатерина.

В обмен на гетманство граф Кирилл получил чин генерала-фельдмаршала и огромные имения на Украине. Примерно в то же время его супруга, урожденная Нарышкина, внезапно решила уличить супруга в неверности. Но в вину ему она ставила отнюдь не роман с Екатериной, а якобы имевшую место любовную связь с императрицей Елизаветой, в результате которой на свет появилась пресловутая княжна Тараканова. Чем абсурднее обвинение, тем труднее оправдаться! Супруги разъехались, причем Екатерина приняла сторону обвиняемого и запретила графине Разумовской появляться при дворе. Впрочем, она достаточно прозрачно намекнула и на то, что не горит желанием видеть там и самого графа.

Кирилл Григорьевич обосновался под Москвой в роскошном имении. Его дворцы в Москве сохранились до наших дней. Самый известный из них — нынешний Музей революции. Граф пережил и Екатерину, и Павла, который, кстати, выказывал бывшему гетману все знаки расположения, и тихо скончался в первые годы правления императора Александра 1 Благословенного, который, возможно, был его внуком. На Украине о последнем гетмане приятных воспоминаний не сохранилось, напротив, по отзывам современников, «сие управление было для малороссиян тягостнее всех его предшественников, хотя, быть может, последний гетман был лучшим человеком из всего ряда её правителей XVIII века. Несмотря на свое происхождение, Разумовский не знал больных мест своей родины и слишком полагался на местных чиновников…»

В детях же Кирилл Григорьевич оказался более счастливым, нежели в политической деятельности. Оба его сына, как отмечала в своих мемуарах императрица Екатерина II, «были начинены французской литературой, облечены в иностранные формы, почитали себя русскими Монморанси, были любезные при дворе, несносные вне его аристократы…» Монморанси, о которых упоминает Екатерина, это — старинный аристократический французский род, прославившийся своим непомерным тщеславием и кичившийся родовитостью, якобы превосходящей все остальные французские дворянские фамилии.

Неплохой, однако, имидж избрали для себя внуки простого казака и сыновья бывшего свинопаса, аристократы во втором поколении! Впрочем, были у них и заслуги перед Россией, причем немалые. Старший многое сделал для развития в России

народного образования и просвещения. Младший проявил незаурядные дипломатические способности, и только по воле трагической случайности не стал отцом наследника российского престола. Но об этом — чуть позже.

Алексей Кириллович РАЗУМОВСКИЙ (1748–1822)

Старший сын графа-гетмана Алексей получил блестящее и всестороннее образование: для них с братом был устроен особый «институт», где читали лекции лучшие преподаватели. Позже он прошел полный курс в Страсбургском университете. В молодости много путешествовал, несколько лет провел в Париже и на всю жизнь сохранил манеры и привычки французского аристократа. Революция заставила его вернуться в Россию, где он в 1786 году был назначен сенатором, но государственная служба его мало интересовала. Политикой он тоже не увлекался, лишь а 1807 году, уже в царствование императора Александра I, Алексей Кириллович стал попечителем Московского университета, а в 1810 году — министром народного просвещения.

В первые два года его управления было открыто 72 приходские школы, 24 уездных училища, несколько гимназий и других учебных заведений, открыто несколько научных обществ. Но самым главным делом он считал создание Царскосельского лицея: Алексей Кириллович лично разработал его устав и активно содействовал открытию этого уникального учебного заведения.

Правда, было несколько «но». Во-первых, изначально лицей задумывался как специальное учебное заведение для великих князей — младших братьев императора — Николая, Константина и Михаила. «Под них» был написан устав, разработана программа, приглашены наставники. Ради них лицей разместили в непосредственной близости от дворца в Цррском Селе. Но вдовствующая императрица Мария Федоровна наотрез отказалась расстаться с младшими сыновьями и отдать их в закрытое учебное заведение, где было бы слишком много «посторонних» людей.

Во-вторых, Алексей Кириллович попал под сильное влияние иезуитов, главным образом графа Жозефа де Местра. Последний буквально распоряжался им, диктовал, чему нужно учить русских, а чему — не нужно. По непосредственному указанию де Местра, например, из первоначальной программы лицея были выброшены греческий язык, археология, естественная история, астрономия, химия и история философских систем. И вообще предполагалось сделать лицей первой серьезной базой иезуитов в России. Но когда выяснилось, что в лицее практически не будет

воспитанников из семей высшей аристократии, и Разумовский, и де Местр значительно охладели к проекту. А затем разразилась война 1812 года, влияние Франции на русскую жизнь сменилось ура-патриотическими идеями. Разумовский попросил отставки — его не удерживали.

Старый вельможа вернулся в Москву, где в селе Горенки у него был огромный и роскошный ботанический сад. Страсть к выведению новых, экзотических видов растений оказалась последней и самой пылкой страстью Алексея Кирилловича. Своей единствежой дочери он уделял куда меньше внимания, чем, например, шиповнику, который получил название «Разумовский». По свидетельству современников, Алексей Кириллович был «гордыни непомерной и суров в кругу своего семейства..». Единственным человеком, который не боялся его, а, напротив, мог хоть как-то повлиять на деспотичного аристократа, была его сестра, Наталья Кирилловна, в замужестве Загряжская — некрасивая горбунья, пользовавшаяся, однако, репутацией самой остроумной и интересной женщины того времени. Она, кстати, была теткой Натальи Николаевны Гончаровой, в замужестве — Пушкиной. Так причудливо переплелись в русской истории судьбы нескольких незаурядных люден.

Андрей Кириллович РАЗУМОВСКИЙ (1752–1836)

Блестяще и разносторонне образованный Андрей Кириллович был, по единодушному мнению современников, «гордостью и наказанием» семьи Разумовских. Семнадцатилетним юношей принял участие в знаменитом Чесменском сражении, чем совершенно покорил сердце наследника престала великого князя Павла. Влияние Андрея Кирилловича на цесаревича было столь велико, что именно ему была доверена ответственная миссия: привезти в Россию трех немецких принцесс, одна из которых должна была стать женою Павла и великой княгиней.

Красивый, как все Разумовские, с прекрасными манерами и с непревзойденно великолепной наглостью, Андрей Кириллович без труда обольстил одну из принцесс — Вильгельмину, причем умудрился сделать это прямо на корабле, по дороге в Санкт-Петербург. По прибытии же туда Андрей Кириллович с полным хладнокровием рекомендовал другу жениться именно на Вильгельмине, как на самой достойной и прекрасной. Мнение Разумовского для Павла было истиной в последней инстанции, и он даже не обратил внимания на некоторые странности в поведении своей невесты. А та, крещеная под именем Натальи Алексеевны и обвенчанная с цесаревичей Павлом, совершенно открыто продолжала начатый на корабле роман с Андреем Разумовским. Не замечал этого романа только муж, в равной степени ослепленный любовью к жене и к другу.

Великая княгиня скончалась из-за осложнений во время родов и из-за того, что врачи слишком долго не решались сделать кесарево сечение. «Нежная» мать и свекровь, императрица Екатерина не только заставила безутешного Павла ознакомиться с перепиской Натальи и Андрея, но и порекомендовала ему поговорить со священником, исповедовавшим Наталью перед смертью. Тот не сохранил тайну исповеди, поскольку, по-видимому, опасался гнева императрицы больше, чем гнева Божьего. Андрей Кириллович из ближайшего друга цесаревича моментально превратился в его смертельного врага.

Екатерина, желая довести дело до логического конца, отдала Андрея Кирилловича в руки главного российского инквизитора — Степана Шешковского. Тот был печально знаменит своим «специальным креслом» — чрезвычайно хитроумным устройством для пыток. Человек, садившийся в это совершенно обычное с виду

кресло, оказывался прочно привязанным к его подлокотикам. А затем Шешковский нажимал кнопку, кресло опускалось в специальный люк так, что над полом оставалась лишь голова допрашиваемого. А внизу два палача начинали охаживать несчастного кнутами до тех пор, пока инквизитор звонком не давал сигнала к окончанию экзекуции.

Андрей Кириллович повел беседу так, что Шешковский помимо своей воли плюхнулся в пресловутое кресло. Механика сработала, как обычно, палачи приступили к выполнению своих обязанностей, а Андрей Кириллович под вопли хозяина кабинета неспешно собрал все компрометировавшие его документы и с достоинством удалился. Шешковский так и не признался императрице в своем конфузе, доложил только, что из графа Разумовского не удалось вытянуть ни словечка признания.

Екатерина умела проигрывать красиво. Рассудив, что человека с такими способностями лучше всего держать… на дипломатической службе, она отправила Андрея Кирилловича в Неаполь, где России необходимо было получить свободный доступ своих кораблей в неаполитанский порт. Разумовский не торопился: его путешествие по Европе превратилось в своего рода триумфальное шествие, а сплетни о победах над самыми блистательными и недоступными аристократками опережали его роскошную карету. Когда он, наконец, прибыл в Неаполь, то держался с его королевой Каролиной — общепризнанной красавицей! — донельзя сухо, не делая ни малейшей попытки за ней поухаживать. Раздосадованной и озадаченной королеве не оставалось ничего другого, как самой соблазнить самого модного кавалера того времени — светлейшего князя Разумовского. Кстати, княжеский титул был им получен в результате хлопот цесаревича Павла. Как он расплатился со своим покровителем и другом, уже известно.

Как только Разумовский получил доступ в королевскую спальню, точнее, как только королева его туда затащила, русский флот получил доступ в неаполитанский порт. А некоторое время спустя Разумовский получил новый приказ своей императрицы: отправиться послом к шведскому двору, ибо назревала война со Швецией. Андрей Кириллович не затруднял себя поисками новых методов: в Стокгольме он стал любовником шведской королевы и все государственные секреты без традиционных шпионских страстей и хлопот. Как только угроза войны миновала, Екатерина отправила своего «дипломата-любовника» в Вену. Разумовскому удалось заключить, точнее, возобновить выгодный для России договор с Австрией, но поскольку подходящей королевы на сей раз не нашлось, Андрей Кириллович… женился на прелестной

девушке, не слишком, кстати, знатного происхождения. Год спустя его постигли срезу два удара: в родах скончалась жена и умерла его покроеительница-врагиня, императрица Екатерина. Рассчитывать на то, что дипломатическая карьера будет продолжаться при императоре Павле, не приходилось. Незлопамятность в число христианских добродетелей нового государя отнюдь не входила.

Действительно, в короткое царствование Павла о Разумовском практически не было слышно. Но при императоре Александре I светлейший князь Разумовский занял пост русского посла в Вене и оставался на нем вплоть до 1814 года, то есть почти 13 лет. Тогда же он женился вторым браком на австрийскои графине, принял под её влиянием католичество и тем самым вызвал окончательное неудовольствие русского двора. В Вене его полуиронически называли «эрцгерцог Андрей» и с большим скептицизмом относились к рассказам о его блистательных любовных и дипломатических победах в прошлом. Похоже, к концу жизни он и сам начал в них сомневаться.

Потомство Андрея Кирилловича перешло в австрийское подданство и со смертью светлейшего князя род Разумовских в России считается пресекшимся.

Два поколения, четыре судьбы. Мгновенный взлет на самую вершину власти двух братьев — Алексея и Кирилла, блестящая жизнь двух младших Разумовских — Алексея и Андрея, и занавес падает. Что же осталось? Великолепные дворцы да легендарный Царскосельский лицей, без создания которого история и культура России была бы, возможно, совсем иной…

Хотя, это не так уж и мало, если вдуматься.

Три судьбы одной женщины

История России изобилует самозванцами. Но среди них выделяется фигура женщины, о которой вообще ничего доподлинно не известно. Даже могилы у неё две — в Москве и в Санкт-Петербурге…

Многие наверняка знают романтическую историю княжны Таракановой, якобы незаконной дочери императрицы Елизаветы и её фаворита Алексея Разумовского, которая заявила о себе в первые годы царствования Екатерины II, была обманом вывезена из Италии в Санкт-Петербург и погибла в каземате Петропавловской крепости при страшном наводнении.

Все это очень красиво, но не совсем соответствует действительности. В Петропавловской крепости в то время действительно находилась в заключении молодая женщина, выдававшая себя за дочь покойной императрицы Елизаветы, но она никогда не принимала фамилии Таракановой. Такой фамилии среди русских князей не было вообще.

Другие имена самозванки более понятны. Одно время она именовала себя персиянкой Али-Эмете, затем княжной Владимирской с Кавказа, «Азовской принцессой» и, наконец, остановилась на самом «скромном» титуле: Елизавета, всероссийская княжна.

Корни интриги, по-видимому, нужно искать в Париже, в монастырском пансионе для девиц самого высокого происхождения, но, как правило, бесприданниц. По достижении шестнадцати лет воспитанницы «Преддверия» (так назывался пансион) уходили в монастырь. Бывали, однако, и исключения в пансионе укрывали от опасностей политических интриг и корыстных расчетов богатых невест-сирот. В 1760 году в «Преддверии» оказались сразу две такие девицы: русская княжна Анастасия Владимирская и племянница персидского шаха Али-Эмете. Обе были хороши собой, богаты и не имели близких родственников на родине. Обе попали в поле зрения отцов-иезуитов, негласно покровительствовавших пансиону. Начали они с того, что состряпали бумагу, «неопровержимо» доказывавшую права Анастасии Андреевны на российский престол как родной племянницы Анны Иоанновны, царствовавшей в России с 1730 по 1740 год и не оставившей прямых наследников. Анастасия Андреевна якобы была дочерью её сестры — Прасковьи Ивановны. Беда в том, что царевна Прасковья на самом деле скончалась… бездетной.

К счастью, существовали и подлинные документы, в том

числе и духовное завещание князя Андрея Владимирского, согласно которому его дочь получала огромные имения и миллионное состояние в том случае, если сохранит православную веру, оставит имение в целости и нераздельности только одному из своих потомков мужского пола и выйдет замуж только за Рюриковича, то есть представителя одного из трех княжеских родов: Шемякиных, Ростовских или Белозерских.

Несомненно, иезуиты нашли бы способ обойти последнее условие и выдать замуж возможную наследницу русского престола за какого-нибудь французского или польского аристократа-католика, служившего покорным орудием в их руках. Но тут княжна Анастасия проявила характер: неожиданно для всех она отдала свою руку и сердце… американцу, приехавшему в Париж с посольством Франклина. Некий Эдвар Ли, небогатый, незнатный «демократ» (явление для того времени экзотическое), увез княжну в Америку, где она стала просто миссис Ли. И исчезла из поля зрения кого бы то ни было, в том числе и иезуитов.

Но год спустя княжна Владимирская вновь появилась в Европе. В Польше она произвела фурор своим богатством, изяществом, умом и длинной свитой блестящих поклонников. Али-Эмете (а именно её выбрали отцы-иезуиты в качестве «дублерши» княжны Анастасии) была дочерью персидского шаха и его грузинской наложницы. В возрасте семи лет её отправили в Европу, надеясь впоследствии украсить шахский гарем европейски образованной девицей. Но длинная цепь дворцовых переворотов, последовавшая вслед за этим, оборвала всякую связь между юной персиянкой и её родиной. В том числе оборвались и денежные поступления. Али-Эмете была обречена на безвестность и нищету, и так бы все и произошло, если бы не вмешательство иезуитов.

На такую «наживку» клюнул граф де Рошфор-Валькур, маршал князя Лимбургского. Очень скоро Али-Эмете, теперь уже под именем Элеоноры, была представлена князю, а ещё некоторое время спустя стала его официальной невестой. Она выудила у своего сиятельного жениха огромную сумму денег и… сбежала в Италию, поскольку для заключения официального брака требовались документы о происхождении «княжны Владимирской». Единственный «документ», который сумели раздобыть иезуиты, это «грамота владетельницы Азова». Для заключения брака с немецким владетельным князем титула «Азовской принцессы» было мало.

Почему авантюристка отправилась в Италию через Польшу, неизвестно. Известно только, что по пути состоялась встреча,

окончательно определившая трагическую судьбу самозванки: на неё обратил внимание глава польских конфедератов — противников России, Карл Радзивилл, человек, сказочно богатый и с непомерными амбициями.

Для Радзивилла «дочь императрицы Елизаветы» была просто подарком судьбы. Ее внезапное, неожиданное появление на политической арене создавало угрозу трону Екатерины II, ненавистной полякам, грозило раздуть слегка затихшее пламя крестьянских восстаний в России, повлиять на отношения с Турцией, якобы благоволившей к «всероссийской княжне». Словом, перед честолюбивым поляком развернулись феерические планы будущего, созданные талантливой кистью иезуитов. А кистью этой водил человек, прекрасно знавший, на каких струнках нужно сыграть, чтобы самозванку признали подлинной царицей Елизаветой, наследницей русского трона. Это был князь Никита Юрьевич Трубецкой, злейший враг императрицы Екатерины. При Елизавете князь Трубецкой был фактическим правителем России, а при Екатерине стал никем. Именно он подсказал иезуитам мысль возвести на трон княжну Владимирскую. А когда затея не удалась, согласился на рискованную игру с самозваной дочерью Елизаветы, лишь бы у его августейшей противницы появилась серьезная соперница.

Сохранилось письмо к князю Трубецкому от последнего фаворита императрицы Елизаветы Ивана Ивановича Шувалова, где, помимо всего прочего, говорится:

> «Согласно твоим указаниям, князь, пытался я в Париже увидеться с княжной Владимирской, о которой много говорят, но которую никто не видел. Наконец мне удалось встретиться с нею на курорте в Спа. И я убедился, что это вовсе не княжна Анастасия Андреевна, хотя желает, чтобы её за таковую принимали, и даже имеет некоторые бумаги, по праву принадлежащие княжне Владимирской. Особа эта называет себя иI так, как звали княжну Владимирскую в иезуитском пансионе, — Елизаветой. Случайно я узнал, что и моя собеседница воспитывалась там в то же время и звалась Алиной, но кто она и откуда — неизвестно.
>
> Но ведь для наших целей безразлично, будет ли с нами подлинная княжна Владимирская или некто, принявшая её имя. В России мало людей, способных распознать подлог, да и тех можно обезвредить. Почти достоверно, что Анастасия Андреевна погибла во время бури на корабле, плывшем в Америку. В любом случае её

можно не принимать в расчет. А та, кто её заменит, — особа умная, ловкая и решительная. Собой она очень хороша и мастерица кружить головы мужчинам. Князя Лимбургского она совершенно околдовапа, он готов на ней жениться хоть сейчас, да невеста метит повыше. Теперь она отправляется в Венецию, чтобы добиться от турецкого султана продол жения войны с Россией — до своего воцарения и заключения выгодного для Турции мира. Одним словом, каша заваривается. как-то её придется расхлебывать „матушке“ (императрице Екатерине. — *Прим. авт.*), неизвестно. Да нам того и надо!»

Кто знает, как обернулись бы события, не случись непредвиденного: князь Трубецкой, мужчина вовсе не старый, внезапно оказался сражен страшной болезнью — так называемой «пляской святого Витта», лекарства от которого нет и по сей день. Через неделю страшных мучений Никита Юрьевич скончал-ся. Вместе с его душой отлетела и «душа» заговора. Мнимая княжна Владимирская осталась без поддержки в России, но не оставила внушенной ей мысли: занять российский престол. Бедняжка уже перестала отличать вымысел от правды, и, похоже, сама поверила в собственные фантазии.

Это тем более вероятно, что и помощь Карла Радзивилла к этому времени стала чисто символической, ибо прекрасная авантюристка стоила ему целого состояния. А когда «всероссийская княжна» поняла, что поляк способен только произносить красивые речи за столом, она поставила на нем крест и решила действовать самостоятельно. И для этого удумала лично отправиться к турецкому султану. Но из-за сильного шторма корабль, на котором она плыла со свитой старых и новых поклонников, оказался в итальянском городе Рагузе. Однако ей повезло и тут.

Маленький город Рагуза был оскорблен тем, что русская императрица заставила его поставить на рейд военные суда русской эскадры под командованием графа Орлова. Поэтому соперницу Екатерины в Рагузе приняли с восторгом и поистине королевскими почестями. Дело выходило на международный уровень, и Екатерина, только что усмирившая Пугачевский бунт и напуганная появлением самозванки, начала подумывать о том, как разделаться с авантюристкой.

А та находилась в трудных обстоятельствах. Она надеялась, что глава римской церкви окажет ей настоящую помощь, ведь иезуиты настойчиво внушапи ей: первое, что она должна будет

сделать, взойдя на престол, это подчинить русскую церковь Ватикану. Значит, папа римский кровно заинтересован в успехе её предприятия, рассуждала самозванка.

Но добраться до папы было трудно, а окружавшие святой престол кардиналы вовсе не были склонны давать деньги на сомнительные предприятия. «Всероссийская княжна» начала испытывать настоящую нужду. И тут встречи с нею попросил граф Орлов-Чесменский, бывший в то время в Италии живой легендой.

Мало того, что Алексей Орлов обладал непомерной физической силой: мог убить быка ударом кулака, разорвать пополам карточную колоду или завязать узлом кочергу. Он ещё был сказочно, невероятно богат, разбрасывал золото вокруг себя пригоршнями и ничего не жалел для собственного удовольствия. Женщины графа боготворили, но ни одной не удавалось привязать его к себе хоть на неделю. И вот такой человек просит о встрече. Можно ли было отказать?

Правда, лже-Елизавета ещё колебалась. Ей было известно, что брат графа Орлова — Григорий — едва ли не тайный муж русской императрицы. Но вскоре выяснилось, что звезда Орловых при русском дворе закатывается и уже открыто называют имя нового фаворита Екатерины — Григория Потемкина. Значит, Алексей Орлов не враг, а союзник? Значит, ему можно довериться?

Знала бы она, что свидания с нею Орлов добивается по прямому приказу императрицы! Но она видела только одно: нового друга, богатого и могущественного, который способен поддержать её проекты. И она выехала из Рима в Пизу, и была доставлена в такой роскошный дворец, что последние сомнения в искренности Орлова отпали: ни. один из её прежних покровителей и любовников не окружал её таким царским великолепием.

А когда на пороге гостиной появился настоящий сказочный богатырь: в плечах именно косая сажень, рука, как молот, на лице боевой шрам, зубами хоть железо перекусит, «княжна» обомлела. Дар речи потеряла, так что первым — по-французски, разумеется, — заговорил он:

— По слову вашего вел… императорского высочества я счел долгом своим явиться в ту же секунду, чтобы засвидетельствовать свои рабские чувства беспредельного почтения и то бесконечно преданное вашему императорскому высочеству сочувствие, на которое от всякого русского вы, по вашему высокому происхождению и вашим несчастьям, имеете неотъемлемое право.

С этой секунды женщина стала рабой русского красавца. Она готова была пожертвовать ради него и своими мифическими

правами на престол, и как бы принадлежавшим ей в России состоянием, и всеми поклонниками, да и самой жизнью, наконец. Но графу нужно было только исполнить приказ императрицы: привезти к ней «всклепавшую на себя имя» — живой или мертвой. Екатерина хотела надежно — раз и навсегда — обезвредить соперницу.

Но зачем было Орлову убивать женщину, влюбленную в него до беспамятства? Она уже и корону-то соглашалась надеть, только если он «разделит вместе с нею бремя власти». На словах он и сам разделял с нею её мечты, ставшие уже просто бредовыми: тут был и союз с Францией, и освобождение крепостных крестьян, и присоединение к России Персии — тоже, оказывается, принадлежавшей «всероссийской княжне» по праву наследницы шахского трона. Орлов поддакивал и постепенно подвел свою жертву к мысли о том, что им нужно обвенчаться прямо тут, в Италии, и тогда уж он в качестве законного супруга будет сражаться за её интересы, «природной и истинной российской государыни», с удвоенным пылом. А что такого? Посадили же братья Орловы на престол Екатерину, отчего же теперь не устроить на царствование Елизавету II?

Они обвенчались в Ливорно, на одном из кораблей русской эскадры. Мало кто знал, что роль православного священника исполнял переодетый матрос — за пять рублей серебром и стакан водки. А кто знал — помалкивал, ибо сразу после венчания «новобрачных» арестовали там же на корабле по приказу императрицы. Орлова арестовали для вида, а вот «Елизавету II» — действительно. И эскадра двинулась в Санкт-Петербург, увозя с собой «всклепавшую на себя имя», полубезумную от горя и страха, с очевидными признаками чахотки беременную женщину, которая попала в ловушку только потому, что первый раз в жизни полюбила.

И одна интересная деталь: короткий отрезок жизни, который оставалось прожить несчастной, она провела в том самом платье, в котором была при венчании: зеленом, бархатном, с золотыми кружевами. В нем она и умерла, но не от наводнения, а от родильной горячки и чахотки. Но это было позже.

В Санкт-Петербурге вместо царских почестей, о которых она так мечтала вместе с Орловым, её ожидал каземат Петропавловской крепости, допросы, пытки — много больше того, что может выдержать человек, тем более слабая женщина.

Впрочем, поначалу все выглядело не так уж и страшно. Не каземат, а скорее «гостиничный номер» из нескольких комнат, приличная еда с комендантской кухни, две служанки, личный

врач. Получив приказ императрицы провести следствие по делу самозванки, фельдмаршал и санкт-петербургский генерал-губернатор князь Алексей Михайлович Голицын объяснял все эти послабления тем, что узница ещё ни в чем не обличена, да к тому же больна и ждет ребенка. Екатерина была не в восторге от такого проявления гуманизма, но не возражала, только настаивала на скорейшем проведении расследования.

Узница умоляла о личной встрече с императрицей, но поскольку все письма, равно как и протоколы допросов, подписывала по-царски кратко — «Елизавета», русская императрица категорически отказалась видеть «наглую лгунью» и приказала применить допрос с пристрастием. Но князь Голицын все ещё не мог решиться применить пытки к женщине. Вместо этого узницу перевели в подземный каземат на хлеб и воду, и караул находился с нею в одном помещении. Все эти меры привели лишь к тому, что рассудок несчастной помутился. Солдат из камеры убрали лишь накануне знаменитого петербургского наводнения…

От смерти в воде узницу спасли чудом — в последнюю минуту выбили дверь камеры. Но то, что дни женщины сочтены, было ясно всем. Тогда Екатерина приказала устроить ей встречу… с Алексеем Орловым.

Встреча происходила с глазу на глаз, свидетелей не было. Известно только, что продолжалось свидание недолго, Орлов выскочил из каземата бледный и с перекошенным лицом, а его жертва окончательно потеряла рассудок и уже никого не узнавала до своего смертного часа. Родив сына — Александра Алексеевича Чесменского, «дворянина неизвестного происхождения», «княжна Владимирская» скончалась от приступа кровотечения. Ее похоронили в крепости близ Алексеевского равелина, и посаженные кем-то над могилой кусты боярышника разрослись затем в небольшой садик…

Но когда несколько дней спустя Екатерина, перечитывая допросные листы, пыталась разгадать загадку самозванки, ей доложили, что во дворец прибыла и почтительно просит об аудиенции… княжна Владимирская.

— Мертвые, что ли, встают из гробов в этой стране? — воскликнула Екатерина. И приказала доставить во дворец карету «с крепким караулом», намереваясь достойно встретить очередную самозванку.

Однако то была подлинная княжна Владимирская, Анастасия Андреевна, в замужестве — миссис Ли. Потеряв мужа и двух сыновей во время войны Америки с Англией за свою независимость, она решила вернуться на родину, вступить в

права наследства. И с изумлением узнала, что она якобы «всклепала на себя» имя дочери императрицы Елизаветы и предъявляет свои права на российский престол. Да и вообще — сидит в тюрьме и её допрашивают палачи…

Анастасия Андреевна поспешила к императрице, чтобы убедить ее: никакой иной княжны Владимирской, кроме нее, нет и быть не может, а сама она ни на что не претендует: получить спокойный уголок, вести размеренную, уединенную жизнь. После утраты мужа и сыновей светская жизнь для неё немыслима.

Екатерина предложила Анастасии пожить в монастыре, на правах гостьи. Избран был Ивановский женский монастырь в самом центре Москвы. Там княжне Владимирской предоставили прекрасные покои с садом перед окнами, все её приказания выполнялись мгновенно. Она ни в чем не испытывала нужды. Создать такие условия для наследницы одного из самых значительных в России состояний было совсем нетрудно, тем более что после неё наследником всего становилась казна. То есть государыня-императрица. Она и позаботилась ускорить этот момент: сначала запретила Анастасии Андреевне покидать стены монастыря, а потом намекнула в личном письме, что Россия в тяжком положении, нужны деньги, и неужели же княжна Владимирская, обладая многомиллионным состоянием…

Анастасия поняла все правильно: власти денег Екатерина боялась не меньше, чем политических интриг. Княжна Владимирская подписала бумаги о передаче всех своих капиталов, земель и доходов с них государству, а сама постриглась в монахини под именем Досифеи. На этом великосветском пострижении была, пожалуй, вся Москва. Не было только Алексея Орлова-Чесменского, который вообще объезжал Ивановский монастырь за версту с тех пор, как там поселилась княжна Владимирская. Орлов считал, что это обманутая им женщина, что слухи о её смерти — ложь, специально пущенная Екатериной, и панически боялся встречи со своей итальянской любовью.

А монахиня Досифея прожила ещё почти сорок лет в монастыре. О ней говорили, что она может предсказать будущее, отвести беду, вылечить неизлечимую болезнь. Правда это или вымысел — трудно сказать. Похоронили её в Новоспасском монастыре, в усыпальнице бояр Романовых, как последнюю представительницу этого рода — боярского, не царского. На серой плите значились лишь монашеское имя и день кончины — 4 февраля 1810 года.

Дотошные историки утверждают, что княжна Владимирская — это изощренная выдумка самой Екатерины,

спрятавшей под этим «псевдонимом» подлинную дочь императрицы Елизаветы и её морганатического мужа, графа Алексея Разумовского. Потому и допрашивала она несчастную с таким пристрастием, что знала о существовании вполне законной наследницы Елизаветы. И успокоилась только тогда, когда возможная соперница сама явилась к ней, а затем позволила постричь себя в монахини и удалилась от мира.

Возможно, это и так, потому что никаких князей Владимирских-Зацепиных, да ещё несметно богатых, в российской истории не было. Скорее всего, это «легенда», придуманная хитроумным князем Никитой Трубецким, дабы соперница Екатерины была, так сказать, материально заинтересована в возвращении в Россию. А потом уже было безразлично, какую сказку станет рассказывать в Европе её «дублерша», лишь бы хоть чуть-чуть походило на правду.

Что же касается «княжны Таракановой», то такой женщины вообще не существовало нигде, кроме страниц литературных произведений. По сути дела это псевдоним дочери Елизаветы, которая могла бы так назваться, не сочти её опекуны более уместным титул княжны Владимирской. Но этот образ получил куда большую популярность, чем две живые женщины, послужившие его прототипами.

История фантастическая, неправдоподобная, просто предназначенная для того, чтобы о ней писали романы. Но ведь это было на самом деле. Трудно только отделить вымысел от правды. Настолько трудно, что иногда приходит в голову: а что, если Алексей Орлов был прав, и монахиней Досифеей стала именно его возлюбленная, а не неведомая ему миссис Ли, в девичестве княжна Владимирская-Зацепина?

Может быть, подлинной дочери Елизаветы на самом деле и не было? Просто на долю одной женщины выпало сразу три судьбы?

Девка Гамильтон

В 1783 году княгиня Екатерина Романовна Дашкова — президент Российской Академии наук, — просматривая счета, обнаружила, что ежегодно отпускается огромное количество спирта на нужды кунсткамеры, единственного в те времена музея. Выяснилось, что в кунсткамере в спирту хранились всевозможные «уродцы», которых обожал и собирал по всему свету Петр Первый. Но, помимо этих «уродцев», в подвале кунсткамеры, в особом сундуке под ключом хранились две головы — мужская и женская, обе прекрасно сохранившиеся и обе необыкновенной красоты.

Императрица Екатерина Вторая приказала выяснить, кому принадлежали эти головы. Долго рылись в архивах, наконец, определили, что мужчина — это камергер Екатерины I Виллим Иванович Монс (по скандальным слухам, любовник своей госпожи), которому голову срубили по приказу Петра Великого. Несколько недель эта голова стояла прямо в кабинете Екатерины — «в назидание», а потом была передана в академию, в кунсткамеру. Судьба же хозяйки другой головы — женской — оказалась ещё более трагичной. Возможно, поэтому она была окружена всевозможными легендами и преданиями, некоторые из которых дожили и до наших дней.

Считалось, например, что голова эта принадлежала Анне Монс — первой возлюбленной Петра Великого, которую он уличил в измене и едва ли не собственноручно обезглавил в Москве на Лобном месте. На эту тему Андреем Вознесенским была создана трогательная поэма, где подробно описываются и переживания Анны перед казнью, и вынужденная жестокость её царственного возлюбленного, и даже то, как он целовал отсеченную голову прямо на глазах у изумленной публики. Только этот эксцентрический момент и соответствует исторической действительности: Петр действительно присутствовал при казни и действительно поднял на руки мертвую голову. И не только поцеловал её, но и повелел всем остальным присутствовавшим восхищаться её красотою. Только была это не его возлюбленная, а чужая.

Вторую легенду очень любили до революции рассказывать сторожа в кунсткамере.

> «При государе Петре I была необыкновенная красавица, которую как увидел государь, так и приказал отрубить ей голову и поставить в спирт на вечные времена, чтобы все могли видеть, какие красавицы

родятся на Руси…»

В какой-то степени и это правда, только голову красавице отрубили за совершенно конкретное преступление: детоубийство. Преступницу не спасло ни высокое происхождение, ни близость к императорскому двору, ни «смягчающие обстоятельства»: она была незамужней, и рождение ребенка наложило бы на неё несмываемое клеймо…

Красавицу звали Мария Даниловна Гамильтон, и принадлежала она к знатному шотландскому роду, один из представителен которого перебрался в Россию ещё при Иване Грозном — Мария приходилась внучкой ещё одному знатному русскому боярину — Артамону Сергеевичу Матвееву, воспитателю матери Петра I. Так что «девка Гамильтон» (а девками в те времена, кстати, называли фрейлин императрицы) по своему рождению могла рассчитывать на самый блестящий брак и беспечную жизнь. Увы, судьба распорядилась иначе.

А начиналось все совершенно замечательно. В тринадцатилетнем возрасте Мария была взята ко двору, состояла в свите императрицы Екатерины, пользовалась особым расположением Петра I. Первая красавица при дворе, она блистала на ассамблеях, привлекала к себе толпы поклонников и- на свое несчастье — в одного из них влюбилась без памяти. Избранник её был Иван Орлов — царский денщик и любимец, красавец, ну, и все прочее, что полагается в таких случаях. Орлов отвечал Марии полной взаимностью, но жениться почему-то не спешил. Во-первых, Петр не терпел никакой инициативы в сердечных делах у своих любимцев и предпочитал устраивать их личную жизнь по собственному усмотрению. А во-вторых, Мария по своему происхождению была выше Ивана Орлова, и её родственники наверняка не одобрили бы такой мезальянс. Впрочем, это все догадки.

Совершенно очевидно одно: когда в начале 1716 года государь и государыня отправились за границу, Мария Гамильтон сопровождала их в качестве фрейлины двора императрицы, а Иван Орлов — как императорский адъютант. Именно тогда их роман получил логическое продолжение: они стали любовниками.

Но Мария Гамильтон поплатилась жизнью, разумеется, не за внебрачную связь; в подобном случае едва ли не весь российский высший свет нужно было бы отправить на эшафот. Погубило её роковое стечение обстоятельств: у фонтана в Летнем саду дворца был найден труп новорожденного младенца, а Иван Орлов загулял с приятелями, и несколько дней его нс могли сыскать. И

то, и другое событие одинаково скверно повлияло на настроение Петра, и без того склонного к вспышкам сокрушительного гнева. И когда Орлов, наконец, явился во дворец, чтобы выполнять свои непосредственные обязанности, он обнаружил, что государь вне себя от ярости.

Единственная вина, которую ощущал за собою Орлов, была его связь с «Марьюшкой», «девкою Марьей Гаментовой», камер-фрейлиной её величества. В этом он с перепугу и повинился, не представляя себе, какие трагические последствия для Марьюшки будет иметь его признание:

— Виноват, государь! Люблю Марьюшку!

— Давно ль ты её любишь? — спросил его царь.

— Третий год…

Платонических воздыхании Петр не понимал и не признавал, к тому же прекрасю знал нравы своего двора. Потому, естественно, задал следующий вопрос:

— Раз любишь, значит, она бывала беременною?

— Бывала, государь.

— Значит, рожала?

— Два раза скидывала, один родила, да мертвого.

Петр и на этом не остановился: «привычные выкидыши» тогда были делом редким, а рождение мертвого младенца тоже не являлось нормой, чаще при родах умирали роженицы. Потому допрос был продолжен:

— А видел ли ты младенца мертвым?

— Нет, — простодушно ответил Орлов, — не видел, а от неё узнал.

Вот тут-то Петру и вспомнился найденыи в дворцовом саду мертвый младенец. И царь тотчас же приказал привести к себе Марию Гамильтон. Та сначала все отрицала, клялась в своей невинности, но Петр круто взялся за дело, и вскоре фрейлина созналась, что «она с Иваном Орловым жила блудно и была беременна трижды. И двух ребенков лекарствами из себя вытравила, а третьего задавила и отбросила».

Орлов был посажен в крепость, «а над фрейлиною, — писал один из современников, — убийцею нераскаянною, государь повелел нарядить уголовный суд». Любовникам не повезло ещё и потому, чго их дело раскрылось как раз тогда, когда Петр находился в страшном нравственном возбуждении: это были те самые ни, когда шел суд над царевичем Алексеем Петровичем, кончившийся казнью царвича и его соучастников. Теряя старшего сына, не имея уверенности в том, что мпадший сын от Екатерины сможет дожить до совершеннолетия и царствовать, и вообще не слишком счастливый в свих детях, Петр не смог простить Марии

Гамильтон такого легкомысленного огношения к «благословению Божьему» — детям. Именно в этом и было все дело, а не в том «блудно» или не «блудно» она жила с Иваном Орловым: сам Петр соизвоил обвенчаться с Екатериной тогда, когда она родила ему уже пятерых (!) детей. но, с другой стороны, что позволено Юпитеру…

О крайнем раздражении Петра против «детоубийцы» свидетельствует и тот факт, чтоо он приказал отправить Марию Гамильтон в застенок и подвергнуть пыткам, причем сам на них присутствовал. Ничего нового, впрочем, фрейлина под пытками не сказала, как, однако, не сказала ни слова в обвинение того, кого она любила и из-за кого попала в такое положение. Орлов же, панически боясь и пыток, и казни, писал из крепости, где его держали под стражей, одно письмо за другим, причем чернил в этих посланиях свою любовницу, как только мог. Он так заврался, что, справедливо опасаясь быть уличенным в клевете, начал каяться, ссылаясь на беспамятство: «Прошу себе милостивого помилования, что я в первом письме написал лишнее: когда мне приказали написать, и я со страху и в беспамятстве своем написал все лишнее… Клянусь живым Богом, что всего в письме не упомню, и ежели мне в этом не поверят, чтобы у иных спросить — того не было».

О возлюбленной — ни слова. А её между тем приговорили к смертной казни и с подписанием приговора заковали в железо. Так она провела четыре месяца.

Долгое заточение фрейлины, по-видимому, дало её покровительнице-императрице надежду на то, что Петр решил просто припугнуть несчастную девушку, а ни в коем случае не доводить дело до смертной казни. К тому же «дело Гамильтон», как сейчас сказали бы, всколыхнуло общественное мнение, и самые влиятельные придворные пытались убедить государя ограничиться пострижением виновной в монахини. Тоже, конечно, не подарок для молодой девушки, но все же лучше, чем смерть. Конечно, дело было не в особой гуманности придворных: восемнадцатый век был более чем жестоким временем, и смертные казни составляли неотъемлемую часть общественной жизни. Отрубание головы считалось ещё милостью, «в моде» были четвертование, колесование и прочие экзотические штучки. Так что сам по себе приговор императорской фрейлине никого особо не взволновал. А вот основание для этого приговора…

Восемнадцатый век был столь же легкомыслен, сколь и жесток, и десятка полтора придворных красавиц почувствовали топор палача, занесенный над их шеей. Поэтому, хлопоча о помиловании Гамильтон, знатные персоны того времени

хлопотали прежде всего об отмене прецедента. Тем более что у многих ещё были живы в памяти другие казни, одобренные Петром: женщин-мужеубийц, например, зарывали в землю живьем по шею и оставляли так на милость погоды и диких зверей. Причины преступления никого не волновали: одинаково наказывали и хладнокровную, расчетливую убийцу, и несчастную, обезумевшую от ежедневных побоев и издевательств мужа. Так что время, повторяю, было «веселое», и расставаться с жизнью из-за обострения у царя нравственности никому не хотелось.

За Марию Гамильтон хлопотали сама императрица Екатерина I и невестка царя, вдовствующая царица Прасковья Федоровна, многие другие близкие к государю лица. Первоначально Петр не говорил ни «да», ни «нет». С одной стороны, он не любил менять единожды принятого решения, даже если принимал его под влиянием момента. С другой стороны, поговаривали (возможно, не без основания), что благосклонностью красавицы-фрейлины пользовался не один Иван Орлов, а и сам государь-император. Во всяком случае, когда, наконец, потребовалось решить, казнить или. миловать, Петр вышел из положения достаточно своеобразно — переложил ответственность на других. Точнее, на царицу Прасковью Федоровну, горячее всех хлопотавшую за «детоубийцу»:

— Чей закон есть на таковое злодеяние? — спросил Петр свою невестку.

— Вначале Божеский, а потом государев, — отвечала царица.

— Что же именно законы сии повелевают? Не то ли, что «проливая кровь человеческую, да прольется и его»?

Царица вынуждена была согласиться с тем, что за смерть полагается смерть.

— А когда так, — подвел итоги Петр, — порассуди, невестушка, ежели тяжко мне и закон отца или деда моего нарушить, то коль тягчее закон Божий уничтожить? Но ежели кто из вас имеет смелость, то возьмите на души свои сие дело и решите, как хотите, — я спорить не буду.

Смельчаков, однако, не нашлось. Никто не желал ни брать на себя ответственность, ни делать то, на что у самого государя очевидной охоты не было. Хотя обычно Петр не боялся нарушать законы, в том числе и законы Божий, не говоря уже о тех, которые были установлены его отцом и дедом. А слабость, проявленная им по отношению к «Марьюшке», была едва ли не единственной в его жизни: «царь-плотник» не гнушался и лично голову отрубить, если считал сие за благо.

Казнь состоялась 14 марта 1719 года на Троицкой площади близ Петропавловской крепости. Все, в том числе и

приговоренная, были уверены, что в последнюю минуту государь дарует Марии Гамильтон свое помилование. Действительно, Петр был ласков с юной (ей ещё 19 лет не исполнилось!) женщиной, простился с нею, поцеловал её в лоб и даже, по некоторым свидетельствам, дал ей слово, что к ней не прикоснется нечистая рука палача. Но в заключение якобы сказал:

— Без нарушения божественных и государственных законов не могу я спасти тебя от смерти… Итак, прими казнь и верь, что Бог простит тебя в грехах твоих. Помолись только ему с раскаянием и верой.

Через несколько минут голова грешной красавицы скатилась с плахи на помост. Слово свое Петр сдержал — сам поднял её и показал толпе, хотя обычно это дело палача. Но царь пошел ещё дальше: поцеловал голову прямо в губы, подчеркивая, что по-прежнему восхищается красотою своей давней любимицы.

Для людей, хорошо знавших Петра, в этом поступке не было, впрочем, ничего из ряда вон выходящего. Поскольку царь считал себя человеком, чрезвычайно сведущим в анатомии, то он к тому же воспользовался случаем, чтобы показать и объяснить присутствовавшим при казни различные жилы, «соединявшие тело с головою и важные для жизни». Закончив свою маленькую импровизированную лекцию, Петр вторично поцеловал мертвую голову, затем бросил её на землю, перекрестился и уехал с места казни.

Как известно, Петр был человеком чрезвычайно практичным. Оставшшиеся после казненной драгоценные вещи он велел конфисковать в казну. А вместе с украшениями и безделушками приказал конфисковать и сохранить самое драгоценное, что было у фрейлины: её прекрасную голову. Сей «экспонат» поместили в большую стеклянную банку со спиртом и целых шесть лет — до смерти Петра — хранили в особой комнате при кунсткамере. Последний год голова Марии Гамильтон провела в обществе ещё одной головы, также принадлежавшей при жизни любимцу императора и императрицы, безжалостно казненному по приказу Петра.

До смерти Екагерины 1 головы находились в кунсткамере и их можно было видеть. Затем сочли за благо убрать их с глаз долой: все-таки консервация не входила в ритуал христианского погребения. Затем о них забыли. И не вспомнили бы, не обрати шестьдесят лет спустя дотошная президент Академии наук внимания на то, что слишком много денег уходит в кунсткамере на спирт.

Екатерина II, налюбовавшись на головы. приказала все-таки предать их земле. И останки Марии Гамильтон и Виллима Монса

были закопаны там же в кунсткамере, в подвале. Времена изменились, и былого интереса к «уродцам» и «монстрам», особенно таким, которые по рождению принадлежали к высшей российской знати, в обществе уже не испытывали.

«Дело Гамильтон» продолжения не имело. Ни одна российская аристократка впоследствии не подвергалась обвинению в «блудной жизни» или «детоубийстве», хотя и супружеских измен, и выкидышей. и преждевременных родов при дворе случалось куда больше, чем в среднем по России. Просто остальных царей (и цариц) это интересовало куда меньше, чем Петра.

О дальнейшей судьбе Ивана Орлова не известно ничего. Мужчина — он, естественно, остался в стороне. И это. кстати, тоже с веками не меняется…

Девица мужского пола (Шевалье де Эон)

Полное имя этого человека эвучало так: Шарль-Женевьева-Луи-Огюст-Андре-Тимоте де Эон и де Бомон. Ничего необычного такая гроздь имен в те времена в католических странах (а таковою была Франция) собою не представляла. Чем больше имен дано при крещении младенцу, тем больше у него будет святых заступников, считали добрые католики. И женское имя среди мужских тоже было в порядке вещей: святая заступница тоже не помешает.

Неизвестно, почему ребенка наряжали то мальчиком, то девочкой. Возможно, потому, что мать его хотела дочку и потому приказывала наряжать мальчика в платьица и панталончики с кружевами. Но говорили также, что мальчик-то на самом деле был девочкой, а, поскольку его отец страстно хотел иметь сына и наследника, малышку наряжали в мужские костюмы.

Как было на самом деле, трудно сказать. Достоверно одно: шевалье де Зон всю жизнь одинаково свободно чувствовал себя и в юбке с кринолином, и в военном мундире. Достоверно также, что «он» великолепно владел шпагой, а «она» танцевала лучше всех остальных дам при королевском дворе в Версале.

В десятилетнем возрасте шевалье поместили в мужскую коллегию Мазарини, где ему дали приличное по тем временам образование, обильно приправленное розгами. У аббатов, кстати, не возникало ни малейшего сомнения в том, к какому полу принадлежал их резвый и смышленый питомец. Из коллегии шевалье вышел со званием «доктор гражданского и канонического права» и с репутацией самого опасного дуэлянта Франции.

Молодой адвокат и пером владел столь же виртуозно, сколь и шпагой. За три года он успел выпустить в свет две книги: «Финансовое положение Франции при Людовике XIV в период Регентства» и «Политические рассуждения об администрации древних и новых народов». О новом «светлом разуме» заговорили в светских салонах, и, по слухам, сам великий Вольтер желал с ним познакомиться. Но знакомство состоялось позже, много позже…

А пока одна из многочисленных любовниц (по слухам, только по слухам — нет ни единого твердого доказательства близости шевалье с какой-либо женщиной), молоденькая графиня де Рошфор, решила подурачиться. Нарядив шевалье в свое платье,

она повезла его на маскарад, где был и король Людовик XV. Пресыщенный пышными прелестями придворных красавиц, король отметил угловатую хрупкость незнакомки. И уединился с нею в саду…

Гнев короля был ужасен: негодная графиня де Рошфор осмелилась подшутить над его величеством и свести его с мужчиной! Графиню выслали в деревню. Зато всесильная фаворитка маркиза де Помпадур, всласть посмеявшись над происшествием, приблизила де Зона к себе, намереваясь извлечь выгоды из любовной ошибки короля. Маркиза была несомненно умнее своего царственного покровителя, и уж она-то знала, как можно использовать мужчину, который блистательно играет роль женщины.

Политика, политика, всегда одна политика…

У де Зона появился и другой влиятельный покровитель: принц Луи де Конти — прославленный полководец и превосходный оратор. Но принц грезил лаврами поэта, а рифмы ему никак не давались. Тут-то и возник в его покоях изящный шевалье.

— Не огорчайтесь, высокий принц, — заявил он, — в любое время дня и ночи я могу говорить стихами, а вы все мои рифмы можете считать своими.

И очень скоро принц Конти уже не мыслил своей жизни без шевалье. Но называл его почему-то «Моя прекрасная де Бомон». Впрочем, скоро все прояснилось: принц вместе с маркизой де Помпадур составили оригинальный план проникновения в Россию личного посланника французского короля (официальных посланцев Версаля в Санкт-Петербурге не очень-то жаловали).

— Что не по силам мужчине, надобно доверить женщине, — глубокомысленно заметила маркиза. — А ваш шевалье де Зон, милейший принц, это как раз то, что нужно. Его щеки никогда не ведали прикосновения бритвы, руки и ноги миниатюрны, голос напоминает бубенчик. И все это сопровождается мужской силой и ловкостью и острым умом.

Несмотря на запоздалые протесты шевалье, его оторвали от упражнений со шпагой, чтения книг, игры в шахматы и распивания вина. Из Парижа в столицу России выехала мадемуазель де Бомон — лицо сугубо частное и сугубо женское. Роскошные туалеты мадемуазель были сшиты под личным руководством принца Конти, который знал, как женщине надобно одеваться, чтобы понравиться мужчинам.

Выехать-то мадемуазель де Бомон в Россию выехала, но вот была ли она там, неизвестно. Ни во французских, ни в русских архивных документах нет ни малейших следов пребывания в

Петербурге прекрасной Луизы де Бомон. Сам шевалье в своих мемуарах утверждает, что не только был, но и стал придворной чтицей императрицы Елизаветы и даже передал ей спрятанное в переплет какой-то книги личное послание короля Людовика XV, убеждавшего императрицу вступить с ним в секретную переписку. Некоторые авторы исторических произведений, начитавшись мемуаров шевалье, даже возвели его в ранг фаворитки императрицы. Но…

Но сам де Зон так запутал свою жизнь, нагородил вокруг себя столько тайн, нужных и бесполезных, что верить этому оборотню нельзя. И уж никак не могла француженка стать фавориткой русской императрицы хотя бы потому, что при дворе Елизаветы фавориток вообще не было. Фавориты — да, были, были подруги, но и только.

А вот в секретную переписку с королем Людовиком Елизавета действительно вступила, но посредником был не шевалье, переодетый в женское платье, а мужчина-иезуит Дуглас. И не он лично передал послание в руки Елизаветы, а вице-канцлер Михаил Воронцов, люто ненавидевший всесильного тогда канцлера Алексея Бестужева. Даже министры Людовика не знали об этой переписке, а Елизавета таилась ото всех, кроме Воронцова, кстати, родственника, мужа двоюродной сестры.

В результате с депешей в Париж был послан… домашний учитель Воронцова Бехтеев. Две великие страны накануне большой войны сходились с помощью двух… гувернеров (Дуглас тоже был домашним наставником). Шевалье де Зон, или мадемуазель де Бомон, ко сему этому не имел ни малейшего отношения. Шевалье вообще прибыл в Петербург позже, мужском платье, и произвел в столичном обществе фурор. Прежде всего он оказался нтересен тем, что был совершенно равнодушен к женщинам. Даже Елизавета не выдержала — приняла в своем дворце эту «высоконравственную загадку». Но никаких последствий этот визит не имел, хотя, по замыслу принца Конти, шевалье должен был добиться для него курляндского престола, вассального по отношению к российской короне.

Из секретной миссии шевалье, однако, ничего не вышло. Прослышав о намерениях француза, канцлер Бестужев щедро снабдил его золотом и предложил убраться из России. Альтернативой была крепость или ссылка на Камчатку. Что предпочел де Зон, нетрудно догадаться.

Парижские газеты, однако, преподнесли возвращение шевалье на родину как триумф. Дело было в том, что, проезжая через Вену, де Зон узнал о поражении прусского короля Фридриха под Прагой. Шевалье загнал несколько упряжек лошадей, разбил

карету, сломал шпагу, но на целых тридцать шесть часов опередил курьеров. И Версаль встретил его, как победителя.

Французские же дела в России запутались ончательно. И снова де Зон едет в Санкт-Птербург — на сей раз в качестве первого секретаря посольства. По тем временам этот пост был весьма высокий. Но прежде чем покинуть Париж, шевалье положил на стол минстра иностранных дел документ, который ему, по его словам, удалось выкрасть из тайных архивов в Петергофе. Это было ни больше нименьше, как завещание Петра Великого его потомкам, политическая программа России, которой она должна была неуклонно следовать.

Наверное, шевалье думал, что за этот документ ему в Версале при жизни поставят памятник. Но ни король, ни его министры в суматохе со5ытий не обратили на этот документ внимания. «Слишком химерично», — был однозначный вывод политиков.

Однако этот документ оказался миной замедленного — и многоразового! — действия. Дважды его использовали для оправдания войны Франции с Россией: в 1812 году (нашествие Нагюлеона) и в 1854 году (Крымская кампания). Но до этого было ещё очень и очень далеко, а эта «мина» затерялась в ворохе архивных бумаг.

А в Петербурге неуютной, холодной осенью 1757 года шевалье де Зон имел неосторожность подшутить в одном из знатных домов над Станиславом Потоцким, польским посланником любовником великой княгини Екатерины. В ответ на шутку француза гордый лях лишь поморщился:

— Уймитесь, жалкая жертва природы в камзоле! Где ваше мужество?

В ответ над столом зловеще блеснула шпага де Зона. Потоцкий счел ниже своего графского достоинства биться на дуэли с противником без титула, и за него в поединок вступил голштинский наемник-гигант. Все кончилось в одну минуту: прямым ударом в сердце де Зон наповал убил противника. У императрицы Елизаветы этот поступок вместо ожидаемого гнева вызвал прямо противоположную реакцию — она предложила шевалье принять русское подданство и служить императрице всеми своими талантами.

«Близ царя — близ смерти», — припомнилось де Зону, и он вежливо отклонил лестное предложение. Сколько раз на протяжении своей долгой жизни он ещё пожалеет об этом! Сколько раз будет он клясть свою чрезмерную осторожность: такой изощренной пытки, которую в будущем изберет для него родная Франция, в Рссии бы не придумали.

А пока шевалье погрузился в изучение российской истории.

Насмешки, которым он подвергался в Петербурге за свою нравственность, сделали его отчасти замкнутым. А с книгами и с пером он отдыхал от людей. Из-под этого пера, кстати, вышли такие книги, как: «История Евдокии Лопухиной», «Указ Петра Великого о монашенствующих», «Очерк торговли персидским шелком» и другие. По тем временам труды эти были достаточно серьезными, особенно если учесть, что писал их иностранец. Все произведения де Зона впоследствии неоднократно переводились и печатались.

Поздним вечером 1760 года умирающая императрица Елизавета дала шевалье прощальную аудиенцию в Петергофе. В подарок он получил дорогую табакерку с портретом Елизаветы в молодости — красавицы! Последний поцелуй — платонический! — он воспринял в Петербурге от молоденькой княгини Екатерины Дашковой.

— Молодость кончилась, — подвел итоги шевалье, запрыгнув в карету. — Дай Бог, чтобы старость была не скучнее.

Воистину, нам не дано предугадать…

Король Людовик отправил своего дипломата на войну — капитаном драгунского полка. Там миловидное личико спасло ему жизнь, когда утомленная лошадь не смогла унести его от пяти разъяренных пруссаков. «Женщина!» — воскликнул один из них, и пруссаки — рыцари! — поворотили коней назад. Но удар палашом, хотя и на излете, настиг де Зона. Раненый в руку, он с трудом добрался до своего лагеря. Впрочем, он быстро вылечился и прославился тем, что убил на дуэли — прямо на театре боевых действий — ничуть не меньше насмешников-соотечественников, чем вражеских солдат. Слава его шпаги, не знавшей поражений, гремела теперь по всей Франции.

Но с какой тоской вспоминал он спокойную петербургскую жизнь, свои ночные бдения над книгами и нежную дружбу с княгиней Катенькой Дашковой. Эти два умных человека, кстати, были схожи ещё в одном: совершенном равнодушии к любовным утехам. Дашкова больше интересовалась политикой и наукой. Тем лучше они с шевалье понимали друг друга!

Мечты де Зона, похоже, могли воплотиться в жизнь. Король отозвал его в Париж — готовиться занять место посла Франции в России. Более того, шевалье туда выехал, но… доехал только до Варшавы. Там его ждало известие о том, что в России новый император — Петр III, питавший к французам нескрываемую неприязнь, ибо преклонялся перед прусским королем Фридрихом.

В Париже он пробыл недолго. Несколько месяцев спустя, снабженный в одинаковом изобилии секретными инструкциями лично от короля и деньгами, де Эон отправился в Лондон —

склонять английский парламент к восстановлению нормальных отношений с Францией.

Жизнь шевалье в Лондоне разительно отличалась от той, какую он вел в России. Вместо чтения книг — бесчисленные попойки, вместо дуэли — роскошные приемы в королевском дворце. Переговоры с парламентом успешно продвигались, и, наконец, был заключен мирный договор. Франция теряла свою заморскую провинцию — Канаду, но приобретала главное — мир. За свои успехи шевалье был награжден орденом святого Людовика и пожизненной, весьма внушительной пенсией.

Но после этого в Лондон пришли два письма. Первое — королевский указ об отзыве де Зона из Англии. Второе — личное послание короля, в котором он приказывал шевалье… ни в коем случае не подчиняться его же собственному указу. Ситуация загадочна только на первый взгляд. На самом же деле все было очень просто: в ходе переговоров с парламентом де Эон получил столько сверхсекретных писем от своего короля, что теперь представлял для него немалую опасность. Вздумай шевалье раскрыть хотя бы малую толику королевских секретов, новая война с Англией была бы неизбежна.

И начались странные времена. За де Эоном по приказу короля охотились наемные убийцы, его дом не раз подвергался самым настоящим атакам. Сам же де Эон получал от короля деньги — для обеспечения личной безопасности и оплаты бесчисленных долгов. Несколько раз король предлагал де Зону огромные деньги за свои собственные письма к нему. Тщетно. Де Эон отлично понимал, что только эти письма и гарантируют ему жизнь.

Наконец в обмен на личный сертификат короля о пенсии и полной неприкосновенности де Эон отдал одному из очередных посланцев… единственное королевское письмо. Правда, то, в котором излагался план внезапного нападения Франции на Англию. И наступило затишье.

Десять лет — до своего сорокалетия — де Зона не тревожил Версаль. И вдруг на прилавках книжных магазинов Англии появились тринадцать томов мемуаров бывшего посла и драгунского капитана, мемуаров скандальных, обличительных, да к тому же написанных талантливым пером. Они произвели в обществе эффект разорвавшейся бомбы.

Но вот что странно: вспомнив о де Эоне, общество все чаще поговаривало, что на самом деле — это женщина, даже не женщина — классический гермафродит. В Лондоне начали держать пари на крупные суммы о подлинном поле де Эона. Масла в огонь подлил французский король, который публично заявил, что сам лично познал двадцать лет тому назад шевалье

как женщину, а все дальнейшее было чистейшей воды маскарадом с его, Людовика, ведома.

Вольтер откликнулся на скандал по своему обыкновению язвительно:

— А наши нравы заметно смягчились, мы близки к гуманизму… Смотрите, де Эон стал орлеанской девственницей, однако до сих пор я не слышал, чтобы его сожгли на костре!

Шевалье стал носить женскую одежду постоянно. Хотя совершенно непонятно, почему Версаль с маниакальной настойчивостью стремился видеть своего лучшего в прошлом дипломата непременно в женском обличье. Доводы рассудка в этой ситуации неприемлемы. Очевидно, сцепление интриг и обстоятельств было уже в то время настолько сложно и запутанно, что даже современники не могли определить подлинных мотивов «перерождения» шевалье.

Перерождение это, однако, имело забавные последствия. Руки прекрасной мадемуазель де Бомон попросил не кто иной, как Пьер Бомарше, прославленный автор «Севильского цирюльника» и «Женитьбы Фигаро», а также профессиональный шпион. Дивная парочка! Конечно, невесте было за сорок, но она была богата (пенсия короля!) и, по свидетельству современников, очень хороша собой. Ну уж во всяком случае миловидна, изящна и обольстительна. Если де Эон играл какую-то роль, он делал это виртуозно. А может, на сей раз и не играл? Но уж Бомарше-то точно был искренним!

Свадьба, правда, не могла состояться до тех пор, пока не были улажены официальные дела. Бомарше взялся выкупить у своей невесты «королевские секреты» и передать их в Версаль. Ему удалось сделать то, чего не смогли добиться ни дипломаты, ни наемные грабители.

Был заключен настоящий договор между государством и девицей де Бомон, Главным пунктом договора был тот, что де Бомон отныне официально считается особой женского пола и дает обещание не устраивать международных скандалов. За это смирение Франция обещала поддержать девицу де Бомон своими субсидиями и открывала перед ней свои границы. Возвращению из Англии больше ничто не препятствовало.

13 августа 1777 года де Бомон в дорожной коляске, запряженной четверкой лошадей, тронулась в путь. Но в коляске… сидел драгунский капитан со шпагой на боку, который и заявил жадным до сенсации журналистам: «Сожалея о тех скандалах, которые были вызваны глупцами и кретинами, я, шевалье де Эон, заверяю торжественно, что никогда не был женщиною, а следовательно, не способен стать ею и в будущем!»

Стоит ли говорить о том, что свадьба с Бомарше так и не состоялась? А строптивую девицу, не желавшую таковою считаться, запрятали в Сен-Сирский монастырь. Женский. Потом в другую обитель — тоже женскую. В конце концов во Франции не осталось ни единой обители непорочных христовых невест, которая хотя бы на неделю не приютила у себя девицу де Бомон — шевалье де Эона.

Наконец Версаль смягчился (или посчитал, что «строптивица» достаточно наказана) и разрешил де Эону вернуться в Париж. Там за «кавалером-амфибией», как прозвали его остроумные парижане, бегали толпы зевак. Пока «амфибии» все это не надоело, и она (оно?) обрушила на королевский двор целый шквал памфлетов, где не пощадила ни короля, ни королеву — никого.

Надо же было именно в это время начаться очередной войне! Франция вступила в борьбу Канады против Англии за независимость. Де Эон рванулся воевать, но военное министерство ответило отказом: женщины на войне не нужны. Тогда шевалье сорвал с себя женские тряпки и облачился в свой старый мундир. За что и был лишен королевской пенсии, а затем и вовсе угодил в тюрьму короля — Дижонский замок.

После Дижона вновь потянулись монастыри, пока де Эон не сбе-жал, наконец, в свой родной городок Тоннер. Там протекли самые спокойные пять лет его жизни. В бедности, в безвестности, но — в покое. К сожалению, именно для покоя этот загадочный человек был меньше всего создан.

В 1785 году о прибытии в Англию де Эона известили все газеты. Прибыл он (она?) в нищенском платье, без перчаток, без муфты, в поношенных туфлях. Однако неугомонный кавалер быстро нашел способ заработать себе на кусок хлеба. В показательных поединках на шпагах, регулярно устраивавшихся в лондонских клубах, появление шестидесятилетней женщины с оружием вызывало смех. Но очень скоро насмешки стихли: шпага в руках этой старухи не знала поражения.

Денег, однако, хронически не хватало. В 1792 году все имущество «кавалера-амфибии» пошло с молотка за долги — старые и новые. Это оказало роковое влияние на его судьбу: когда во Франции победила революция, гражданин де Эон предложил свои услуги опытного драгунского офицера и дипломата. Республика ответила: «Согласна!», и старик — увы, уже старик! — вновь сбросил проклятые чепцы и юбки и надел мундир. Но английская полиция запретила ему покидать Лондон, пока он не выплатит все долги.

Пришлось снова облачиться в женскую одежду и в таком виде

давать уроки фехтования. Старуху со шпагой в руке охотно приглашали во все изысканные клубы. Старика бы там никто не потерпел. И вот во время одного из уроков, в 1796 году, неловкий ученик разорвал своей шпагой сухожилие правой — боевой, кормящей! — руки де Зона. Несколько месяцев он провел в постели.

А потом двенадцать лет прожил нахлебником при доброй француженке-привратнице, которая приютила его в швейцарской. Он, то есть она, как считала его благодетельница, помогала готовить, шить, присматривать за подъездом. И была рада, если швейцар подносил стаканчик:

— Выпей, старушка!

Старушка выпивала, а потом кротко выслушивала попреки своей благодетельницы, что ночью-де опять будет плохо с сердцем… Один такой сердечный приступ в ночь на 21 марта 1810 года оказался последним: девица де Эон, талантливый дипломат и забытая писательница Франции, отошла в лучший мир. Срочно вызванные прокурор и понятые определили в присутствии хирурга, что покойница никогда не была женщиной. О чем и составили соответствующий официальный документ, где было, в частности, сказано: «И без всякой примеси иного пола».

Тем не менее сомнения остались по сей день, равно как и прямо противоположные, хотя и столь же компетентные и официальные свидетельства.

Так кем же был (или была) де Эон? Мужчиной? Женщиной? Классическим гермафродитом? Этого мы не узнаем никогда. Известно только, что «он» не был близок ни с одной женщиной, а «она» — ни с одним мужчиной. Что ему не было равных на поле боя и на дуэли, а ей-в бальном зале и за пяльцами. А им обоим — в тайной дипломатии того времени.

И ещё известно, что привезенное когда-то де Эоном в Париж «Завещание Петра Великого» до сих пор является главной козырной картой всех тех, кто затевал когда-либо агрессию против России. Если верить их объяснениям, они не нападали, они защищались от завещанной Петром страшной агрессии против Запада со стороны России.

Что же касается могилы де Эона, то её не существует. На том месте, где когда-то похоронили великого мистификатора, теперь проходит железная дорога. Ничего не осталось от того, кто 48 лет прожил мужчиной, а 34 года считался женщиной и который и в мундире, и в кружевах сумел прославить себя, одинаково доблестно владея и шпагой, и пером.

Проститутка, которая хотела стать президентом

Виктория Клафлин-вудхалл родилась 23 сентября 1838 года в убогом пограничном городке Гомер штата Огайо, в бедной, если не сказать нишей, семье. Виктория воспитывалась в полуразвалившейся грязной лачуге, а мать дебольше верила в духов и ангелов, чем в познания врачей. В результате трое из десяти детей Клафлинов умерли в младенчестве, а сама Виктория общалась с ангелами и душами умерших совершенно непринужденно.

В пятнадцать лет Виктория вышла замуж за доктора Каннигена Вудхалла, и за одиннадцать лет фактического брака довела своего мужа до хронического алкоголизма. Брак не спасло и рождение двоих детей, потому что Виктория считала себя созданной для гораздо более возвышенных дел, чем воспитание детей и домашнее хозяйство.

Первым «возвышенным» делом оказались спиритические сеансы, которые Виктория давала вместе со своей младшей сестрой Теннеси и брала с каждого присутствующего на этих сеансах по доллару. Сестры были миловидны, коммуникабельны и очень скоро к занятиям спиритизмом прибавили более доходную профессию — проституцию. Такое совместительство могло бы невероятно обогатить сестер, но Теннеси попалась на шантаже и угодила под суд. А Виктория с мужем и детьми отправилась в турне по Америке, где число последователей спиритов достигало уже четырех миллионов человек.

Виктория открыто заявляла о том, что супружество — это рабство для женщин, что в мире нет такой вещи, как грех, и что свободная любовь — это высшее счастье для людей. Немудрено, что подобные идеи привлекали на спиритические сеансы многих мужчин, наслышанных о том, что Виктория не прочь воплотить свои теории в жизнь. Один из них, полковник Джеймс Блад, оказался моментально обрученным с ней «силой духа», стал её любовником и навсегда посвятил свою жизнь прорицательнице-проститутке. Законный муж своим присутствием накидывал на эту скандальную связь некий флер респектабельности, но пуританская Америка очень строго осудила и любовников, и мужа-сообщника. Практически из каждого города Викторию выдворяли с помощью полиции за «открыто аморальный образ жизни».

Вершиной карьеры миссис Вудхалл стала её встреча с

богатейшим человеком США того времени — Корнелием Вандербильтом. 74-летний магнат, человек достаточно болезненный, готов был выслушать практически любого шарлатана, обещавшего ему здоровье и долголетие. Не был он равнодушен и к женским прелестям, так что Виктория Вудхалл очень скоро превратила его в своего задушевного друга и патрона. Тем более что Вандербильт откровенно не признавал законов и в своей жизни руководствовался только одним принципом: выгодой.

Родственные души обрели друг друга. И Виктория с потрясающей скрупулезностью и наглостью стала воплощать в жизнь план своего «мужа-любовника», полковника Блада: открыть брокерскую контору и использовать в качестве спонсора престарелого магната. Идея организации брокерской фирмы, возглавляемой женщиной, была по тем временам, мягко говоря, абсурдной: женщины в Америке никаким бизнесом тогда вообще не занимались. Но Вандербильт готов был лишний раз плюнуть в лицо общественному мнению. Он дал Виктории семь с половиной тысяч долларов для открытия банковского счета, деньги на аренду помещения под офис, а также совершенно бесценное право использовать его могущественное имя. Он также поставлял ей секретную информацию о деятельности фондовой биржи.

В таких условиях бизнес Виктории, естественно, процветал. К нему присоединилась и сестра Теннеси. Две модно одетые красавицы с живыми розами в прическах встречали посетителей, которых привлекало не столько дело, сколько неудержимое любопытство. Пресса в основном не скупилась на похвалы, и в заголовках сестры именовались «леди-брокеры», «королевы финансов», «обольстительные брокеры». Согласно публичному отчету, за три года брокерская контора Виктории Вудхалл заработала 700 тысяч долларов.

Эта колоссальная по тем временам сумма повергла в шок всю деловую Америку. Законные финансовые операции не могли бы принести такой доход, а сгоряча брошенные в адрес сестер обвинения в проституции тоже не давали внятного объяснения их экономическому триумфу. Самая шикарная и дорогая дама полусвета могла заработать своим телом не больше 100 тысяч долларов в год и уж, конечно, не публиковала никаких отчетов о своих доходах.

Много позже выяснилось, что за всем этим, разумеется, стояли советы Вандербильта, который помог своей подопечной получить колоссальный доход от спекуляций акциями железнодорожных компаний и золотом. Родственники престарелого миллиардера, наконец, забеспокоились о своем

наследстве и позаботились о том, чтобы он никогда больше не встречался ни с Викторией, ни с её сестрой Теннеси. Виктория осталась к этому равнодушной: состояние она себе сколотила, теперь её целью была власть.

2 апреля 1870 года в газете «Нью-Йорк геральд» появилось заявление, которое сначала повергло в изумление весь город, а затем сделало из Виктории фигуру национального масштаба. «В то время, как другие спорят о том, существует ли равенство между мужчинами и женщинами, я доказала, что оно существует, тем, что преуспела в бизнесе… Поэтому я заявляю о своем праве говорить от лица женщин, которые в этой стране лишены избирательных прав. Полагая, что все ещё существующий в сознании народа предрассудок о невозможности участия женщин в общественной жизни вскоре исчезнет, я объявляю себя кандидатом в президенты».

До появления Виктории Клафлин-Вудхалл в Америке не было кандидата в президенты с таким нестабильным и хаотическим прошлым, да к тому же ещё обильно сдобренным всевозможными сексуальными скандалами. Впрочем, появись такое заявление в американских газетах сейчас, страна, наверное, испытала бы не меньшее потрясение. А уж сто двадцать пять лет тому назад…

Вероятно, никто, даже сама Виктория, не смог бы правильно определить истинные цели, ради которых она добивалась высшей должности в стране. Во времена, когда, женщины в Америке не имели даже права голоса (за исключением одного-единственного штата Вайоминг), канидатура Виктории рассматривалась как истая химера. Безусловно, ею двигали потребность во внимании и саморекламе, а также стремление поддержать феминисток, вступавших с требованием равных прав и единых моральных стандартов с мужчинами. Возможно, ко всему этому примешивалась и неосознанная жажда отомстить мужчинам, которые слишком часто использовали Викторию как неодушевленный предмет, орудие наслаждения. Но в любом случае скандал разразился грандиозный, и общественное сознание Америки было им взбудоражено на добрых десять лет.

Женщина, безусловно, неглупая, Виктория очень быстро поняла, что зависеть от продажной и непостоянной прессы опасно. Деньги у неё были, и же в сентябре 1870 года вышла в свет собственная газета Виктории — «Вудхалл энд Клафлин Уикли». Несмотря на неудобоваримое название, газета пользоваась огромной популярностью в течение пючти двух лет. В ней появлялись одна за другой сенсационные для того времени статьи: в поддержку свободной любви, за отмену смертной казни, за короткие юбки, вегетарианство, налоги за сверхдоходы,

спиритизм, мировое правительство, улучшение качества муниципального жилья, контроль за рождаемостью, а также за упрощение процедуры развода.

Появлялись и статьи о необходимости легализации проституции — вещь для Америки совершенно неслыханная. Но Виктория пошла ещё дальше: она начала воплощать свои идеи на практике, шокируя обывателей до чрезвычайности. Самой невинной её выходкой была следующая, В то время женщинам в вечернее время было запрещено ходить в рестораны без сопровождения мужчины. Виктория выбрала одно из дорогих нью-йоркских заведении, явилась туда после семи вечера и потребовала, чтобы её обслужили. Хозяин отказался. Тогда эксцентричная леди потребовала, чгобы с улицы привели первого попавшегося кучера, посадили за её стол и обслужили обоих. Скандал был подхвачен всеми газетами, смаковавшими подробности борьбы за равноправие кандидата в президенты.

Разумеется, Виктория понимала, что на одних скандалах далеко не уедешь. И она занялась поисками надежных союзников в конгрессе США. Ее выбор пал на генерала Батлера Франклина, который после гражданской войны был военным губернатором Нового Орлеана. Выбор Виктории мог показаться странным: генерала за жесткое отношение к женщинам Юга окрестили там «Синей Бородой». Ему принадлежал указ, согласно которому каждая южанка, оскорбившая солдата-северянина, «будет рассматриваться как уличная женщина, занимающаяся своим ремеслом». Южанки, едва завидев Батлера, поворачивались к нему спиной, что после выхода указа вызвало у него замечание: «Эти дамы знают, с какой стороны они лучше выглядят».

Тем не менее Виктория рассчитала правильно. Попав в конгресс, Батлер начал… ратовать за равные с мужчинами права для женщин. Он быстро согласился, помогать ещё одной стороннице равноправия и составил для неё меморандум, который Виктории предстояло зачитать на заседании юридической комиссии палаты представителей.

Время для оглашения меморандума было выбрано не случайно. 11 января 1871 года в Вашингтоне должен был открыться третий ежегодный съезд Национальной женской суфражистской (феминистской) организации. Виктория надеялась, что её меморандум, широко освещенный прессой, позволит добиться того, чего пока не добилась ни одна суфражистка: внинимания мужчин, находящихся у власти.

Расчет оказался точным: меморандум Виктории выслушали не только конгрессмены, но и женщины — лидеры суфражистского движения. Конгрессмены проголосовали против

предложения автора меморандума о предоставлении женщинам избирательных прав. Суфражистки приняли Викторию как героиню и стали активно пропагандировать её идеи.

Правда, так было только в Вашингтоне и Нью-Йорке. Американская провинция не желала принимать миссис Вудхадл из-за её шокирующего прошлого. От провинциальных суфражисток шел поток протестующих писем: бывшая проститутка внушала им отвращение. За Викторию вступились лидеры суфражистского движения: «Что касается слухов о миссис Вудхалл, — писала самая влиятельная из них, — то для всех моих друзей-мужчин у меня есть только один ответ: „Когда мужчины, создающие в Вашингтоне законы для всех нас, смогут встать и объявить себя незапятнанными ни одним из грехов, упомянутых в десяти заповедях, тогда и мы потребуем, чтобы каждая женщина, выдвигающая на основе нашей платформы конституционное предложение, была чиста, как Диана…“».

Защита темпераментная, но совершенно бесполезная. Виктория могла бы привлечь на свою сторону мужчин — средств для этого она знала предостаточно. Но добропорядочные американские матроны, как консервативные дамы, так и ярые феминистки, очарованию не поддавались и с яростью клеймили неподобающий для леди образ жизни и отсутствие моральных устоев у кандидата в президенты. Когда спустя полгода после чтения меморандума в Нью-Йорке отмечалась очередная годовщина зарождения суфражистского движения, многие приглашенные отказались участвовать в празднике, узнав, что Виктория Вудхалл приглашена в числе главных ораторов.

Тем не менее Виктория произнесла пламенную речь в защиту прав женщин, которая заканчивалась заявлением для того времени сенсационным: «Если обновленный в результате следующих выборов конгресс откажется предоставить женщине все законные права гражданина, мы примем меры для созыва нового съезда с целью выработки новой конституции и избрания нового правительства».

Эффект был потрясающим, но недолгим. Пять дней спустя родная мать Виктории обратилась в полицию с заявлением о том, что в доме её дочери собралась настоящая банда маньяков и насильников, устраивающих грязные оргии и представляющих опасность для жизни добропорядочных граждан. Почтенная дама, жившая у дочери на полном содержании, мечтала избавиться от обоих своих зятьев — законного и незаконного. Миссис Клафлин была явно не в своем уме: путалась в показаниях, несла откровенную чушь, оскорбляла свидетелей и суд. Наконец, дело было прекращено и им всецело занялась пресса.

Газетчики были заворожены тем, что женщина, кандидат в президенты, держит при себе двух мужчин и делит с ними постель по собственному выбору: «Она имеет некоторым образом двух мужей, живет с ними в одном доме, спит с одним, но носит имя другого (возможно, для того, чтобы показать свою беспристрастность). В этом случае кандидат в президенты и принципы, которые этот кандидат защищает, настолько удачно сочетаются друг с другом, что даже при самом либеральном и прогрессивном режиме не будет никаких основании для возбуждения дела о разводе».

Виктория яростно защищалась. На одном из выступлении она произнесла зажигательную речь о том, что существующие законы о браке «деспотичны и являются остатками той варварской эпохи, в которую были созданы». Она предсказала, что свободная любовь станет религией следующего поколения. В ответ на прямой вопрос из зала, практикует ли она сама свободную любовь, Виктория оторвалась от текста выступления и отчеканила: «Да, я практикую свободную любовь! У меня есть неотъемлемое, закрепленное конституцией и естественное право любить так долго или так коротко, как смогу, менять эту любовь каждый день, если мне нравится! И с этим правом ни вы и никакой состряпанный закон не смеет ничего сделать!» Половина аудитории разразилась восторженными криками, другая — освистала ораторшу.

Наконец миссис Вудхалл сделала решающий шаг: призвала руководительниц суфражистского движения Америки создать на его основе новую политическую партию. Но она добилась лишь того, что суфражистское движение раскололось и меньшая его часть признала Викторию своим лидером. Остальные, к сожалению, наиболее влиятельные решительно отказались участвовать в политических авантюрах. Это навсегда поставило точку в сотрудничестве Виктории и суфражисток. Более того, они стали её самыми непримиримыми врагами.

Тем не менее 11 мая 1872 года съезд сторонников Виктории выдвинул её кандидатуру на пост президента США. В вице-президенты был предложен негр, бывший беглый раб Фредерик Дуглас. «Угнетенный пол у нас уже представлен миссис Вудхалл, — заявил один из ораторов. — И тогда нам нужен Дуглас, как представитель угнетенной расы». Присутствующие (среди которых было немало мужчин) единогласно проголосовали за это оригинальное предложение. Новая партия получила название Партии равноправия.

Однако вскоре стало ясно: добившись формального выдвижения своей кандидатуры на пост президента, Виктория

ослабила свои позиции. До этого она рассматривалась как человек прогрессивных взглядов, несколько дерзкий и эксцентричный. После выдвижения её стали считать потенциально опасным радикалом, газеты осыпали её едкими насмешками, се собственный еженедельник подвергся бойкоту рекламодателей и перестал выходить, арендная плата за брокерскую контору была намеренно поднята до несусветной величины. В довершение ко всему Виктории предложили съехать с квартиры, которую она снимала: хозяин недвусмысленно намекнул, что на него оказывают давление. Хуже всего оказалось то, что Викторию и её семью не соглашались принять ни в одном отеле или пансионе.

Политики — соперники Виктории — были ещё менее сдержанны, чем пресса. Губернатор одного из штатов заявил, что не позволит миссис Вудхалл проводить у него предвыборную агитацию: «С тем же успехом можно выпустить на сцену девочек из стриптиза». А когда Виктория попыталась взять реванш у противников на страницах собственной газеты, последовало обвинение в «распространении материалов непристойного содержания», и миссис Вудхалл была арестована. Выпущенная под огромный залог, она вскоре была арестована во второй раз, затем в третий. После шести месяцев такого периодического лишения свободы миссис Вудхалл предстала перед судом присяжных, которые сочли её невиновной. Тем не менее в глазах общества она оказалась скомпрометированной.

Хуже всего было то, что, пока Виктория находилась за решеткой, состоялись президентские выборы, на которых практически никто не вспомнил о её кандидатуре. Президентом на второй срок был избран генерал Уллис Грант. А Виктория была избрана президентом… Американской ассоциации спиритов и пять лет разъезжала по стране с лекциями, популярность которых падала с каждым днем. Отчасти в этом был виноват образ жизни миссис Вудхалл, попрежнему шокировавшей обывателей своими, теперь уже многочисленными и беспорядочными любовными связями, о которых она со вкусом распространилась устно и письменно. Законный супруг её к тому времени уже умер, а с полковником Бладом Виктория порвала все отношения из-за того, что он… изменил ей.

Проповедница свободной любви оказалась ревнивой собственницей. Она выгнала Блада из своего дома и, несмотря на то, что официально они никогда не были женаты, устроила разбор по всей форме, обвинив его в посещении проститутки. Это событие также не могло произвести благоприятное впечатление на общественное мнение Америки.

Не помогло и то, что Виктория в своих выступлениях постепенно отходила от идей радикализма и реформ. На 38-м году своей жизни она отказалась от сомнительных идей и обратилась к Христу. Это, правда, нс вернуло ей ни былой популярности (в стране и без неё хватало проповедников), ни былого состояния. От нужды и забвения се спасла смерть Корнелия Вандербильта, который из 100-миллионного состояния 95 миллионов завещал старшему сыну, а 5 миллионов — остальным девятерым детям. Обделенные наследники обратились в суд, утверждая, что усопший был не в своем уме, когда писал завещание. Виктория намекнула старшему наследнику, что её показания о состоянии здоровья бывшего покровителя всецело зависят от суммы вознаграждения. За 500 тысяч долларов миссис Вудхалл соглашалась вообще исчезнуть из Америки.

Судя по всему, она эти деньги получила, потому что в конце 1877 года Виктория вместе с сестрой Теннеси отплыла в Англию, накупив новые наряды, обзаведясь новыми слугами и заняв на корабле шесть кают первого класса. Больше они никогда в Америку не возвращались, во всяком случае никаких сведений об этом не имеется.

В Англии Виктория снова начала читать лекции — на сей раз на сугубо научные и менее скандальные темы: о материнстве, наследственности и т. д. и т. п. На одной из таких лекций она познакомилась с Джоном Мартином — богатым и знатным сыном богатых и знатных родителей. В свои 36 лет Мартин уже был преуспевающим банкиром, обладал фигурой атлета и спокойным, мягким характером. Виктория стала его первой настоящей любовью. Ей к тому времени уже исполнилось 39 лет.

Родители Мартина, почтенные английские аристократы, оказались шокированы выбором сына. Чтобы узнать о прошлом Виктории, было достаточно заглянуть в ежедневные газеты. Пресса явно давала понять, что прошлое миссис Вудхалл весьма сомнительно. И Виктория принялась тщательно и беспощадно уничтожать все сомнительное, что было в её биографии. Свои статьи она приписывала другим, утверждала, что редактором еженедельной газеты была лишь номинально, и вообще её жизнь от самого рождения была образцом морали.

Потребовалось шесть лет, чтобы добиться согласия старших Мартинов на этот брак. Но и после венчания Виктория восемнадцать лет мирной семейной жизни не прекращала борьбу за реабилитацию своего доброго имени в глазах общества. Убежденная сторонница женского равенства превратилась в столь же рьяную приверженницу традиционных общественных устоев. Она выпустила несколько вариантов своей улучшенной и

дополненной биографии, но в конце концов поняла, что сама подогревает интерес к своей личности, и если прекратит попытки обелить себя, то о ней просто забудут.

Так и произошло. О Виктории не вспомнили и тогда, когда она овдовела и получила внушиительное наследство — около миллиона долларов. Остаток жизни миссис Вудхалл, теперь уже леди Мартин, посвятила общественной деятельности, на которую потратила почти половину своего состояния. Во время первой мировой войны леди Мартин активно работала в Красном Кресте и на практике доказывала ещё одну свою идею о том, что очаровательная женщина не имеет возраста.

Утром 9 июня 1927 года, когда англичанки просыпались, а американки укладывались спать, и все они в полной мере обладали равными правами с мужчинами, за что Виктория Клафлин-Вудхалл-Мартин так долго боролась, к ней, дремавшей в кресле-качалке, пришла смерть. До 90-летнего возраста она не дожила всего трех месяцев. Все её немалое состояние досталось дочери от первого брака Зулу Мод, которая, в свою очередь, завещала его Королевскому институту Великобритании для проведения исследовательских работ по евгенике — теории о наследственных качествах человека и путях их улучшения для будущих поколений.

Памятником Виктории, таким образом, стала не только эмансипация женщин, но и продолжение работ в области науки. Посвященный ей некролог, напечатанный в «Нью-Йорк тайме» 11 июня 1927 года, был более чем доброжелателен и лишь намекал на её бурное прошлое. Основной упор делался на её сорокапятилетнюю благотворительную деятельность в качестве леди Мартин. Лишь мельком упоминалось о том, что пятьдесят пять лет тому назад её кандидатура выдвигалась на выборы в президенты Соединенных Штатов.

Тем нс менее горстка людей, знавших её подлинную историю, склонна была считать, что се эпитафия была написана немного раньше, одним из её политических противников, который восхищался Викторией, помимо своей воли. Он изрек приговор истории в следующей форме: «Ее надо было бы повесить и у подножия виселицы воздвигнуть монумент в её память».

Что же в конечном итоге символизировала Виктория Вудхалл-Мартин? Скорее всего, стремление большинства женщин вырваться за пределы домашнего очага и доказать мужчинам, что они не куклы и не содержанки. Виктория сознательно эпатировала общество, и выдвижение её кандидатуры на пост президента было, наверное, ещё одним способом эпатажа. И, главное, она явно родилась раньше своего времени.

Как минимум на столетие.

Одинокий Гоголь

Он родился в марте, и если тогда было модно определять судьбу человека по знакам зодиака, многое в его характере было бы ясно: Рыба. А значит, натура меланхоличная и холодная, склонная к комфорту и избегающая потрясений, ускользающая, меняющаяся, загадочная, непредсказуемая, но безумно талантливая.

Когда первый крик младенца огласил стены низенькой малороссийской хатки с глиняным полом и соломенной крышей, и мать, и отца волновало только одно: будет ли ребенок жить? Ибо два первых сына умерли, едва родившись. Мать, Мария Ивановна, забеременев в третий раз, ездила в соседнюю Диканьку молиться иконе Николая Чудотворца, которая даровала жизнь обреченным. В честь святого и нарекли мальчика, когда стало ясно — выживет.

Кстати, таинственность, вещие сны, роковые приметы и прочее, чем так увлекался Николай Васильевич Гоголь и чего так много в его пооизвелениях. начались с его родителей. Когда его будущей матери от роду был всего лишь… один год, его будущий отец, Василий Афаеасьевич, объявил в четырнадцать лет, что знает свою будущую жену. Во сне, который приснился ему, явилась Богородица в церкви, а у алтаря лежал младенец, завернутый в белые одежды. Богородица указала на неё и произнесла: «Вот твоя суженая».

Сон этот приснился мальчику, когда он вместе с родителями ездил на богомолье. На обратном пути заночевали на хуторе у соседей Гоголей — Косяровских. Их любимая доченька Машенька и оказалась тем самым младенцем, которого Васюта видел во сне. Как ни дивились родные, как ни отговаривали — мальчик был тверд в своем убеждении: «Это она!». Тринадцать лет он исправно навещал соседей, играл с Машенькой в куклы, читал ей книги, сочинял стихи и слышать не желал ни о каких других невестах. А едва Маше исполнилось четырнадцать лет, официально предложил руку и сердце. После помолвки хотели год подождать — слишком уж юной была невеста даже по тем временам. Но…

Но не прошло и месяца после помолвки, как Василий Афанасьевич опять увидел сон. Толко на месте младенца у алтаря стояла уже взрослая Маша в подвенечном платье. «То указание свыше! — возбужденно доказывал Василий Афанасьевич будущим тестю и теще. — Того хочет Бог!» Решили действительно Бога не гневить и свадьбу сыграть немедленно. Новобрачный не дождался

даже окончания скромного свадебного пира — умчал свое сокровище на тройке к себе, на хутор Купчинский…

Через три с половиной года родился у них Николай Гоголь.

Гороскоп гороскопом, но и без расположения небесных светил наследственность у мальчика была своеобразной. До нашего времени дошло несколько записок отца писателя — Василия Гоголя, писанных им своей четырнадцатилетней невесте:

> «Ах! Когда бы вы знали, какая горесть снедает меня! Я не могу уже скрыть своей печали. Пожалейте, простите! Удостойте меня одной строчки, и я благополучен», «Я должен прикрывать видом веселости сильную печаль, происходящую от страшных воображений… Слабость моего здоровья наводит страшное воображение, и лютое отчаяние терзает мое сердце».

С чего отчаяние? От чего несчастье? В нескольких верстах от него мирно подрастала любимая им девочка, не ведавшая соблазнов и искушений. Малороссийская природа должна была утишать печали, а не раздувать их — не море ведь и не скалистые горы! АН нет! Мечтательность, мнительность, меланхолия, нежелание ждать — все это важнейшие черты характера Василия Гоголя. И все их унаследовал его сын. Унаследовал и довел практически до абсолюта.

Но он унаследовал не только это. Свидетельствует мать Гоголя Мария Ивановна: «Муж мой писал много стихов и комедий в стихах на русском и малороссийском языках, но сын мой все выпросил у меня, надеясь напечатать. Он тогда был очень молод, и, верно, все сожжено… и у меня не осталось ничего на бумаге, только немногое в памяти…»

Довольно жестокое обращение с духовным наследством отца. Но, как и все крайне сентиментальные люди, Николай Васильевич бывал столь же крайне жесток, причем с раннего детства. Как-то родители оставили его дома, а все прочие домочадцы улеглись спать. Никоша — так называли Гоголя в детстве — сидел на диване в темной гостиной и вдруг… вдруг раздалось слабое мяуканье кошки. В абсолютной тишине этот звук напугал Никошу до полусмерти. Кошка жестоко поплатилась: в ту же ночь Никоша отнес её по ночному парку (не побоялся ни темноты, ни русалок, ни леших, о которых ему часто рассказывали!) к пруду и, когда из-за туч выглянула луна, бросил кошку в воду, в лунный свет. Она сразу не тонула, она пыталась выплыть, мяукала, но он схватил палку и отталкивал, отталкивал несчастное животное от берега, пока вода не сомкнулась над жертвой.

И тогда… ему стало ещё страшнее. «Мне казалось, что я утопил человека», — вспоминал много позже Гоголь. Ему стало жаль кошку, жаль себя, он забился в рыданиях, в истерике — таковым его и нашли вернувшиеся домой родители. Узнав, в чем дело, Василий Афанасьевич выпорол сына, и истерика прекратилась. Пусть специалисты-психологи объяснят, что все это может значить, я же не берусь.

Однако, кроме отца, у Никоши была мать. И от неё он унаследовал немало интересных черт характера. «Душа моя, — сказала как-то Мария Ивановна, — видела через оболочку тела следовавшие одно за другим несчастья. постигавшие меня». Она более чувствовала, чем рассуждала, она была фантазерка и в мечтах видела сына то первым человеком в Петербурге, то личным другом государя-императора… В общем, «с Пушкиным на дружеской ноге». Впоследствии Николаю Васильевичу даже не пришлось особенно выдумывать блистательные фантазии Хлестакова.

Как и многие гениальные люди, Гоголь в детстве отнюдь не был любимцем учителей. «Туп, слаб, резов», — вот характеристика, данная ему в Полтавском училище. Так что первый год там прошел неважно. Потом вроде бы стало полегче, и тут случилась трагедия: скоропостижно скончался младший брат Николая Иван, слабый здоровьем. Потрясение было для Никоши настолько сильным, что его пришлось забрать из училища. Год спустя его отправили в город Нежин, в лицей князя Безбородко.

Успехами в учебе он и здесь не прославился, зато стал известен как актер в лицейском театре. У него был особый талант исполнять роли комических стариков. Забывалась его некрасивость, небольшой рост, застенчивость — зал умирал от хохота, наблюдая за гоголевскими персонажами на сцене. Но год, ознаменованный сценическими успехами, траги чески завершился внезапной (опять внезапной!) смертью отца — Василия Афанасьевича. Он скончался через несколько дней после рождения самой младшей дочери, и Мария Ивановна в тридцать четыре года осталась вдовой с четырьмя детьми на руках.

Это событие резко переломило жизнь Гоголя, сделав его старшим в семье. Оно же продолжило цепь тех несчастий, роковых совпадений и сбывшихся предчувствий, которые впоследствии свели его в могилу. Свели слишком рано — даже по тому времени, когда 60 лет считались уже глубокой старостью. Впрочем, нельзя забывать и о наследственности. Отец Гоголя умер в 46 лет, он сам — всего лишь 41 года от роду.

Но до этого было ещё далеко. Лишь легкий намек на грядущие трагические события можно разглядеть в том, что

Гоголь безжалостно уничтожал все свои сочинения, если они казались ему неудачными. С самых первых литературных опытов уже прослеживается эта черта: сжечь, ибо чувствуется возможность начать все заново. Он будет поступать так даже тогда, когда поймет: сил уже нет, заново уже ничего не начнешь. И все-таки будет сжигать — вместе с частичкой самого себя.

Какой-то рок довлеет над Гоголем: едва в в 1825 года он нашел себя в сатирических и просто юмористических сочинениях и был признан в этом качестве кругом своих друзей и близких, едва успел он похвастаться своей «дражайшей маменьке», что скоро «приятно удивит её известностью в новом качестве. весна приближается. Время самое веселое и можно весело провести его», как умирает император Александр I и страну потрясает восстание декабристов. Гоголя эти события не задели впрямую — он никогда не был особенно близок с членами Южного общества, большинство из которых служили офицерами именно в Малороссии. Но эти события не могли не оставить глубочайшего отпечатка на его характере, а следовательно, и творчестве.

НЕТ смысла пересказывать путь Гоголя в литературе — об этом писано-переписано, этому посвящены увесистые монографии и тонкие брошюрки, солидные статьи и сенсационные «откровения» — последних сейчас все больше и больше. Важно другое: никому не известный юноша, приехавший в Санкт-Петербург из глухой малороссийской провинции, стал впоследствии одним из кумиров северной столицы, потом мишенью для самых утонченных нападок, потом гордостью и желанным гостем второй столицы — Москвы. И умер в жестокой тоске неудовлетворенных, несбывшихся желаний, ещё более одинокий, чем тогда, когда приехал «удивить Петербург». или… «Ибо в великой мудрости много печали, и тот, кто умножает мудрость свою, умножает печаль в сердце своем».

Три года Гоголь провел чиновником в Департаменте уделов. Тупая, рутинная работа дала ему только один полезный навык: прекрасный, разборчивый почерк. Но петербургские впечатления — не в салонах и не на светских раутах, а снаружи, с улицы через ярко освещенные окна, в толпе на Невском, в набитых мастеровыми и мелкими чиновниками доходных домах — эти впечатления позволят впоследствии создать бессмертные произведения. Память его была воистину дьявольской — ни единая деталь, ни одна, самая незначительная на первый взгляд мелочь не ускользали от его внимания и надежно складвались где-то в потайных уголках — на потом. Впоследствии все шло впрок. Не случайно почти каждый персонаж, созданный Гоголем, стал нарицательным — случай в

российской литературе беспрецедентный.

Чиновника из Гоголя не получилось. Он нашел себе новое, довольно своеобразное занятия: нанялся домашним воспитателем к князю Васильчикову. Точнее было бы сказать — смотрителем, ибо князинька был полоумным. Для нервической, легко возбудимой и легко впадающей в меланхолию натуры Гоголя занятие откровенно вредное. Но в молодости все дается легко: когда его подопечный засыпал, Гоголь уходил в свою комнату и писал… «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Гоголь — поэт ночи, ночные пейзажи особенно хорошо ему удавались, да и работать он любил в основном по ночам. Это потом, позже он сможет работать только в короткие утренние часы. Но и произведения тогда уже будут другие. А пока отзывы в прессе были почти единодушны: «Истинно веселая книга!»

Еще одна особенность характера Гоголя начинает четко прорисовываться в этот период: двойственное отношение к любви и особенно к браку. Там, где кончается Малороссия, парубки и дивчины, панночки и гетманы, там, по его мнению, начинаются бессмыслица и скука в отношениях между мужчиной и женщиной. Зачем жена? Почему жена? При одной мысли об этом его охватывала тоска…

И хотя существует немало писем Гоголя, где он повествует о своих романтических увлечениях, нет никаких прямых указаний или хотя бы намека на конкретную, живую девушку или женщину. Только небесная греза, идеальное создание, возвышенная страсть и… возлюбленное одиночество, ибо «это пламя превратило бы меня в прах в одно мгновение». Если верить Вересаеву, то Гоголь избрал другой путь самоуничтожения: всю жизнь довольствовался собственным обществом и удовлетворял сам себя как в прямом, так и в переносном смысле этого слова. Неизвестно, послужило ли это одной из непосредственных причин столь ранней смерти, но то, что подобное занятие расшатывало и без того слабые нервы, — бесспорно.

Гоголь сделал окончательный выбор между любовью и творчеством, когда ему исполнилось двадцать три года. И никакие соблазны впоследствии не могли заставить его изменить это раз принятое решение.

Хотя собственно женское общество он любил, но… в качестве аудитории. Потому с энтузиазмом принял предложение одного из своих знакомых стать преподавателем истории в женском Патриотическом институте, где обучались дочери военных. Это была его стихия: не столько читать лекции, сколько рассказывать юным барышням занимательные и поучительные истории. А как рассказчик Гоголь был неистощим и необыкновенно занимателен.

Настолько, что дело обернулось курьезом: его, закончившего лишь гимназию, пригласили читать лекции на кафедре всеобщей истории Санкт-Петербургского университета. Но там его хватило лишь на три — правда, блистательные! — лекции. Затем запас информации иссяк, а актерское мастерство, с которым он их читал, отразилось на состоянии здоровья. Зато в Петербурге о Гоголе заговорили…

С пером ли в руках или перед благодарной аудиторией — Гоголь творил и лишь тогда был счастлив. Все остальное время его «ела тоска». О чем? Этого он и сам не знал.

А потом появились «Записки сумасшедшего» — повесть, принесшая новую, ещё большую известность Гоголю и в чем-то ставшая предсказанием его собственной трагической судьбы. Только его, в отличие от Поприщина — героя повести, в сумасшедший дом не запирали: не был он сумасшедшим. Но обращались как с душевнобольным и лечили соответственно. «Матушка моя! Царица небесная! За что они мучают меня за любовь?» — стояло в черновом тексте повести. Гоголь снял эти слова, они прозвучали из его уст много лет спустя в предсмертный час.

В 1835 году Гоголь вернулся на родную Полтавщину в зените своей славы. Маменька Мария Ивановна откровенно считала своего Никошу гением. Но главным для Гоголя было то, что его, наконец, оценила и приняла Россия — Пушкин, Аксаков, Щепкин — все сливки интеллектуального общества столицы. А в 1836 году появился «Ревизор» — благосклонно принятый на премьере высшим светом и самим государем-императором. Триумф… заставивший Гоголя невыносимо страдать от непонятости. Вместо предполагаемого автором очищения душ и высокого катарсиса зрители увидели в пьесе лишь очередной водевиль и ничегошеньки не поняли. Или не захотели понять. Так или иначе, но несколько недель Гоголь был почти физически болен от перенесенного разочарования.

Первый шрам на творческой судьбе писателя. Увы, далеко не последний…

А тут ещё маменька прислала письмо, в котором уверяла, что сочинения Барона Брамбеуса (под этим псевдонимом писал бульварные романы Осип Иванович Сенковский, злейший литературный враг Гоголя) ей безумно правятся, и наверняка это писал он, Никоша, хотя зачем-то скрывает свое авторство. Гоголь был в ужасе: теперь вся Полтавщина могла считать его сочинителем бездарных, с его точки зрения, произведений, ибо маменька щедро делилась своими догадками с соседями и знакомыми.

Выход был только один — бежать! Бежать из Москвы, из Петербурга, из России туда, где никто его не знал и не читал. В 1836 году началась эра странствований: впереди его ждала дорога, дорога, дорога… Сейчас сказали бы: Гоголь заболел тяжелейшей депрессией — и прописали бы соответствующие лекарства. Но тогда и слова-то такого не знали «депрессия». Может быть, как ни кощунственно это звучит, оно и к лучшему: гениальность и лекарства плохо уживаются друг с другом, а любой гений почти однозначно — сумасшедший. И разорвать этот заколдованный круг ещё никому не удалось.

В Париже Гоголя настигло роковое известие: не стало Пушкина. «Моя жизнь, мое высшее наслаждение умерли вместе с ним. Мои светлые минуты моей жизни были минуты, в которые я творил. Когда я творил, я видел перед собою только Пушкина…» Он был всем для одинокого Гоголя, не знавшего ни света, ни женщин, ни иных житейских наслаждений. Со смертью Пушкина он оставался один, хотя при жизни поэта не ощущал столь тесной связи с ним. «Что имеем — не храним».

А потом были «Мертвые души».«…Преддверие немного бледное той великой поэмы, которая строится во мне и разрешит, наконец. загадку моего существования», — написал Гоголь одному из своих немногочисленных друзей в 1842 году. Не построилась. Не разрешила. И даже вторая часть «преддверия поэмы» была уничтожена рукой самого автора. В припадке безумия? Или, наоборот, в величайшем озарении? Кто знает…

А загадку существования требовалось разрешить как можно быстрее. За два года до написания этого письма, в Вене, Гоголь почувствовал приступ мучительного страха, при носившего почти физические страдания. Поднимался жар, болела голова, ломило все тело. Сам воздух чужбины казался ему неприятным, зловредным. А по ночам являлась тень отца, и вспоминалось, по рассказам матери, как он тоже предчувствовал свою смерть, как знал минуту её приближения, «Малейшее какое-нибудь движение, незначащее усилие, и со мной делается черт знает что. Страшно, просто страшно. Я боюсь». И это уже остаточные симптомы. А что же творилось с ним во время разгара болезни? Никогда ещё смерть не подходила к Гоголю так близко, как на этот раз. Потом она приблизится вплотную…

Но жизнь дала ему довольно длительную передышку. Сороковые годы — годы почти спокойные для Гоголя. Именно в этот период и начали мелькать рядом с его именем всевозможные женские имена. Романы? Увлечения? Как ни хотелось этого жадной до сплетен публике, ничего подобного не было. Просто — очередной парадокс! — Гоголь, боявшийся и не знавший женщин,

тем не менее считал, что они самые благодарные слушатели. Женщина — верит, мужчина — лишь проверяет разумом. Потому Гоголь и окружал себя всегда постоянными слушательницами и восторженными сторонницами его идей. Александра Осиповна Смирнова-Россет, Аполлина, Софья и Анна Виельгорские и сестры Гоголя — все они становились проводниками его идей, были самыми горячими поклонницами его творчества. Но никого из них не было рядом в его последние годы. Тогда ему женщины уже не были нужны даже в качестве слушательниц. Да и никто уже не был нужен!

Почти трехлетняя пауза в творчестве сказалась пагубно. Ведь для него не писать — значило не жить. Поэма шла вяло. Отдушину он находил лишь в письмах, но и они становились все более и более обучающими, назидающими. Адресаты далеко не всегда готовы были стать послушными учениками и адептами Гоголя. Все уже становился круг его общения, все прочнее замыкался он в себе. Вот отчего брала тоска, вот в чем была основная причина его слабости, а вовсе не в физическом заболевании.

Хотя и физическое здоровье его сильно пошатнулось. В 1845 году опять накатило то, страшное, непереносимое. «Я дрожу весь, чувствуя холод беспрерывный, и не могу ничем согреться. Не говорю уже о том, что исхудал весь. как щепка, чувствую истощение сип и опасаюсь очень, чтобы мне не умереть. прежде путешествия в обетованную землю».

А с этой поездкой — давно желаемым планом путешествия в Иерусалим — тоже не складывалось. Гоголь дал себе обет: поехать тогда, когда будет закончен второй том «Мертвых душ», а он не получался. Более того, все созданное «из-под палки», под собственным принуждением было сожжено. «Раз написанное дурно, то и я дурен, а если я дурен, то и написанное дурно». Из этого круга не было выхода.

Он в самом деле чувствовал в себе угасание сил. И опять не побоюсь поставить современный диагноз — депрессия. Жесточайшая, изматывающая, не оставляющая ни малейшего проблеска надежды. Тогдашние врачи лечили не причину, а многочисленные следствия: слабость, жар, лихорадку, отсутствие аппетита, бессонницу. Все, что угодно, только не душу Остается лишь удивляться, что смерть отступила от писателя и на этот раз. Видно, Бог берег его, потому что он был ещё нужен России. А впрочем, кто знает?

В любом случае, появились «Выбранные места из переписки с друзьями» — книга, после публикации которой было повсеместно объявлено, что Гоголь… сошел с ума.

Ничего подобного! Просто Гоголь в этой своей книге призывал к миру и объединению как раз тогда, когда ничего этого просто быть не могло. Европа уже чувствовала близкое дыхание революции 1848 года. А Россию Гоголь основательно забыл. «Никого мы не лучше, — писал он, — но нет у нас непримиримой ненависти сословья противу сословья и тех озлобленных партий, которые водятся в Европе и которые поставляют препятствие необоримое к соединению людей». А ко всему прочему он самую резкую критику направил… против самого себя и своих произведений. Добровольный спуск с пьедестала, на который публика уже успела вознести писателя, мог быть воспринят ею только как проявление сумасшествия.

В феврале 1848 года Гоголь все же посетил Иерусалим. Он искал там свидания с Богом без свидетелей, а попал… «на ярмарку. Люди со всего света толпились на Голгофе, и не было там ни покоя, ни тишины, ни откровения. Мне кажется даже. что во мне и веры нет вовсе; признаю Христа богочеловеком только потому, что так велит мне ум мой, а не вера. Я изумился его необъятной мудрости, но веры нет у меня. Хочу верить».

Больше всего Гоголя потрясло то, что именно в Иерусалиме он окончательно убедился в своем безверии. И это, по-видимому, было началом конца.

Вернувшись в Россию весною того же года, он уже почти ничего не писал. Только письма. И даже сделал попытку зажить нормальной жизнью: чуть было не посватался к Анне Михайловне Виельгорской. Но роман этот — если он вообще был — проходил как-то странно. Чего стоит, например, письмо Гоголя к Анне, где он, с одной стороны, печется о её здоровье и дает полезные советы, а с другой… «Да и вам же совсем не к лицу танцы: ваша фигура не так стройна и легка. Ведь вы нехороши собой. Знаете ли вы это достоверно?»

И это пишет человек, никогда особой красотой не отличавшийся. И кому — девушке, на которой вроде бы собирается жениться! Неудивительно, что брак не состоялся, да и о самом сватовстве не было ничего точно известно: то ли оно было, то ли его не было. Типично по-гоголевски!

А на место полумифического романа опять пришел страх. И уже не уходил никуда до последних минут жизни Гоголя. И ещё — унаследованная от отца вера в приметы и предчувствия. Гоголь слег в постель окончательно 11 февраля 1852 года, и дальше все произошло столь же стремительно, сколь и мучительно. После смерти в январе того же года молодой родственницы одного из друзей, Гоголь уверовал в то, что все лекарства — это яд. 13 февраля он произнес одну из своих

последних сознательных фраз:

— Надобно уж умирать, и я умру, я уже готов.

Причем вид у него был, как у человека, для которого все задачи разрешены, все дела сделаны и конец — нечто само собой разумеющееся.

Более того, после причащения в ночь с 11 на 12 февраля он уже ничего не ел. Ни крошки. Одной из причин смерти был и этот отказ от пищи: в какой-то степени Гоголь умер от голода. Но не только.

Его, наконец, стали лечить и от душевного расстройства, но средства тогда были, мягко говоря, варварскими. Ему лили на голову холодную воду, насильно раздевали, укладывали в ванную, оборачивали мокрыми полотенцами, сажали на нос пиявки… Судите сами, могло ли помочь такое «лечение» человеку, твердо решившему спокойно и достойно уйти из жизни? А если кто-нибудь хоть раз в жизни испытывал приступ депрессии — подумайте, что было бы, возьмись врачи лечить вас от неё вот так, как лечили Гоголя.

В конце концов созвали консилиум. Все известные тогда в Москве медицинские светила собрались возле постели Гоголя. Они терялись в догадках, говорили и о воспалении в кишечнике, тифе, нервической горячке, помешательстве… А он…..он просто не хотел жить.

И не стал. В восемь часов утра 21 февраля 1852 года Гоголь умер. И лицо покойного «выражало не страдание, а спокойствие, ясную мысль». Так, по крайней мере, свидетельствует очевидец. И впоследствии эту ясность, умиротворенность припишут тому, что Гоголь не умер, а лишь уснул летаргическим сном. Об этом якобы свидетельствует тот факт, что при перезахоронении Гоголя через сто лет после смерти из Свято-Данилова монастыря на Новодевичье кладбище обнаружилось, что его скелет лежал в гробу… на боку.

Андрей Вознесенский написал на эту тему стихотворение, за которое получил суровый нагоняй от исследователя жизни и творчества Гоголя И. Золотусского, самолично присутствовавшего при вскрытии гроба писателя. Ничего подобного не было! — утверждал Золотусский. Существует и ещё одна самая последняя «сенсация»: череп Гоголя якобы был похищен почитателем его творчества и теперь… путешествует в призрачном поезде по всей планете, появляясь то в Италии, то во Франции, то на Украине, на родине Гоголя…

Ну что тут скажешь?

Мятежный Шамиль

Когда ребенок родился, его назвали Али — в честь деда. Но новорожденный был настолько слаб и хил, что родители применили испытанное средство у горцев: изменили мальчику имя. К их великой радости, он начал поправляться и стал крепким, здоровым и очень сильным юношей, которого звали Шамиль.

Старики из его родного аварского селения Гимры впоследствии вспоминали. что в молодости Шамиль отличался от товарищей непреклонной волей, любознательностью, гордостью и властолюбивым характером. Никто не мог перегнать его, побороть, победить в состязаниях на шашках или в стрельбе. Если же такое происходило — чрезвычайно редко! — то Шамиль на долгие недели исчезал, переживая свое поражение.

Помимо физических упражнений. Шамиль неё свое время уделял учению. Юноша получил основательное по тем временам классическое мусульманское образование. Двадцати лет от роду он закончил курс грамматики, логики. риторики и арабского языка, начал слушать курсы высшей философии и законоведения.

К этому времени — началу тридцатых годов прошлого века — на Кавказе стали происходить события, тревожные для России. Видный местный мусульманский деятель Гази-Магомед начал с поразительным успехом пропагандировать в горах новое учение — мюридизм, что означало «поиск пути спасения». Единственным его отличием от ортодоксального ислама было то, что мюриды верили: народ выдвигает из своей среды пророков, которые стараются сохранить учение Корана в чистоте, а все правоверные должны повиноваться им как подлинным повелителям. Таким пророком Гази-Магомед явственно обозначил себя и начал активно готовить мусульман Кавказа к вооруженной борьбе с «неверными» — читай, с Россией.

Россия тоже не дремала: в 1817 году была построена крепость Грозная, в 1819 году — крепость Внезапная, а в 1821 году — крепость Бурная. Делалось зто для того, чтобы оградить пограничные русские и казачьи поселения от внезапных набегов горцев.

В 1831 году Гази-Магомед поднял чеченцев на общее восстание против России с требованием разрушить крепости, срыть укрепления и вообще отодвинуться от Кавказа подальше. Три тысячи человек засели в укрепленном ауле Герменчук, где их осадила русская армия. В ожесточенном бою погибли почти все чеченцы, ни один из них не пожелал сдаться в плен. Кроме Гази-

Магомеда и нескольких его ближайших сподвижников, которые спаслись чудом. Что за чудо — история умалчивает.

С этого момента Гази-Магомед объявил России газават — священную войну — и своей правой рукой сделал тридцатитрехлетнего Шамиля, о безукоризненной нравственности, честности и храбрости которого уже ходили легенды. В своем первом серьезном бою с русскими войсками он их полностью подтвердил и добавил новые.

Тогда в ауле Гимры человек пятнадцать мюридов-фанатиков во главе с Гази-Магомедом и Шамилем забаррикадировались в башне и отстреливались из бойниц. Но затем Гази-Магомед сказал: «Здесь всех нас перебьют, и мы погибнем, не причинив вреда неверным, лучше выйдем и умрем, пробиваясь».

Пробиться удалось только двоим: Шамилю и ещё одному мюриду. Шамиль зарубил троих солдат, карауливших выход из башни, но четвертый всадил ему штык в грудь, да так, что острие вышло из спины. Шамиль правой рукой схватил дуло ружья, а левой изрубил солдата, затем выдернул штык и, зажав рану, приготовился к дальнейшей драке. Но русские солдаты не решились схватиться с человеком, проявившим такую безумную отвагу. Они лишь швыряли ему вслед камни, один из которых повредил Шамилю ребро в левом боку, второй — лопатку, третий ранил затылок.

Шамиль все-такив ыбрался за пределы аула и упал без сознания в лесу. Его не преследовали: было очевидно, что человек с такими ранениями не жилец на этом свете.

Однако он выжил, хотя выздоровление растянулось на полгода. Только из-за этого Шамиля не избрали сразу преемником Гази-Магомеда, и им стал другой человек, Гамзат-бек. Но он не пользовался среди горцев таким авторитетом, как Шамиль. Причин было много. Например, в 1834 году Гамзат-бек надумал вступить в переговоры с русскими о прекращении военных действии, в случае если ему… положат пожизненную пенсию от русского правительства. Его условие не было принято, зато сгало широко известно. Имелись за ним и другие грешки, за которые Гамзат-бека просто зарезали в мечети, причем сделал это не кто иной, как один из ближаиших сподвижников Шамиля.

Нетрудно догадаться, кто вскоре занял его место. Но Шамиль заставил трижды просить себя об этом и согласился лишь на третий раз, всячески подчеркивая, что подчиняется воле народа, а не следует собсвенным честолюбивым планам. Возможно, так оно и было. К тому же, если бы Шамиль действительно не был народным избранником, вряд ли бы он продержался на своем высоком посту имама на протяжении долгих лет.

Он заслужил впоследствии и уважение своих врагов — русских, а для этого нужно было быть действительно незаурядным человеком. Наконец ему удалось объединить дотоле раздробленные народы Северного Кавказа, а эта задача вообще никому, кроме него, не была по плечу. Решив сэкономить на пожизненной пенсии предшественнику Шамиля, Россия обрела такого врага, какого не имела, пожалуй, со времен татаро-монгольского нашествия.

Буквально слово «имам» означает — полновластный правитель всеми делами мусульманского народа как в духовной, так и в гражданской сфере, причем имеющий полное право изменять некоторые постановления шариата и издавать новые.

Шариат — свод законов жизни мусульманина — для иноверцев кажется дикостью. По его правилам, например, супружеская неверность карается избиением камнями, причем наказывается не только согрешившая женщина, но и её партнер. Непослушание на войне карается смертью. Семью перебежчика сажали в яму, а его дом сжигали. Пьянство вообще смертный грех, за который можно было и убить, и изгнать из родного села — на усмотрение судей. Но Шамиль с таким умением и тактом использовал шариат, что никто никогда не жаловался на несправедливость или излишнюю жестокость имама.

Один эпизод, произошедший в самом начале правления Шамиля, дает достаточно четкое представление о том, каким образом этому человеку удалось получить практически абсолютную власть и так долго её удерживать.

Чеченцы, изрядно утомившиеся от постоянных столкновений с русскими войсками, решили обратиться к Шамилю — тогда ещё имаму только Дагестана — с просьбой позволить признать над собой власть России. Просьба была настолько рискованной, что чеченцы долго ломали голову, через кого её передать Шамилю. И решили — через его мать, Баху-Меседу. Имам так любил её, что все просьбы исполнял безоговорочно, как завет священного Корана. Пожилой женщине чеченцы предложили немалые деньги за посредничество, и она соблазнилась.

Шамиль выслушал просьбу матери и… на три дня заперся в мечети. Положение его было действительно незавидным. Простить дерзкую — немыслимо, наказать собственную мать — слишком тяжело. И он наконец придумал средство.

Шамиль вышел из мечети на площадь, туда же привели его мать, покрытую белой чадрой. Имам заявил:

— Правоверные! Я должен объявить вам страшную вещь. Чеченцы, забыв свой долг и клятву, принесенную ими перед Аллахом и Магометом, в сердцах своих положили дерзкое

намерение покориться гяурам и не устыдились послать депутатов к несчастной моей матери. Она, слабая женщина, решилась ходатайствовать за безумных. Я трое суток молился и просил Аллаха просветить меня. И Аллах отвечал: «Кто первый высказал тебе такое постыдное намерение, тому и дай сто ударов плетью». По воле Аллаха я должен дать эти сто ударов моей матери.

Народ пришел в ужас от этих слов имама, а Шамиль перешел к делу: приближенные мюриды сорвали с его матери чадру и схватили за руки, а Шамиль взял плеть. После пятого удара женщина лишилась чувств, а Шамиль бросился к её ногам и на коленях сказал:

— Я просил Аллаха о помиловании, и он сказал, чтобы остальные девяносто пять ударов я принял на себя. Теперь бейте меня, да смотрите, если кто пропустит хоть один удар, того я тотчас же заколю.

Шамиль терпеливо снес удары, а затем приказал привести к себе чеченских депутатов. Те явились в страхе, ожидая смертной казни, но Шамиль отпустил их со словами:

— Вы видели, что здесь было. Возвращайтесь к народу вашему ч расскажите ему об этом.

Больше никто из горцев и не помышлял о том, чтобы подчиниться России.

Однако события развивались так, что 18 августа 1859 года Шамиль со всем своим семейством и ближайшим окружением был вынужден бежать в укрепленный аул Гуниб в Южном Дагестане. С собой он, между прочим, вез: золото и серебро на шести лошадях, драгоценности на одной лошади, книги на семнадцати лошадях, ружья — на трех, ещё на трех — шашки, пистолеты, кинжалы и панцири, а на сорока лошадях — платья жен. По дороге его ограбили, и в Гуниб он приехал практически нищим. Тот факт, что горцы осмелились посягнуть на имущество имама, красноречивее всего говорил о том, что правлению Шамиля пришел конец.

Аул Гуниб, расположенный на вершине высокой горы, представлял собой практически неприступную крепость. Тем не менее нашлись доброжелатели из местных жителей, указавшие русским солдатам путь по скалам со стороны, противоположной основным воротам. Сто тридцать добровольцев, используя лестницы и крючья, в полной тишине вскарабкались на стены. Осажденные спохватились слишком поздно, и к шести часам утра после ожесточенной перестрелки аул был взят. Шамиль был вынужден сдаться, что само по себе для мусульманского мира того времени было фактом беспрецедентным.

Командовавший операцией полковник Лазарев встретил

высокопоставленного пленника такими словами:

— Шамиль! Всему миру известно о твоих подвигах, и слава их не померкнет, если ты, покорясь судьбе, выйдешь сегодня к главнокомандующему и предашься великодушию государя императора. Ты спасешь от гибели тысячу человек, оставшихся в живых и тебе преданных. Заверши свои славные подвиги поступком благоразумия и великодушия, и твое будущее, а также будущее твоей семьи будет обеспечено.

Шамиль последовал совету полковника, его с почетом отправили в Россию. В Санкт-Петербурге его принял сам император, затем в Москве местное общество, особенно дамы, нашло его «премилым стариком». Наконец он прибыл в назначенную ему для проживания Калугу и стал с нетерпением ожидать приезда своих жен и детей.

Нужно сказать, что за всю жизнь Шамиля у него было восемь жен. Первая — Хория, с которой он прожил в браке, заключенном по каким-то родственным соображениям, всего лишь три дня. Вторая — Фатимат. дочь человека, вылечившего Шамиля от страшных ран при осаде Гимры. Эту жену он любил больше всех, она родила ему трех сыновей и двух дочерей, а когда смертельно заболела, он бросил все и поспешил к ней, успев проститься. Третья — Джавгарад, была убита русской пулей вместе со своим новорожденным сыном, которого она как раз кормила. Четвертая — Залидат, считалась одной из умнейших женщин Дагестана и Чечни и имела на мужа большое влияние, даже в важных политических и военных делах. Она родила Шамилю двух дочерей и одного сына. Пятая — Шуанат (армянка Анна), похищенная прямо из родительского дома в Моздоке и принявшая ислам. Шуанат заменила Фатимат, отвечала на обожание Шамиля преданной и глубокой любовью и родила ему дочь Софиат. Во избежание семейных неприятностей стремилась во всем угождать Залидат, вплоть до того, что отказывалась иметь вещи дороже и лучше, чем у той. В шестой раз Шамиль женился на женщине в годах — тоже Фатимат — исключительно для того, чтобы было кому вести хозяйство, потому что и Залидат, и Шуанат были ещё слишком молоды и неопытны. С седьмой женой — Аминат — Шамиль расстался через три месяца после свадьбы, так как она не нашла общего языка с властной Залидат. Наконец, в восьмой раз Шамиль женился на молоденькой чеченке Зейнаб, с которой прожил в браке… три часа, побив собственный рекорд первой женитьбы. Почему так произошло — неизвестно.

В Калугу приехали Залидат, которой к тому времени было тридцать пять лет, и Шуанат — пятью годами моложе, а также три дочери и четыре сына со своими семьями. Самому Шамилю

было уже за шестьдесят, а его младшему сыну — четыре года.

Шуанат прекрасно говорила по-русски и горячо возражала калужским дамам, когда те удивлялись, как можно одновременно любить несколько женщин: «Ах, я сама была христианкой и знаю, что у ваших мужей тоже по нескольку жен, только они их имеют тайно, а у нас не скрывают их».

Климат России пленники переносили тяжело: в Калуге от чахотки умерли семнадцать домочадцев Шамиля, в том числе любимая дочь его Нафисат. С трудом оправившись от этой утраты, Шамиль отправил императору собственноручное письмо на арабском языке:

> «Ты, Великий Государь, победил меня и кавказские народы, мне подвластные, оружием. Ты подарил мне жизнь. ты покорил мое сердце благодеяниями. Мой священный долг как облагодетельствованного дряхлого старика и покоренного твоею великою душою внушить детям их обязанности перед Россией и её законными царями. Я завещаю им питать вечную благодарность к тебе, государь, быть верноподданными царям России и полезными слугами нашему новому отечеству.
>
> Успокой мою старость и повели, государь, где принести мне и детям моим присягу на верное подданство. Я готов произнести её всенародно.
>
> В свидетели верности и чистоты моих помыслов я призываю Аллаха и пророка его Магомета и даю клятву перед недавно остывшим телом моей наилюбимейшей дочери Нафисат на священном Коране. Соизволь, государь, ответить на мою искреннюю просьбу».

Шамиль принес присягу в августе 1866 года. Три года спустя его перевезли в Киев, где климат был мягче калужского, а в начале следующего года разрешили отправиться в паломничество в Мекку, священный город для всех мусульман. Но доехал он только до Медины, где скончался на руках у своих родичей. Произошло это 4 февраля 1871 года. Было ему шестьдесят семь лет. Залидат пережила мужа на три месяца и скончалась в Мекке. Шуанат прожила ещё шесть лет.

Очевидцы отмечали, что Шамиль умер, благословляя Россию и молясь за её великодушного монарха.

По-арабски Шамиль означает всеобъемлющий…